

Глаз В Небе

Филип Дик

Глава 1

Протонно-лучевой дефлектор «Мегатрон», находящийся в Белмонте, штат Калифорния, преподнес своим создателям отвратительный сюрприз — он сломался. Все произошло мгновенно: луч протонов, напряжением в шесть миллиардов вольт, ударил под крышу «Мегатрона» и походя снес обзорную платформу.

На платформе в это время находились восемь человек: группа экскурсантов и гид. Все восемь рухнули на каменный пол и валялись в шоке, пока спасатели не убрали магнитное поле и с большим трудом не подавили жесткую радиацию.

Четверо из восьми нуждались в срочной госпитализации. Двоим некоторое время пришлось хорошенько походить по врачам и изрядно потратиться на лекарства. Остальным оказали первую помощь и посоветовали идти домой.

Местные газеты не замедлили поднять шумиху вокруг происшествия. Адвокаты пострадавших громогласно выступали в суде, добиваясь возмещения ущерба. Невзирая на всю суету по случаю аварии, на руинах появились рабочие, спокойно достали инструменты и принялись ковыряться в искореженном агрегате. Правда, кое-какие меры все же приняты были: пару должностных лиц, связанных с «Мегатроном», уволили, равно как и дефлекторную систему вместе с ее вдохновенными разработчиками — отправили на свалку.

Происшествие заняло совсем немного времени: в 4.00 начались аномальные отклонения, а в 4.02 восемь человек уже угодили в жуткую лучевую молотилку. Гид, молодой негр, упал первым. Последним оказался на полу молодой инженер с расположенного неподалеку ракетного завода. В тот момент, когда всю группу повели на платформу, он отстал, вернулся в коридор и собрался закурить. Если бы он не бросился спасать жену, то остался бы скорее всего невредим. Последняя картина в его затухающем сознании: выпавшие из рук сигареты и — тщетная попытка схватить Маршу за рукав плаща...

В то утро Джек Гамильтон долго сидел без дела в своей лаборатории, с кислым видом точил карандаши и потел от переживаний. Подчиненные продолжали работу, все шло заведенным порядком. В полдень появилась Марша — сияющая, милая, изысканно одетая, ни дать ни взять яркая птичка из Голден-Гейт-парка.

Появление жены стряхнуло мрачное оцепенение. Это благоухающее дорогой парфюмерией, нарядное и беззаботное существо было самым большим достоянием Джека, много ценней других его сокровищ — к примеру, новейшей акустической системы «Hi-Fi» или коллекции лучших сортов виски.

— Ну, какие проблемы? — спросила Марша, присев на край серого металлического стола и болтая стройными ножками. — Поторапливайся, надо еще успеть перекусить... А то опоздаем! Сегодня первый день работы дефлектора — того самого, что ты хотел увидеть. Или забыл?.. Ты готов?

— Готов хоть в газовую камеру, — хмуро ответил Гамильтон. — Тем более она вроде как уже поджидает меня.

Карие глаза Марши округлились; ее беззаботность сменилась беспокойством.

— Что такое? Опять секреты фирмы? Милый, ты мне ни слова не сказал, что у тебя трудный день!.. За завтраком ты резвился, как щенок на прогулке.

Взглянув на часы, Гамильтон тяжело поднялся.

— Ладно, давай подкрепимся хорошенько. Другой возможности уже, вероятно, не представится... Как бы эта экскурсия не оказалась для меня последней.

Но Джек не добрался даже до выхода из лаборатории, не говоря уж о ресторане, который находился за чертой режимной зоны «Калифорния мэйнтэнанс». Гамильтона остановил курьер, протягивая туго скрученный лист бумаги.

— Мистер Гамильтон, это вам. Полковник Эдвардс просил передать...

Негнушмиися пальцами Гамильтон развернул бумажку.

— Вот оно!.. — тихо проговорил он жене. — Присядь-ка в холле. Если не вернусь через час или около того, поезжай домой и открой банку свинины с фасолью...

— Но, Джек!.. — Марша сделала беспомощный жест. — Ты говоришь это так... так страшно! Ты что-то уже знаешь?

Джек знал. Склонившись, он быстро поцеловал жену в алые, влажные, чуть вздрагивающие губы и зашагал по коридору вслед за курьером, направляясь к управленческим этажам. Там, в шикарном конференц-зале, обычно торжественно заседало руководство корпорации.

Джек уселся, физически ощущая присутствие начальства — всей этой толпы заправил и боссов без пола и возраста — как колыхнувшуюся смесь сигарного дыма, дезодоранта и обувного крема.

Над длинным металлическим конференц-столом висела бормочущая каша голосов. Во главе стола сидел старый полковник собственной персоной, окопавшийся за стеной укреплений из всякого рода справок и отчетов. Каждый чин, в той или иной степени, имел свой оборонительный вал на столе — хотя бы папку, массивную пепельницу или стакан теплой воды. Напротив полковника Эдвардса пристроился толстяк Чарли Макфиф в форме капитана охраны. Той самой охраны, что патрулировала вокруг ракетного завода, выполняя роль своеобразного пугала от мифических русских шпионов.

— А, вот и вы, — пробормотал полковник, сурово взглянув поверх очков на Гамильтона. — Это не займет много времени, Джек. На повестке дня один вопрос... Вам не придется сидеть долго и выслушивать...

Гамильтон промолчал. Он застыл в напряженном ожидании.

— Речь пойдет о вашей жене, — начал Эдвардс, послунив толстый палец и принимаясь листать какой-то отчет. — Как я понимаю, вы теперь, после отставки Сазерленда, полностью отвечаете за наш исследовательский отдел... Верно?

Гамильтон кивнул. Его руки на стальной поверхности стола выглядели неестественно серыми. Он криво улыбнулся: серые будто кожа мертвеца. Вздернули, подвесили за шею, чтоб другим неповадно было, — и все признаки жизни тихо улетучились.

— Ваша жена, — рокотал Эдвардс, в то время как его руки выделявали замысловатые коленца над страницами перелистываемого доклада, — классифицируется как фактор риска для безопасности предприятия. Вот у меня доклад... — Он кивком указал на безмолвного капитана. — Мне принес его Макфиф. Следует сказать, *с неохотой принес*.

— С большой неохотой, черт побери! — вставил Макфиф, обращаясь к Гамильтону. Его глаза, больше похожие на медные пуговицы от мундира, просили о снисхождении. Гамильтон проигнорировал его.

— Разумеется, вам хорошо известны наши правила безопасности. Мы частный концерн, но наш клиент — Правительство. Никто, кроме Дяди Сэма, наши ракеты покупать не может. Поэтому нам надо быть настороже. Я довожу это до вашего сведения, а вы решайте как знаете. Прежде

всего это ваше дело. Нас оно касается лишь постольку, поскольку вы возглавляете лабораторию. И тогда это становится *нашим делом*.

Он смотрел на Гамильтона так, будто видел его впервые; несмотря на то, что лично принимал Джека на работу добрых десять лет назад, когда Гамильтон был молодым, энергичным, перспективным инженером-электронщиком, только что из Массачусетского технологического.

— Значит ли все это, — спросил Гамильтон внезапно севшим голосом, — что Марше запрещено появляться на заводе? — При этом пальцы его нервно сцепились, будто два быстрых краба в схватке.

— Нет, — ответил Эдвардс, — это значит, что *вам* будет отказано в допуске к секретным материалам, пока ситуация не изменится.

— Но ведь... — Гамильтон в изумлении умолк. Потом выпалил: — Все материалы, с которыми я имею дело, секретны!

Ему никто не ответил. Только в углу натужно гудел кондиционер.

— Черт меня поberi! — неожиданно громко сказал Гамильтон. Несколько бумажек, словно стайка испуганных птиц, взлетели в воздух... Эдвардс искоса, с любопытством взглянул на Джека. Чарли Макфиф закурил сигару и нервно пригладил тяжелой ладонью свою редешую шевелюру. В простецкой коричневой униформе он был похож на этакого пузатого увальня — глуповатого патрульного дорожной службы.

— Предъявите ему обвинения, — заговорил Макфиф. — Дайте ему шанс защититься, полковник. Какие-то права у него все же есть!

Некоторое время полковник Эдвардс молча копался в справках, представленных ему службой безопасности. Но вскоре с помрачневшим от безнадежности лицом он подвинул досье к Макфифу.

— Твой отдел все это готовил, — пробормотал он, как бы отрешиваясь от щекотливого дела. — Ты и скажи.

— Вы что же, собираетесь читать это здесь?! — запротестовал Гамильтон. — Для тридцати человек? В присутствии всех чиновников компании?

— Они уже видели этот доклад, — не без сочувствия заметил Эдвардс. — Он был подписан около месяца назад. И с той поры циркулировал. В конце концов, мой мальчик, ты у нас персона важная. Мы не можем позволить себе отнестись к этому вопросу легкомысленно.

— Во-первых, — заявил Макфиф, явно чувствующавший себя не в своей тарелке, — это дело нам передали из ФБР.

— Вы их запрашивали? — язвительно спросил Гамильтон. — Или досье чисто случайно начало циркулировать по стране?

Макфиф побагровел.

— Ну, в общем, мы их запросили. Обычная деловая справка. Боже милостивый, Джек, да и на меня есть досье. А ты что думал? Даже на Президента досье заведено!...

— Вам нет нужды читать эту чушь, — проговорил дрогнувшим голосом Гамильтон. — Марша вступила в прогрессивную партию еще будучи зеленой первокурсницей. Да, она вносила деньги в помощь испанским беженцам. Выписывала радикальный журнал. Все это я и так давно знал.

— Прочитайте полученные материалы! — приказал Эдвардс.

Продираясь сквозь дебри доклада, Макфиф внимательно выискивал нужные данные.

— Миссис Гамильтон вышла из прогрессивной партии. Журнал «Ин факт» больше не издается. Она посещала собрания калифорнийского отделения Союза работников искусств, наук и свободных профессий — из прокоммунистических организаций это одна из самых активных. Она подписала Стокгольмское мирное воззвание. Вступила в Союз гражданских свобод, обвиняемый наблюдателями в левацкой ориентации.

— Что это значит — «левацкая ориентация»? — потребовал объяснений Гамильтон.

— Это означает симпатию к лицам или группам лиц, которые общаются с коммунистами. — Макфиф продолжил старательное чтение доклада: — Миссис Гамильтон написала письмо в «Сан-Франциско хроникл», протестуя против запрета на въезд Чарли Чаплина в Соединенные Штаты. Она подписала воззвание за освобождение супругов Розенберг, осужденных за измену родине. Она выступила на собрании Аламедской лиги женщин-избирательниц, высказываясь за допуск в ООН красного Китая — коммунистической страны! Вступила в оклендское отделение организации «Мирное сосуществование или смерть», имеющей также отделения в странах за железным занавесом. А еще внесла деньги на нужды Общества содействия прогрессу цветного населения. — Он повысил голос: — Сорок восемь долларов пятьдесят пять центов!

В зале стояла тишина.

— Все? — буркнул Гамильтон.

— Да, это весь материал по данному вопросу.

— А упоминается ли там, — сказал Гамильтон, стараясь унять волнение, — что Марша выписывает «Чикаго трибюн»? Или что она участвовала в избирательной кампании Эда Стивенсона?.. Что вносила деньги в Общество за гуманное отношение к кошкам и собакам?..

— Не вижу, какое это имеет отношение?.. — нетерпеливо перебил Эдвардс.

— Для полноты картины! Да, Марша пару раз читала «Ин факт». Ну и что? В руках у нее бывал и «Нью-Йоркер». Она вышла из прогрессивной партии вслед за Уоллесом и вступила в организацию «Молодые демократы». Это упомянуто? Не скрою, ей любопытен коммунизм, но разве она оттого стала коммунисткой? Все, о чем вы тут болтали, — вздор! Эка невидаль, женщина иногда заглядывает в левые журналы и слушает левых ораторов... Это еще не доказывает, что она одобряет коммунизм, или подчиняется их партийной дисциплине, или выступает за свержение правительства, или...

— Мы и не утверждаем, что твоя жена — коммунистка, — заметил Макфиф. — Мы только отмечаем, что она фактор риска для безопасности. А вероятность того, что Марша коммунистка, *существует*.

— Господи! — воскликнул Гамильтон, вполне сознавая, насколько бесполезны его слова. — Тогда я должен доказать, что она *не* коммунистка? Так, что ли?

— Да, есть вероятность, — не слушая Гамильтона, поддержал заключение Макфифа Эдвардс. — Джек, попытайся мыслить здраво, не поддавайся эмоциям. И не кричи. Может, Марша и красная, может — и нет. Не о том речь. Что у нас против нее? Материал, который говорит, что твоя жена занимается политикой — притом радикальной политикой. А это нехорошо.

— Маршу все интересует. Она умна и образованна. У нее в распоряжении целые сутки, чтоб узнать обо всем. Или она, по-вашему, должна сидеть дома и только... протирать мебель? Готовить?.. Или шить?

— Тут мы имеем определенный образ жизни, модель поведения, что ли, — разъяснял Макфиф. — Надо признать, что ни один из приведенных пунктов сам по себе не является обвинением. Но если их сложить вместе и взять среднестатистическую норму, то... это выходит за всякие рамки, Джек. Слишком во многом замешана твоя жена.

— Всего лишь общение, не больше. Разве на основе этого можно доказать, что она согласна с их речами?

— Мы не можем прочесть ее мысли. Ты и сам не можешь. Но судить о поступках — другое дело. В какие общества она вступает, какие петиции подписывает, куда деньги вносит. Для нас это единственные улики, нам из этого приходится исходить. Ты говоришь: она ходит на митинги, но не согласна с речами. Давай на минуту представим себе вот что: полиция накрывает непристойное шоу, вяжет девиц и менеджера, но отпускает зрителей. Ведь те заявили, что

зрелище им не понравилось... — Макфиф развел руками. — Если им не нравилось — зачем они там сидели? Один раз — допускаю. Из любопытства. Но не раз за разом, из года в год.

Жена твоя с левыми водится уже десять лет. С тех пор, как ей исполнилось восемнадцать. У нее было достаточно времени, чтобы составить мнение о коммунизме. Но она продолжает иметь дела с левыми. Она по-прежнему тут как тут, стоит лишь кучке комми устроить протест против линчевания на Юге или завопить по поводу ассигнований на оборону. Ссылка на то, что Марша также читает «Чикаго трибюн», не более уместна, чем тот факт, что любитель порношоу ходит еще и в церковь. Это лишь доказывает разносторонность, даже противоречивость его личности... Но факт остается фактом: одна из граней этой личности включает смакование грязи. Его привлекают не за то, что он ходит в церковь, а за то, что он любит непристойности и ходит смотреть на непристойности.

На девяносто девять процентов твоя жена, возможно, такая же американка, как все прочие, — она может хорошо готовить, осторожно водить машину, исправно платить налоги, участвовать в благотворительности или печь пирожные для беспроигрышной лотереи в церковном приходе. Но один последний процент может быть завязан на коммунистов... И — все!

Немного помолчав, Гамильтон выдавил:

— Ты неплохо изложил свою позицию.

— Я верю в свою позицию. Тебя и Маршу я знаю столько же, сколько служу здесь. Вы оба мне нравятся — так же, как и Эдвардсу. Все вас любят. Но не в этом дело. Пока мы не обладаем телепатией и не читаем чужие мысли, нам придется полагаться на статистику. Мы не можем утверждать, что Марша агент иностранной державы. А ты не можешь утверждать, что она им не является. И пока нам придется разрешить сомнение не в ее пользу. Не имеем права поступить иначе.

Чуть закусив толстую нижнюю губу, Макфиф спросил:

— Тебе никогда не приходило в голову спросить себя: а не коммунистка ли моя жена?

Не приходило... Возопревший от столь неожиданного обсуждения его личной жизни, Гамильтон молчал, уставив невидящий взгляд в тусклое железо столешницы. Джек всегда полагал, что Марша говорит ему правду, уверяя, что коммунизм ей только любопытен. Теперь, благодаря усиленному давлению коллег, у Джека впервые запало в душу некое горестное сомнение. Черт возьми, с точки зрения статистики все возможно!

— Я спрошу ее сам об этом, — громко проговорил он.

— Спросишь? — криво усмехнулся Макфиф, но, спохватившись, придал физиономии постное выражение. — И что она ответит?

— Конечно, скажет нет!

Эдвардс качнул головой:

— Это ровным счетом ничего не стоит, Джек! Если сам ты хорошенько подумаешь, то согласишься со мной.

Гамильтон вскочил:

— Она рядом, в холле! Пожалуйста, сколько влезет — пригласите и спросите!

— Я с тобой не собираюсь спорить, — вздохнул Эдвардс. — Твоя жена классифицирована как фактор риска, а потому, впредь до особого распоряжения, ты отстраняешься от работы. Либо представь убедительные доказательства того, что она не коммунистка, либо расстанься с ней. — Он пожал плечами. — У тебя же карьера, парень. Дело твоей жизни!

Грустно поднявшись из-за стола, Макфиф вперевалку подошел к Джеку.

Остальные чиновники зашевелились, как болотная ряска под сапогом. Стали тоже подниматься и тянуться к выходу. Разбирательство по делу Гамильтона закончилось. Ухватив Джека за локоть, Макфиф настойчиво повел его к дверям.

— Давай поищем, где тут можно проветриться!...А как насчет выпить? Втроем — ты, я и Марша!.. В «Сейф-Харборе» виски прокисает без нас. Думаю, мы могли бы проявить к нему сочувствие.

Глава 2

— Ничего пить не буду! — заявила Марша ломким, нервным голосом. Бледная, решительная, она стояла перед Макфифом, не обращая внимания на идущих через холл чиновников. — Мы с Джеком собрались на «Мегатрон». Смотреть пуск новой установки. За неделю вперед планировали.

— Моя машина рядом, — расшаркался Макфиф. — Я вас подброшу. — Иронизируя, он добавил: — Я же легавый. Могу подкинуть вас прямо на место!

Когда запыленный «плимут» покотил вниз по склону к корпусам «Мегатрона», Марша проговорила:

— Не знаю, то ли мне смеяться, то ли плакать?.. Я просто поверить не могу! Вы все это серьезно?

— Полковник предложил Джеку выкинуть тебя, как старое пальто, — проворчал Макфиф.

Оглушенная новостью. Марша судорожно выпрямилась, сжав сумочку, как утопающий соломинку. — Ты поступил бы так?

— Нет, — ответил Гамильтон. — Даже будь ты извращенка, коммунистка и алкоголичка, вместе взятые.

— Ты слышал? — обернулась она к Макфифу.

— Слышал.

— Что скажешь?

— Думаю, что оба вы — чудесные ребята. Джек был бы сукин сын, если бы решил иначе. Я и полковнику Эдвардсу так сказал.

— Кто-то из вас двоих, — начал Гамильтон, — здесь явно лишний. Кого-то надо вышвырнуть из машины. Сейчас брошу жребий!..

— Ты разве не видишь? — прошептала Марша. — Произошла ужасная вещь! Это же заговор против нас двоих. Против нас всех!

— Я и сам себя чувствую гнусно, — признался Макфиф. Свернув с дороги к контрольно-пропускному пункту, он вырулил на территорию «Мегатрона». Дежурный у входа отдал честь и помахал рукой; Макфиф махнул в ответ. — В конце концов, вы же мои друзья... но вмешался служебный долг, принуждающий писать объяснительные на друзей. Собирать компромат, распутывать сплетни... Думаете, мне это по душе?

— Засунь свой долг... — начал было Гамильтон, но Марша дернула его за рукав.

— Чарли прав. Он не виноват. Мы все тут ни при чем, все трое.

Машина остановилась у главного входа. Макфиф выключил двигатель, они вышли из машины и понуро побрели вверх по широким бетонным ступеням. После idiotских разговоров желание радостно созерцать чудо техники как-то пропало.

Небольшая группа специалистов собиралась поблизости. Гамильтон придирчиво оглядел их. Модные одетые молодые люди со стандартной короткой стрижкой по-приятельски болтали друг с другом. Рядом топталась и обычная в таких случаях горстка зрителей с улицы. Благополучно пройдя контроль, они предвкушали удовольствие от предстоящего зрелища — «Мегатрон» в действии. Но Гамильтона тянуло к специалистам, все ж таки коллеги...

«Точнее сказать, — подумал он мрачно, припоминая сегодняшнее обсуждение, — я был их

коллегой, еще недавно...»

— Я отойду на минутку, — едва слышно проговорила Марша, прикладывая платок к покрасневшим глазам. — Зайду в женскую комнату, приведу себя в порядок.

— О'кей, — буркнул Джек, погруженный в собственные мысли. Она отошла, и Гамильтон с Макфифом остались наедине в гулком коридоре главного корпуса «Мегатрона».

— Может, оно и к лучшему... — как бы отмахнувшись от назойливой мухи, выдохнул Гамильтон.

Черт возьми, десять лет — долгий срок, для любой работы — долгий. Но тогда чего он достиг за эти годы? Вот вопрос.

— Ты имеешь полное право обижаться, — вялоотреагировал Макфиф.

— Намерения, конечно, у тебя благие, — ответил Гамильтон. Отошел и стал в стороне, засунув руки в карманы.

Хм... обижен! Не то слово. Он оскорблен до глубины души. И чувство это будет с ним, пока он не решит, кому же в конце концов сохранить верность... Скользкая дорожка! Но дело даже не в этом: случившееся стало для Джека потрясением основ, всех его устоявшихся привычек. Это удар по всему, во что он верил и считал незыблемым. И глубже всего уязвил его именно Макфиф, угрожающий теперь его семейному благополучию. И той женщине, которая значит для Гамильтона больше, чем кто-либо другой на свете.

Даже больше, чем работа. Джек вдруг отчетливо, до боли зубовой, осознал это именно сейчас. Его личная преданность всецело принадлежала жене. Прочувствовать это было непривычно и странно. Фактически выбор — кому же он остается верен — бездарен в своем зародыше. Однако у Джека появилась фобия, будто их с Маршей силой оттаскивают друг от друга, словно происходит некое тайное действие, повлиять на которое невозможно. Еще мгновение-другое, и он потеряет любимую женщину навсегда.

— Да, — с трудом ответил он Макфифу. — Чертовски обидно...

— Найдешь ты другую работу. С твоим-то опытом.

— Моя жена! — напомнил Гамильтон. — Я о ней толкую. Как думаешь, будет у меня шанс когда-нибудь поквитаться с тобой? Хотелось бы!.. — Последняя фраза даже для самого Джека прозвучала по-детски наивно. — Ты больной уродец! — заявил он Макфифу, продолжая бесполезный разговор, отчасти потому, что не хотелось удерживать в себе горечь обиды, а отчасти — просто по инерции. — Ты расправляешься с невинными людьми. Параноик в бредовом угаре...

— Прекрати! — оборвал его Макфиф. — Тебе дано было время одуматься, Джек. Целые годы. Слишком много времени, Джек.

Пока Гамильтон подбирал словцо покрепче, вернулась Марша.

— Они запускают простых смертных. Большое начальство уже посмотрело... — Сейчас она выглядела более спокойной. — Эта штука, новый дефлектор, говорят, уже включен.

Гамильтон неохотно оставил капитана.

— Тогда идем.

Макфиф поковылял рядом.

— Это должно быть интересно, — бубнил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Наверняка! — отчужденно ответил Гамильтон, чувствуя, что весь дрожит. Глубоко вздохнув, он вслед за Маршей вошел в лифт и машинально повернулся лицом к выходу. Макфиф сделал то же самое. Гамильтон мог теперь вволю насмотреться на его багровую бычью шею.

На втором этаже они увидели молодого негра с повязкой на рукаве, собиравшего группу посетителей. Они присоединились к нему. Другие терпеливо ожидали своей очереди. Стрелки

часов показывали три пятьдесят; дефлектор уже работал полным ходом.

— Начнем, — на удивление тонким голосом произнес негр, когда группа направилась к обзорной платформе. — Нам надо поторапливаться, чтобы другие успели. Как вам известно, «Мегатрон» в Белмонте сооружен Комиссией по атомной энергии для искусственного воссоздания космических излучений. Главный элемент «Мегатрона» — гигантский магнит, который разгоняет протоны. Положительно заряженные протоны поступают в линейную камеру магнита из трубы ускорителя...

В зависимости от интеллекта и настроения зрители либо глуповато улыбались, либо игнорировали гида. Один высокий, худощавый и строгий пожилой джентльмен стоял как столб, сложа руки на груди и выражая неприкрытое презрение к науке вообще. «Вояка!» — отметил Джек, увидав потемневший металлический значок на хлопчатобумажной куртке. «Ну и черт с ним, — подумал он с горечью. — К черту патриотизм вообще. И в конкретном смысле, и в абстрактном. Что солдафоны, что легавые... Их ничего не интересует, кроме пива, собак, автомашин и пушек».

— А имеется ли рекламный проспект? — жеманно, но в то же время настойчиво спрашивала гида пухлая мамаша преклонных лет. — Мы бы хотели взять с собой для чтения. И для школы тоже.

— А сколько там вольт? — выкрикнул ее сын. — Больше миллиарда?

— Свыше шести миллиардов, — терпеливо отвечал негр. — Такое напряжение получают протоны, прежде чем им сообщают отклонение и выводят из круговой камеры. С каждым оборотом луча в камере заряд и скорость возрастают.

— И какая скорость получается? — поинтересовалась сухопарая тридцатилетняя дама ученого вида. На ней были нелепые очки в тяжелой роговой оправе и строгий деловой костюм.

— Немного меньше скорости света.

— А сколько кругов они делают внутри камеры?

— Четыре миллиона, — ответил гид. — При этом пробегают триста тысяч миль — меньше чем за две секунды.

— Ах!.. Это невероятно! — воскликнула расфуфыренная мамаша.

— Когда протоны покидают линейный ускоритель, — продолжал гид, — они обладают энергией в десять миллионов вольт. Как говорим мы, профессионалы, — десять мегавольт. Не главная задача — перевести их на круговую орбиту точно в нужный момент и под нужным углом, чтоб они попали в силовое поле большого магнита.

— А магнит не может это сделать? — спросил мальчик.

— Нет, для этого существует инфлектор. Протоны очень легко уходят с заданного курса и разлетаются во всех направлениях. Требуется сложная система модуляции, чтобы удержать их и не дать разойтись по расширяющейся спирали. Но даже с разгоном луча до необходимой скорости остается фундаментальная задача вывода его из круговой камеры...

Гид предложил посмотреть на кашалотову тушу магнита, помещенную в защитный кожух прямо под платформой. Своей формой магнит напоминал пряник; из кожуха несся мощный гул.

— Камера ускорителя находится внутри. Ее длина — четыреста футов! Но отсюда она не видна.

— Интересно, — произнес седой ветеран, — помнят ли создатели этой удивительной машины, что любое из посылаемых Богом бедствий, как ураган например, намного превосходит всю собранную человеком энергию. Не только этой, но и всех других машин?

— Конечно, знают и помнят! — ехидно вставила строгая дама. — Они вам до килограмма рассчитают силу урагана!

Ветеран посмотрел на нее с любопытством.

— Вы физик, мадам? — осведомился он.

Гид предложил всей группе пройти на платформу.

— После вас, — отодвинулся Макфиф, пропуская Гамильтонов. Марша прошла вперед, Джек проследовал за ней. Макфиф, изображая интерес к информационным таблицам на стене, уныло замкнул шествие.

Стиснув руку жены, Джек прошептал Марше на ухо:

— Ты что, подумала, будто я и в самом деле откажусь от тебя?.. Мы же не в нацистской Германии!

— Пока еще нет, — убитым голосом ответила Марша. Она была бледна и по-прежнему печальна. Всю косметику она сняла, губы ее казались бескровными. — Милый, когда я думаю о людях, затащивших тебя на судилище, чтоб тыкать тебе в лицо моими поступками, словно я какая-нибудь... шлюха или не знаю кто... Я готова убить их! А Чарли-то, Чарли! Я то думала — он наш друг! Думала, что мы можем на него рассчитывать. Сколько раз он обедал у нас...

— Но ведь мы не в Аравии живем, — напомнил Гамильтон жене. — То, что мы его кормили, не означает, что мы навеки породнились.

— Чтобы я когда-нибудь еще приготовила лимонное безе? И все прочее, что ему нравится! У-у, эти его оранжевые подтяжки! Обещай мне, что никогда не будешь носить подтяжек!

— Пределом моих мечтаний будут безразмерные носки! — Обняв Маршу за плечи, Джек предложил: — Давай сбросим его на магнит!

— У магнита случится несварение. — Марша грустно улыбнулась. — Он, вероятно, выплюнет его обратно. Слишком уж отвратителен!

За ними медленно шли мамаша с сыном. Макфиф отстал: руки глубоко в карманах, мясистые щеки угрюмо отвисли.

— А он не выглядит победителем, — заметила Марша. — Мне даже как-то жаль его. Ведь он не виноват.

— Кто же тогда виноват? — почти шутливо спросил жену Джек. — Эти кровопийцы, капиталистические чудовища с Уолл-стрит?

— Странно слышать это от тебя, — нервно заметила Марша. — Ты раньше никогда не говорил подобного. — Вдруг она сильно сжала ему локоть: — Ты ведь не думаешь в самом деле, что я... — Столь же порывисто отстранившись, она воскликнула: — Да, да, ты думаешь! Думаешь, мол, все оно так и есть!...

— Что — есть? Что ты состояла в прогрессивной партии? Да я же сам тебя возил к ним на митинги. Ты забыла мой старый «шевроле»? Великой новости уже целых десять лет.

— Я не про то. Ведь для генералов и их подручных такие вещи представляются совсем в ином свете... Неужели и твои мозги сдвинуты набекрень?

— Брось, — Джек попытался неуклюже отшутиться, — у тебя нет передатчика в чулане. Я, во всяком случае, не видел.

— А ты искал? — В ее голосе зазвучали металлические нотки. — А вдруг он у меня есть на самом деле? Как знать! Может, я и здесь сейчас не просто так, а чтобы сорвать пуск «Мегатрона», или как там его называют?

— Потихе! — тревожно одернул ее Гамильтон.

— Ты мне не приказывай! — Марша с возмущением повела плечами, резко отступила в сторону и наткнулась прямо на сурового старого вояку.

— Осторожней, леди! — проговорил ветеран, преграждая ей путь к решетке. — Так можно выпасть за борт!

Тем временем экскурсия продолжалась.

— Критическим вопросом создания всей установки, — вещал гид, — была конструкция

отклоняющего модуля, который должен выводить протонный луч из круговой камеры прямо на цель. Было перепробовано несколько способов. Сначала просто отключали в нужный момент генератор; это позволяло протонам уходить наружу по расходящейся спирали. Но такое отклонение луча слишком примитивно...

— Правда ли, — сам удивляясь зачем, отрывисто спросил Гамильтон, — что однажды в Беркли луч старого циклотрона вышел из-под контроля?

Гид заинтересованно взглянул на него.

— Да, говорят.

— Я слышал, что он прошел насквозь служебное помещение, и там до сих пор заметны обугленные края. А по ночам, если выключить освещение, можно видеть радиационное свечение.

— Да, в виде голубого... как бы ореола, — подтвердил гид. — Вы физик, сэр?

— Электронщик, — скромно поправил Гамильтон. — Этот дефлектор меня интересует. Я и с Лео Уилкоксом немного знаком.

— Да, у Лео сегодня великий день, — кивнул гид. — Его установку только что включили на полную мощность.

— Это которую? — спросил Гамильтон.

Гид показал им какую-то сложную систему сбоку от магнита: большая темно-серая труба на мощных опорах была вся окружена путаницей разноцветных трубопроводов малого диаметра.

— Это и есть работа вашего знакомого. Он где-то и сам поблизости. Наблюдает.

— И каковы результаты?

— Пока еще рано говорить.

Оглянувшись, Гамильтон увидел, что Марша стоит на другом конце платформы. Он поспешил к ней.

— Веди себя как взрослая, в конце концов! — сердито прошипел он. — Раз уж мы здесь, я хочу узнать как можно больше.

— Уж эта твоя физика! Провода и трубы тебе важнее, чем моя жизнь!

— Я сюда пришел увидеть все своими глазами. Так что не мешай, пожалуйста! Не устраивай сцен!

— Это ты устраиваешь сцену.

— Или мало тех бед, что ты уже принесла? — отвернувшись, хмуро бросил через плечо Джек.

Он похлопал по карманам в поисках сигарет. И тут вдруг, перекрывая ровный гул магнита, завывла аварийная сирена.

— НАЗАД! — закричал гид, вскинув руки над головой. — Радиационная тревога!

Страшный рев заполнил корпус «Мегатрона». Взлетели снопы искр, раскаленные осколки взвились мелкими брызгами и посыпались огненным дождем на обезумевших людей. Удушливое зловоние ударило в нос, но едва ли кто мог это почувствовать; в дикой давке каждый жаждал только одного — поскорее выбраться из мясорубки.

По платформе зазмеилась трещина. Металлическая балка, надвое прошитая лучом, провисла оплавленными ошметками.

Мамаша, мучившая гида idiotскими вопросами, металась с разинутым ртом, из которого несся один нескончаемый вопль. Макфиф, судорожно трепыхаясь, пробивал себе дорогу, спасаясь от адского сияния ионизированного воздуха. Он сшибся с Гамильтоном. Оттолкнув потерявшего человеческий облик полицейского, Джек бросился вперед и попытался схватить Маршу... Его одежда уже тлела. Несколько человек показались Джеку живыми факелами. Они в панике пытались уползти с обвисшего куска платформы, плевавшего расплавленным металлом и таявшего на глазах.

По всему «Мегатрону» визжали, гудели сирены тревоги. Вопли людей и машин сливались в

какофонию ужаса. И вот под ногами медленно обрушился настил. Еще мгновение назад державшийся участок пола превратился в месиво горящих осколков и брызг. Гамильтон инстинктивно выбросил вверх руки, опрокинулся и упал лицом вниз на какие-то засыпанные пеплом железные конструкции. Затем со всего маху пробил мягкий проволочный экран, ограждавший магнит. Последними его ощущениями были визг проволоки и поток обжигающего глотку воздуха...

Удар был страшен. В мозгу вспыхнул зримый образ боли; раскаленная глыба металла вспухала, пульсировала и обволакивала тело колючей пеной. Влажный комок живой плоти агонизировал в коконе стальной паутины.

Затем исчезло и это. Краешком затухающего сознания воспринимая всю уродливость собственного искаленного тела, Джек лежал в позе трупа, инстинктивно, а может — только в воображении, пытаясь подняться. При этом совершенно явственно понимая, что подобная попытка ничего не даст. Быть может, лишь на мгновение продлит агонию.

Глава 3

Во тьме что-то шевелилось.

Он долго вслушивался. Закрыв глаза, ощущая тело как сплошной сгусток боли, он не двигался, замерев, превратившись в один только слух. Ритмически повторялся звук: *тук, тук*, словно кто-то, неожиданно воплотившись из тьмы, постукивал, вслепую нащупывая дорогу. Неизвестно сколько времени он вбирал в себя этот звук, пока не понял, что это стучит о стекло твердая планка шторы, а сам он находится в больничной палате.

Джек продолжал функционировать. Во всяком случае — как система из человеческого глаза, зрительного нерва и мозга. И эта система восприняла неясные очертания жены, колеблющиеся и пропадающие из виду. Теплой волной нахлынула зыбкая радость: слава Богу, Марша жива! Джек вознес бессловесную молитву. Поток эмоций затопил сознание... Это была ничем не омраченная радость.

— Он приходит в себя, — авторитетно произнес некий баритон.

— Кажется, да! — воскликнула Марша. Ее голос звучал как будто из-за стены. — Если б только знать точно...

— Я в порядке, — неразборчиво проговорил Джек.

В тот же миг ее тень встрепенулась и полетела к нему...

— Любимый! — Взволнованно дыша, Марша нежно прильнула к мужу. — Дорогой, все будут жить! Никто не погиб! И ты тоже, мой родной!

Ее лицо светилось искренним счастьем.

— У Макфифа растяжение связок, но это пройдет. А у мальчишки, похоже, сотрясение мозга.

— А ты как? — слабым голосом спросил Гамильтон.

— У меня все прекрасно! — Поднявшись, она повернулась перед ним, чтоб он осмотрел ее со всех сторон. Вместо модных пальто и платья на ней был простой больничный халат. — Одежда превратилась в лохмотья, и они дали мне вот это.

В замешательстве Марша тронула свои каштановые волосы:

— Видишь, они теперь короче. То, что обгорело, я отрезала. Ну, отрастут еще!

— Можно мне встать? — спросил Джек, пытаясь приподняться на постели. Голова закружилась, и он распластался на койке, хватая ртом воздух. Черные круги заплясали вокруг; он закрыл глаза и обреченно ждал, когда все пройдет.

— Какое-то время вы будете чувствовать слабость, — сообщил доктор. — Это результат шока

и потери крови.

Он тронул Джека за руку.

— Покромсало здорово. По кусочку выковыривали из вас металл.

— Кому досталось хуже всех? — спросил Гамильтон, не открывая глаз.

— Артуру Сильвестру. Помните старого солдата? Он ни на секунду не терял сознание, но, по-моему, уж лучше бы потерял! По-видимому, перелом позвоночника. Сейчас он в хирургии.

Гамильтон скосил взгляд на собственную руку: она покоилась в большой гипсовой повязке.

— Я пострадала меньше всех, — запинаясь, проговорила Марша. — Но из меня чуть дух не вышибло. Я попала прямо в середину луча. Все, что видела, — лишь искры из глаз. Правда, экспериментаторы сообразили сразу выключить генератор. Все длилось меньше секунды... — Она жалобно добавила: — Но казалось, будто миллион лет!

Гладко выбритый молодой врач отвернул одеяло и стал измерять Джеку пульс. Рядом деловито готовила процедуру рослая медсестра. Приборы стояли у нее под рукой. Все выглядело чинно и деловито.

Выглядело... однако что-то было не так. Джек это почуял нутром. В глубине подсознания возникло неуютное ощущение, будто изменилось нечто важное... Или — исчезло.

— Марша, — неожиданно спросил он. — Ты чувствуешь?..

Неуверенными шагами Марша подошла ближе.

— Что, милый?

— Не могу объяснить. Но у меня вдруг появилась мысль... Не знаю, как это назвать. Не понимаю...

Марша явно забеспокоилась. Поколебавшись немного, она обернулась к доктору:

— Я же вам говорила: что-то не так. Помните, в самом начале, как только пришла в себя?

— Всякий, кто перенес шок, испытывает ощущение нереальности происходящего, — спокойно заметил ей доктор. — Это в высшей степени типично. Примерно через сутки все пройдет. Кроме того, не забывайте, что каждому из вас сделали успокоительную инъекцию. Да и выпавшее испытание было слишком велико. Луч, в который вы угодили, чрезвычайно мощный.

Джек и Марша промолчали. Они лишь смотрели друг на друга, по выражению лица стараясь угадать мысли другого.

— Думаю, нам еще повезло, — осторожно, выжидательным тоном, проговорил Гамильтон. Радостный экстаз, с которым он только что молился; уступил место сомнению. Что, в конце концов, произошло? Новое, загадочное чувство не поддавалось усилию рассудка, оно явно сторонилось обычной житейской логики. Джек осмотрел палату, но не заметил ничего странного или подозрительного.

— Вам *очень* повезло, — подтвердила медсестра с такой гордостью, будто в этом была ее личная заслуга.

— Сколько я здесь пробуду?

Доктор задумался.

— Полагаю, вы можете отправиться домой сегодня вечером. Но оставайтесь в постели еще не меньше суток. Вам обоим нужно хорошенько отдохнуть. Скажем, недельку. Еще я предложил бы нанять опытную сиделку.

Джек призадумался.

— Нам это не по карману.

— Вы получите страховку, — чуть натянуто напомнил врач. — Этим ведают федеральные власти. На вашем месте я бы думал только о том, как поскорее встать на ноги.

— А может, мне так больше нравится! — отрезал Гамильтон. Он не стал ничего объяснять, а погрузился в размышления.

Несчастный случай ничуть не изменил дурацкого жизненного расклада. Если только за это время не умер полковник Эдвардс, что казалось маловероятным.

Когда врача и медсестру уговорили оставить их наедине, Джек заметил жене:

— Теперь, по крайней мере, будет что сказать соседям. Не надо выдумывать причину, почему я без работы.

Марша с убитым видом кивнула.

— Я и забыла...

— Подыщу себе работу без военных секретов. Никаких больше дел с оборонкой. — Он мрачно пошутил: — Сейчас я как Эйнштейн в пятьдесят четвертом. Помнишь его слова? «Может, стану водопроводчиком или буду телевизоры чинить. Мне это больше по душе».

— А помнишь, чем ты всегда хотел заняться? — Сидя на краю кровати, Марша нервно теребила свои неровно подстриженные волосы. — Ты хотел конструировать новые системы звукозаписи!.. И новые принципы — как это? — частотной модуляции УКВ. Ты мечтал быть звездой в мире аудиотехники.

— Да, да! — кивнул Джек, стараясь выглядеть полным воодушевления и решительности. — Тринауральная система Гамильтона... Помнишь, как мы ночью сочиняли название? Три звуковых дорожки, три звукоснимателя, столько же усилителей и динамиков. Все разнесено по трем помещениям. В каждом сидит звукорежиссер. И каждый слушает отдельную композицию...

От собственных слов Джек на самом деле завелся. Марша несколько наигранно поддержала его:

— Один контур играет двойной концерт Брамса. Да, конечно, я помню!

— Еще один — «Свадьбу» Стравинского. А третий — пьесу Доуленда для лютни. У звукооператоров снимаются все три энцефалограммы и пропускаются одновременно через сердце тринауральной системы — ортополифон Гамильтона. Мозговые импульсы трех слушателей смещены друг относительно друга строго математически. Формула базируется на постоянной Планка...

Джек явно разошелся: в руке под гипсом запульсировала жгучая боль. Охрипшим голосом он торопливо закончил:

— Полученная комбинация записывается. Затем воспроизводится с измененной скоростью...

Марша наклонилась и порывисто обняла его.

— Милый, когда я пришла в себя, то испугалась: вдруг ты погиб? Поправляйся скорее, дорогой! Ты выглядел совсем... неживым: ни кровинки, ни движения. Я думала, сердце мое разорвется.

— Я застрахован, — нелепо брякнул Джек. — Ты бы стала богатой.

— Не хочу быть богатой! — Все еще обнимая мужа и покачиваясь взад-вперед. Марша прошептала: — Подумать только, что я натворила! Из-за того, что совала от скуки нос во всякую гадость и водилась с шарлатанами-политиканами, ты потерял работу. Я сейчас бы задала себе хорошенькую трепку. Надо было сообразить, что нельзя подписывать эту Стокгольмскую бумагу, раз уж ты делаешь ракеты. Но, понимаешь, стоит кому-нибудь подсунуть мне петицию — и я уже увлекаюсь чужой идеей... Бедные, бедные они все! Обманутые люди!

— Не бери в голову, — вздохнул он. — Если б сейчас была война, ты считалась бы вполне нормальной, а Макфифа, наоборот, выгнали бы с работы как опасного фашиста.

— Он и есть фашист! — горячо воскликнула Марша. — Он действительно опасный фашист!

Гамильтон отстранил глупышку-жену и посмотрел на нее в упор:

— Макфиф просто ярый патриот и реакционер. Но от этого он несколько не фашист. Или ты считаешь всякого...

— Ладно, не будем об этом! — прервала его Марша. — Тебе вредно волноваться.

Снова прильнув к нему, она пылко поцеловала Джека в губы: — Подожди, вот будем дома!..

Она хотела встать, но он не пустил, сдавив ей плечо:

— Постой!... Что же все-таки произошло, а?

Марша замерла на мгновение, потом покачала головой:

— Сама не пойму. Никак не разобраться!.. С той минуты, как я пришла в себя, оно как будто у меня за спиной. Странное чувство... Обернись я чуть быстрее обычного — и успею это увидеть. Хоть и не знаю что именно. Оно прячется. И наверняка — страшное!

Ее охватил озноб.

— Мне тоже страшновато.

— Может, все уладится, прояснится!.. — Она улыбнулась жалкой улыбкой. — Может, ничего и нет вовсе... просто был шок, была инъекция.

Но Джек не верил доктору. И Марша не верила тоже.

Домой их вызвался отвезти один из врачей. С четой Гамильтонов отправилась еще одна из пострадавших — делового вида молодая женщина. На ней тоже болтался больничный халат. Втроем они тихо уселись на заднее сиденье «паккарда», покотившего вдоль темных улиц Белмонта.

— Они говорят, что у меня сломано несколько ребер, — бесстрастно заявила женщина. Помолчав, она добавила: — Меня зовут Джоан Рейсс. Я вас обоих видела раньше, вы у меня бывали в магазине.

Джек назвал себя и свою жену.

— О каком магазине вы говорите?

— Салон искусств на Эль-Камино. В августе вы купили альбом репродукций Шагала.

— Верно! — подтвердила Марша. — Это был день рождения Джека... Мы повесили репродукции внизу, в музыкальной комнате.

— Это полуподвал, — пояснил Гамильтон.

— Ах да!.. — вдруг спохватилась Марша, отыскивая сумочку. — Ты обратил внимание на доктора?

— На доктора?.. — Гамильтон удивленно поднял брови. — Нет, не особо.

— Вот именно! Он же был как... мыльный пузырь! Вылитый доктор из комиксов.

Джоан Рейсс встрепелась:

— О чем это вы?

— Ни о чем, — коротко бросил Гамильтон. — Это личное.

— И медсестра. Заметил? Такая же! Типичная... Собирательный образ медсестры.

Джек нахмурился и уставился в темноту за окном.

— Вот вам результат массового оболванивания. Люди моделируют себя в соответствии с рекламными картинками. Не так ли, мисс Рейсс?

— Я собиралась кое о чем вас спросить, — запинаясь, проговорила мисс Рейсс. — Меня удивила одна вещь.

— И что же это? — подозрительно прищурился Гамильтон; мисс Рейсс уж никак не могла догадаться, о чем они говорили с Маршей.

— Тот полицейский на платформе... перед аварией. Почему он там был? Зачем?

— Он пришел с нами. — В голосе Гамильтона прозвучала досада.

Мисс Рейсс пытливо посмотрела на него.

— В самом деле? А я было подумала... Мне показалось, что он хотел уйти еще до того, как все случилось.

— Так оно и было, — кивнул Гамильтон. — Он почувствовал, что платформа вот-вот рухнет. Я

почувствовал то же самое, но бросился в другую сторону.

— То есть вы сознательно вернулись? Имея шанс спастись?!

— А моя жена?! — раздраженно напомнил Джек.

Мисс Рейсс удовлетворенно кивнула:

— Да, да, понимаю!.. Простите. Но как это ужасно! Все эти мучения... Нам еще повезло. О других этого не скажешь. Не странно ли: некоторые совсем не пострадали, а бедняга военный, мистер Сильвестр, лежит с переломом спины. Удивительно!

— Должен вам сказать, — вдруг подал голос врач, сидящий за рулем, — что у Артура Сильвестра только смещение позвонка плюс разрыв селезенки.

— Отлично, — пробормотал Гамильтон. — А как дела у гида? Никто даже не заикнулся о нем.

— Ушибы внутренних органов, — отвечал врач. — Диагноз уточняется.

— Его тоже скоро выпишут? — спросила Марша.

Врач рассмеялся.

— Вы о Билле Лоузе? Да его отпустили первым. У него друзья в этой клинике.

— И вот еще что, — продолжила Марша. — Несмотря на большую высоту, с которой мы свалились, невзирая на радиацию, никто серьезно не пострадал. Так не бывает. Это слишком абсурдно!

— Вероятно, мы свалились прямо в кучу всяких предохранительных ограждений, — раздраженно бросил Гамильтон. — Да черт бы меня побрал, если...

Он собирался сказать кое-что похлеще, но не успел. Острая, жгучая боль хлестнула по правой ноге. Он издал вопль и подскочил, ударившись головой о крышу машины. Судорожно задрав штанину, Джек успел увидеть уползавшее насекомое.

— Что это?! — вскрикнула Марша. — Оса!

Вне себя от ярости Гамильтон растер осу подошвой.

— Ужалила! Прямо в икру!

След от укуса на глазах разрастался в красный желвак.

— Видно, мне мало того, что уже случилось!

Врач быстро свернул к обочине и остановил машину.

— Вы убили ее? Осы иногда забираются в машину. Сожалею... Могу я чем-нибудь помочь? У меня есть мазь.

— Ничего, переживу, — пробормотал Гамильтон, растирая место укуса. — Еще и оса! Как будто мало нам досталось за день.

— Скоро уже будем дома! — успокаивающе сказала Марша, выглядывая в окошко. — Мисс Рейсс, заглянете к нам чего-нибудь выпить?

— Что ж, — проговорила мисс Рейсс, трогая костлявым пальцем верхнюю губу. — Я могла бы выпить чашечку кофе, если вы в состоянии уделить...

— Мы в состоянии! — быстро откликнулась Марша. — Нам надо держаться друг друга, всем восьмерым. Мы ведь такое пережили!

— Будем надеяться, все позади, — сухо заметила мисс Рейсс, явно чувствуя себя неловко.

— Аминь! — поставил точку Джек.

Через минуту машина свернула к тротуару и остановилась: они приехали.

— Милый домик у вас, — слегка улыбнулась мисс Рейсс, когда они выбрались из машины. Типичный дом калифорнийского пригорода, он тихо ждал своих хозяев в сгущающихся вечерних сумерках. На крылечке веранды, виднелся сидящий столбиком рыжий кот.

— Это приятель Джека, — пояснила Марша, выуживая ключ из сумочки. — Ждет, когда его покормят.

Коту она строго сказала:

— Ступай в дом, Прыг-Балда. Здесь ничего не получишь.

— Что за странное имя! — передернула плечами мисс Рейсс. — Почему вы так его назвали?

— Потому что он глупый недотепа, — кратко ответил Гамильтон.

— Джек всем котам дает смешные клички, — добавила Марша. — Перед этим жил Шлеп-Мурлыка.

Большой, напрочь лишенный обычной кошачьей грациозности, рыжий кот встал на четыре лапы и спрыгнул на нижнюю ступеньку. Подойдя к Гамильтону, он стал шумно тереться о ногу хозяина. Мисс Рейсс отпрянула с гримасой отвращения.

— Никак не могу привыкнуть к котам или кошкам, — сообщила она. — Коварные, мерзкие твари...

На подобные заявления Джек обычно отвечал жесткой отповедью о вреде и глупости предрассудков. Но сейчас ему было глубоко безразлично, что там думает о кошках мисс Рейсс. Вставив ключ в замок, он распахнул дверь и щелкнул выключателем в гостиной. Дом озарился уютным желтым светом, и дамы вошли. За ними следовал Прыг-Балда, сразу отправившийся на кухню. Его лохматый рыжий хвост торчал трубой.

Не снимая больничный халат. Марша открыла холодильник и достала зеленую миску из пластика. В ней лежала отварная говядина, точнее — говяжье сердце. Нарезая мясо. Марша время от времени швыряла кусочки коту, между делом рассказывая гостье:

— Большинство гениев от электроники заводят себе киберов. Всяких там электрических жучков и прочую мелюзгу, которая скачет вокруг вас и жужжит. Когда мы только поженились, Джек сделал одну такую штучку... Она ловила мух и мышей. Но этого ему показалось мало. Он построил другую — покрупнее, и та изловила первую.

— Принцип космической справедливости, — снимая пальто, прокомментировал Гамильтон. — Но я ведь не собирался заселять ими мир.

Пока Прыг-Балда жадно поглощал свой ужин. Марша отправилась в спальню переодеться. Мисс Рейсс с видом знатока прохаживалась по гостиной, разглядывая вазы, гравюры и мебель.

— У котов нет души, — мрачно резюмировал Джек, наблюдая, как Прыг-Балда пожирает мясо. — Самый воспитанный в мире кот станет выделять жуткие кренделя ради куска свиной печени.

— Животные!.. — пренебрежительно откликнулась из гостиной мисс Рейсс. — Вы у нас покупали эту вещь Пауля Клее? [*Клее Пауль (1879--1940) — знаменитый швейцарский художник]

— Вероятно, да.

— Я никогда не могла понять, что же Клее хочет сказать своими картинами.

— Может, и вовсе ничего. Просто рисовал в свое удовольствие.

Поврежденная рука снова дала о себе знать и Джеку захотелось посмотреть, как она выглядит без повязки.

— Вы, кажется, выбрали кофе?

— Кофе — и крепкого! — подтвердила мисс Рейсс. — Может, вам помочь?

— Нет, вы лучше отдыхайте.

Он машинально начал искать больной рукой кофеварку.

— Если хотите, на журнальной полке, рядом с диваном, лежит «История» Тойнби. [*Тойнби Арнольд (1889--1982) — британский историк.]

— Милый, — раздался из спальни голос Марши, — ты сюда не подойдешь?

В голосе жены прозвучало нечто, заставившее Гамильтона забыть о кофеварке и броситься вперед, на ходу расплескивая воду.

Марша стояла у окна, собираясь опустить штору. Она смотрела в темноту, напряженно

наморщив лоб.

— Что случилось?

— Выгляни...

Джек посмотрел в окно, но все, что мог увидеть, — это непроницаемые сумерки и расплывчатые очертания домов. Тут и там светилось несколько огней. Небо затянуло облаками, низкий туман висел над крышами. Ничто не двигалось, не шевелилось. Никаких признаков жизни.

— Как... в средние века! — прошептала Марша.

Точно. У Джека возникло такое же впечатление. Но почему? Ведь то, что они наблюдали из окна, — прозаически банально. Обычный вечерний пейзаж в начале октябрьских заморозков.

— А ты еще и тему нашел подходящую! — вздрогнув, упрекнула его Марша. — О душе Балды зачем-то вспомнил. Прежде ты так не говорил!

— Когда?

— Ну, до того, как мы вернулись домой... — Отвернувшись от окна, Марша потянулась за клетчатой юбкой на спинке стула. — Извини, наверное, это глупо с моей стороны — но ни ты, ни я не попрощались с доктором. Ты видел, как он отъезжал? Что-нибудь *происходило* вообще с того момента, как мы вышли из машины?

— Само собой, он уехал, — безразличным тоном ответил Гамильтон.

Сосредоточенно глядя в одну точку, Марша застегнула кофточку и заправила ее в юбку.

— Возможно, у меня бредовое состояние, и доктора, наверное, правы: шок, потом инъекция... Но заметь, как тихо вокруг. Словно мы единственные люди на земле. И живем в каком-то замкнутом сером пространстве: ни огней, ни красок. Доисторическое что-то... Помнишь древние верования? Прежде упорядоченного Космоса был Хаос. Земля обнимала Воды. Тьма не отделилась от Света. И ничто еще не имело имен и названий.

— У тебя есть имя, — мягко сказал Джек. — У Балды тоже. И у мисс Рейсс. И у Пауля Клее.

Вдвоем они вернулись на кухню. Марша вызвалась приготовить кофе; через минуту кофеварка деловито забулькала. Мисс Рейсс, сидя неестественно прямо за кухонным столом, сохраняла если не обиженное, то натянутое выражение лица — суровое и сосредоточенное. По-видимому, мысли ее блуждали в каких-то беспросветных далях. Кстати сказать, эта весьма решительного вида молодая женщина была некрасива. Землистого цвета волосы стянуты на затылке в тугий узел. Нос тонкий и острый; губы сжаты в одну жесткую линию. Мисс Рейсс производила впечатление женщины, с которой шутить не полагалось.

— О чем вы там шептались? — спросила она, помешивая кофе.

Гамильтон раздраженно ответил:

— О своих делах. А что?

— Ну, милый!.. — остановила его Марша.

Отбросив дипломатию, Джек уставился на мисс Рейсс и спросил в упор:

— Вы что, всегда такая? Ходите, суетесь в чужие дела?

Суровое лицо женщины не дрогнуло.

— Приходится быть осторожной, — пояснила она. — Сегодняшний несчастный случай лишнее тому подтверждение. Меня везде подстерегают всевозможные опасности...

Она тут же поправила себя:

— Следовало бы сказать «так называемый несчастный случай»!

— Подстерегают именно вас? — заинтересовался Джек.

Мисс Рейсс не ответила, она направила взгляд на Прыг-Балду. Порядком взъерошенный кот закончил ужин и теперь искал, рядом с кем бы поудобнее устроиться.

— Что с ним? — испуганно спросила мисс Рейсс. — Почему он так смотрит на меня?

— Все очень просто, — стала успокаивать ее Марша. — Вы ведь сидите. А он хочет запрыгнуть к вам на колени и подремать.

Приподнявшись над стулом, мисс Рейсс напустилась на бедного Балду:

— Не подходи! Не прикасайся своими грязными лапами! — Гамильтону она доверительно сообщила: — Все было бы не так ужасно, но у них ведь блохи. А у вашего вдобавок такая бандитская рожа... Он, по-видимому, ловит и жрет маленьких птичек?

— По шесть штук каждый день, — ответил Гамильтон, чувствуя, как кровь сильнее запульсировала в висках.

— Еще бы! — отпрянула мисс Рейсс от обескураженного столь непривычным обхождением Балды. — Я ведь вижу, он форменный убийца! Что ни говорите, а в городе должен существовать специальный закон касательно злых животных, Опасных в домашнем обиходе. Должны быть, по крайней мере, введены лицензии! О чем думают городские власти?..

— Если бы он довольствовался только птичками! — перебил ее Гамильтон, охваченный безжалостно-садистским азартом. — Он не гнушается хомьяками и змеями, а сегодня утром приволок в пасти кролика!

— Дорогой, прошу тебя!.. — воскликнула Марша, видя, как остолбенело смотрит на Джека мисс Рейсс. — Не всем нравятся кошки. Ты не вправе требовать, чтоб другие разделяли твои вкусы.

— Ну а маленьких мышек? Лопают дюжинами! — злорадно добавил Гамильтон. — А то, что не успевает сожрать, тащит нам. Однажды утром, вы только представьте себе, притащил голову какой-то старушки!

Истерический всхлип сорвался с тонких губ мисс Рейсс. Она беспорядочно замахала руками и засучила ногами. Гамильтон ощутил мгновенный укол жалости и стыда. Он открыл было рот, чтоб извиниться, но осуществить свое намерение не успел...

Откуда-то сверху, как из рога изобилия, на голову посыпалась серо-зеленая саранча. Туча саранчи. Весь засыпанный гадкими кусающимися тварями, Гамильтон отчаянно барахтался, пытаясь выбраться на волю. Женщины и кот застыли, не веря собственным глазам. Наконец Джеку с горем пополам удалось выползти из-за стола. Он, вскрикивая, задыхаясь, кое-как стряхнул с себя насекомых и забился в угол.

— Боже милостивый! — прошептала потрясенная Марша, сторонясь трещавшей хитинами кучи.

— Что... это? — пролепетала мисс Рейсс, не сводя глаз с живого холмика копошащихся тел. — Эт-то... невозмож-но!

— Но это случилось, — стуча зубами, сказал Гамильтон.

— Но каким образом? Почему? — вопрошала Марша, когда все четверо, включая кота, выскочили из кухни. Подальше от расползавшейся во все стороны саранчи. — Такого просто не может произойти!

— Но тем не менее это очень вписывается... — через силу произнес Джек. — Помнишь осу? Мы не ошиблись: что-то вокруг изменилось. И все сводится к одному пока неизвестному знаменателю...

Глава 4

Утреннее солнце освещает спящую Маршу, ее обнаженные плечи и ложится желтым квадратом на темный пол. Стоя в ванной, Джек ожесточенно бреется, преодолевая боль в поврежденной руке. В запотевшем зеркале он воспринимает свои смазанные мыльной пеной черты как пародию

на человеческое лицо.

В доме наступило успокоение. Вся саранча уползла куда-то, и только изредка случайный шорох напоминает о том, что часть насекомых забралась под стенные панели. Теперь все кажется вполне нормальным и привычным. Проехал, звякая бутылками, небольшой грузовик молочника. Марша вздохнула и пошевелилась во сне, выпростав руку поверх одеяла. На заднем крыльце Прыг-Балда раздумывал, не пора ли опять вернуться в дом.

Тщательно контролируя свои действия, Гамильтон закончил бритье, помыл бритву, освежил лосьоном щеки и шею, надел свежую белую сорочку. Ночью, ворочаясь без сна, он заранее решил, что исполнит задуманное именно сейчас, после бритья, когда от сонливости не останется и следа, а сам он будет умыт, одет и причесан.

Неуклюже опустившись на одно колено, он сложил вместе ладони, закрыл глаза, втянул глубоко воздух и начал...

— Великий Боже, — проговорил он таинственным полусшепотом, — сожалею и раскаиваюсь в том, что содеял с бедняжкой мисс Рейсс. Если Ты сможешь простить мой грех, я буду признателен.

Джек оставался коленапоклоненным еще минуты, размышляя над тем, достаточно ли сказанного и все ли он правильно сказал. Однако мало-помалу стыд, гнев и ярость вытеснили смиренное раскаяние. Где это видано, чтоб взрослый здоровый мужик становился на колени? Унизительно... недостойно разумного человека... и, честно говоря, непривычно.

Скрепя сердце он добавил к своей молитве еще несколько строк:

— Господи, посмотри в лицо фактам: она это заслужила! — Его жесткий шепот разносился по притихшему дому. Марша вновь вздохнула и перевернулась под одеялом. Скоро она проснется. Прыг-Балда царапался в дверь снаружи, удивляясь, почему она до сих пор заперта. — Господи, оцени ее слова по достоинству! — продолжал Джек, тщательно выбирая слова. — Именно такие, как она, создавали лагеря смерти. Она суетлива, непримирима... От антикошачьих настроений рукой подать до антисемитизма...

Ответа не последовало. А рассчитывал ли Джек получить его? Чего конкретно ждал? Он и сам не знал. Может, какого-нибудь знака.

Или молитва не смогла пробиться к Богу? Последний раз Джек сталкивался с какой бы то ни было религией на восьмом году жизни, в воскресной школе. А старательное чтение этой ночью церковных текстов не дало ничего конкретного, только ощущение необъятности предмета и глубины материала... Там тоже свои формулы, фактически — тот же протокол... и построже, чем у полковника Эдвардса.

Джек еще оставался в молитвенной позе, когда сзади послышался звук. Повернув голову, он увидел какую-то фигуру, на цыпочках пересекавшую гостиную. Человек. В свитере и просторных брюках. К тому же — негр.

— Хорошенький знак свыше, нечего сказать! — с сарказмом заметил Гамильтон.

Чернокожий выглядел явно не лучшим образом.

— Вы меня помните? Я — гид. Привел вас на ту платформу. Вот уже пятнадцать часов, как эта авария у меня из головы не выходит...

— Вы тут ни при чем, — сказал Гамильтон. — Вам досталось наравне со всеми.

Поднявшись, Джек вышел из ванной в прихожую. — Вы завтракали?

— Я не голоден, — ответил негр, пытливо глядя на Гамильтона. — Что вы сейчас делали? Молились?

— М... да, — признался Джек.

— Это ваш обычай?

— Нет... — Поколебавшись, он добавил: — Я не молился лет с восьми.

Негр помолчал, раздумывая над чем-то, потом, спохватившись, представился:

— Меня зовут Билл Лоуз...

Они обменялись рукопожатием.

— Вы, кажется, все поняли! Когда догадались?

— Где-то со вчерашнего вечера.

— Что-нибудь произошло?

Гамильтон рассказал ему о дожде из саранчи и об укусе осы.

— Догадаться несложно. Солгал — был наказан. Перед тем сквернословил — значит, снова наказан. Причина и следствие. Все элементарно.

— А на молитву вы зря теряете время, — без обиняков заявил Лоуз. — Я пробовал. Все напрасно!

— О чем вы молились?

Лоуз с иронией ткнул себя в шею над воротом сорочки, в полоску черной кожи:

— Могли бы догадаться. Но все не так просто... Тут уж, наверное, судьба.

— В ваших словах изрядная доля горечи, — осторожно заметил Гамильтон.

— В свое время ее было гораздо больше. — Лоуз прошелся по гостиной. — Извините, что я так бесцеремонно ворвался... Но дверь была не заперта, и я решил, что вы дома. Вы инженер-электронщик?

— Да.

Состроив гримасу, Лоуз протянул руку:

— Приветствую, коллега. Я выпускник университета. Квантовая физика. Благодаря чему и получил работу гида. Большая конкуренция в наше время... Во всяком случае, мне так говорят.

— А вы как разобрались со всем этим? — Гамильтон повел вокруг рукой.

— С этим?.. — Лоуз пожал плечами. — Догадаться нетрудно.

Он вынул из кармана матерчатый узелок. Развязав его, он показал крохотную металлическую пластинку.

— Когда-то сестра заставляла меня это носить. Так и привык. Он бросил амулет Гамильтону. На пластинке еще не до конца стерлись слова веры и надежды. Возможно, тысячи рук ощущивали эти заклинания.

— Давайте, — усмехнулся Лоуз. — Воспользуйтесь им.

— Воспользоваться? — не понял Джек. — Откровенно говоря, это не мой стиль.

— Я по поводу вашей руки. — Лоуз сделал нетерпеливый жест. — Талисман ведь действует — *теперь*. Приложите к больному месту и увидите. Лучше снять повязку. При непосредственном контакте он работает лучше. Именно так я избавился от своих собственных травм.

Недоверчиво посматривая на Лоуза, Гамильтон содрал часть повязки. Почерневшая плоть влажно блестела сукровицей под лучами солнца. Поколебавшись, Джек осторожно приложил к ране холодный кусочек металла.

— Вот, уже пошло, — заметил Лоуз.

Отвратительная нагота поврежденных тканей стала бледнеть и покрываться розовой пленкой. Оранжевый глянец медленно обретал нормальный телесный цвет. Рана сузилась, перестала сочиться сукровица. Потом и вовсе затянулась. Только посредине осталась узкая белая полоска. Под кожей пропала болезненная пульсация.

— Вот видите! — победно ухмыльнулся Лоуз, протягивая руку за амулетом.

— А раньше он помогал?

— Да что вы!.. Никогда. Глупые старушечьи байки. — Он сунул амулет в карман. — Теперь попробую оставить на ночь несколько волосков в воде... Утром, конечно, будут черви. А хотите знать, как вылечить диабет? Надо взять половину сушеной жабы, смолоть как кофе, перемешать

с молоком девственницы, завернуть в старую тряпку и обернуть шею больного.

— Вы хотите сказать...

— ...что теперь подействует. Как до сих пор еще верят в глубинке. До сих пор старики ошибались, а мы были правы. Но теперь неправы мы.

На пороге спальни появилась Марша. В халате, заспанная и непричесанная.

— О!.. — испуганно выдохнула она, увидев Лоуза. — Это вы! Как поживаете?

— Спасибо, хорошо, — ответил Лоуз.

Протирая глаза. Марша обернулась к мужу:

— Как спалось?

— Так... А что?

Что-то в ее голосе насторожило Джека.

— Сон видел?

Гамильтон задумался. Снилось нечто расплывчатое, рассказывать особо не о чем.

— Нет, — буркнул он.

Странное выражение появилось на угловатом лице Лоуза.

— Вы видели сны, миссис Гамильтон? Что именно?

— Самое странное, такое и сном-то не назовешь. Ничего не происходило. Просто — было...

— Место, но не действие — так?

— Вот-вот. Грубо говоря, имело место что-то неизвестное. И мы в том числе.

— Мы все? — живо спросил Лоуз. — Все восемь?..

— Да, — кивнула Марша. — Все лежали там, где упали. В «Мегатроне». Мы просто лежали. Без сознания. И даже, казалось, вне времени.

— А в углу, — спросил Лоуз, — происходит что-нибудь? Суетятся медики? Или ремонтники?..

— М-м... да, — подтвердила Марша. — Но они, скорее, недвижно присутствуют. Замерли, как статуи, на какой-то лестнице.

— Нет, они двигаются, — возразил Лоуз. — Мне тоже снилось подобное. И я тоже сначала думал, что они неподвижны. Они двигаются, только очень медленно.

Наступило тягостное молчание.

Еще раз покопавшись в памяти, Джек нерешительно произнес:

— Теперь и я припоминаю... Это след травмы: мгновение шока. Оно врезалось в наше сознание. Наверно, мы никогда от него не избавимся полностью.

— Но это *не память!* -- взволнованно воскликнула Марша. — Это продолжается! Мы все по-прежнему — там.

— Как?.. В «Мегатроне»?

Она судорожно кивнула:

— Я это только так и ощущаю.

Чувствуя, что Марша на грани срыва, Джек сменил тему.

— Сюрприз! — показал он ей заживленную рану. — Глазом не моргнув, Билл чудо сотворил!

— Нет, не я! — сердито запротестовал Лоуз. — Никто и никогда не уличит меня в чудесах.

Смущенный Гамильтон поглаживал свою руку.

— Это ваш амулет ее вылечил!

Лоуз достал талисман из кармана и внимательно осмотрел его.

— Может быть, теперь мы спустились до уровня настоящей реальности. Может, под обманчивой поверхностью всегда существовала эта реальность...

Марша медленно подошла к мужчинам.

— Мы мертвы, не так ли? — спросила она неожиданно севшим голосом.

— По-моему, нет, — ответил Гамильтон. — Мы все еще находимся в Белмонте, штат

Калифорния. Но это другой Белмонт. Произошли какие-то перемены. Некоторые добавления, там и тут... Другими словами, кто-то за нами следит.

— И что теперь? — спросил Лоуз.

— Вопрос не по адресу, — отвечивал Гамильтон. — Я в таком же положении, как и вы.

— Я могу сказать, чего нам ждать теперь, — тихо сказала Марша.

— Чего же?

— Я иду искать работу.

Брови Гамильтона поднялись:

— Какую еще работу?

— Любую. Машинисткой, продавщицей, телефонисткой на коммутаторе. Чтоб нам было на что жить... или ты забыл?

— Я не забыл. Но ты тем не менее останешься дома, хотя бы мебель от пыли протирать... А я позабочусь о работе.

Он выставил чисто выбритый подбородок и выпятил грудь в свежей сорочке:

— Два шага уже сделал на этом пути!

— Но ведь я виновата, что ты без работы!

— Может, никому из нас работать больше не придется, — иронизируя, произнес Лоуз. — Может, от нас больше ничего не требуется, кроме как рот раскрывать в ожидании манны небесной.

— Вы говорили, что уже пробовали, — бросил Гамильтон.

— Пробовал, да. И безрезультатно. Но у других получается. И нам надо выяснить, как это им удастся. Этот мир, чем бы он ни был, имеет свои собственные законы. На привычные для нас нормы они не похожи. Мы в этом уже убедились: талисманы больше не безделушки. Значит, благословение — не пустой звук в этом мире... — Запнувшись, он добавил: — Как, вероятно, и проклятие.

— И спасение!.. — широко раскрыв глаза, прошептала Марша. — Боже милостивый, значит, Небеса действительно существуют?

— Безусловно, — кивнул Джек, направляясь в спальню. Вскоре он вернулся, завязывая галстук. — Но об этом после... А сейчас я отправлюсь вдоль побережья искать работу. У нас в банке — пятьдесят долларов, и ни цента больше. Я не намерен умирать с голоду, дожидаясь, когда же начнут действовать молитвы.

На служебной автостоянке у ракетного завода Гамильтон включил зажигание своего «форда». Машина все еще занимала прежнее место с надписью: «Зарезервировано для Д. Гамильтона».

Выехав на Эль-Камино-Реаль, он вскоре оставил Белмонт позади. Через полчаса он уже был у южной оконечности Сан-Франциско. Башенные часы местного отделения банка показывали 11.30, когда Джек припарковал машину на покрытой гравием площадке среди «кадиллаков» и «крайслеров» персонала Агентства по развитию электроники.

Корпуса агентства высились справа: белые бетонные кубы на фоне холмов растущего индустриального города. Когда-то давно, после первой публикации Гамильтона по электронике, агентство хотело переманить его из «Калифорния мэйнтэнанс» к себе.

Возглавлял агентство Гай Тиллингфорд, один из ведущих специалистов страны. Блестящего ума человек, он был еще и близко дружен с отцом Гамильтона.

Именно здесь надо искать работу — если вообще суждено ее найти. И, самое главное, в данный момент агентство не вело военных исследований. Доктора Тиллингфорда, одного из основателей Института фундаментальных исследований в Принстоне, больше увлекали чисто научные проблемы. Из Агентства по развитию электроники вышло несколько мощнейших компьютеров,

величайших электронных мозгов, применяемых во всех странах западного мира.

— Да, мистер Гамильтон, — деловито затараторила секретарша, бегло полистав его бумаги, — я скажу доктору, что вы здесь... Уверена, он обрадуется вам.

Энергично вышагивая в холле, Гамильтон то и дело складывал вместе кончики пальцев, молча творя молитву. Она получалась сама собой; для этого не требовалось усилий. Пятидесяти долларов на счете явно недостаточно для счастья... даже в этом мире чудес и сыплющейся с потолка саранчи.

— Джек, мальчик мой! — раздался звучный голос. Доктор Гай Тиллингфорд появился в дверях кабинета, протягивая гостю руку. Лицо его светилось радостью. — Как я рад тебя видеть! Погоди, сколько же мы не виделись? Десять лет?

— Недалеко от этого, — признал Гамильтон, ощущая сердечную полновесность рукопожатия. — А вы, доктор, неплохо выглядите.

В кабинете Тиллингфорда находились инженеры и научные консультанты. Блестящие молодые люди, энергичные, по моде одетые. Не обращая на них внимания, доктор провел Джека через анфиладу переходов в отдельную комнату.

— Здесь мы сможем поговорить, — доверительно сказал он, тяжело опускаясь в просторное кожаное кресло. — Видишь, устроил себе... подобие убежища, где можно хоть несколько минут побыть самим собой. Поразмышлять, успокоиться...

Он с грустью добавил:

— Не могу, знаешь ли, держать такой темп, как раньше. Пару раз в день вынужден заходить сюда, чтоб восстановить силы.

— Я ушел из «Калифорния мэйнтэнанс», — сообщил Гамильтон.

— Ага! — кивнул Тиллингфорд. — Молодец. Это место не для тебя. Слишком заняты пушками. Не ученые, а государственные чиновники.

— Я не подал в отставку. Меня выгнали.

Гамильтон кратко обрисовал ситуацию.

Тиллингфорд некоторое время сидел молча. Задумавшись, он насупил брови, ногтем постукивая по передним зубам...

— Я помню Маршу. Милая девушка, всегда нравилась мне. Все помешались теперь на охране секретов. Но здесь нам нет нужды об этом беспокоиться. Мы как отшельники в башне: никаких правительственных заказов! — Доктор довольно рассмеялся. — Последний бастион чистой науки.

— Вы думаете, что я мог бы пригодиться вам? — спросил Гамильтон, стараясь, чтобы голос звучал как можно более непринужденно.

— Почему бы и нет?

Машинальным движением Тиллингфорд достал некий странный предмет, вращающийся барабан на подставке, и принялся крутить его.

— Я с твоими работами знаком... По правде говоря, жалею, что ты раньше не оказался у нас.

Гамильтон как зачарованный смотрел на диковинную штуку в руках у Тиллингфорда: он узнал моленное колесо буддистов.

— Тебе, конечно, зададут положенные вопросы, — вскользь обронил Тиллингфорд, вращая колесо. — Рутина, сам понимаешь... Но анкету и прочее тебе заполнять не придется. Я опрошу тебя устно. Как я понимаю, ты не пьешь, не так ли?

Гамильтон от удивления привстал:

— Пью?!

Видимо, Тиллингфорда ответ удовлетворил.

— Теперь что касается Марши... Некоторую трудность эта история создает. Не в том, что

относится к охране секретов, а... Джек, я должен спросить вот о чем... Скажи мне правду, Джек!...

Тиллингфорд вытащил из кармана книгу в черном переплете, тисненную золотом: «Байян Второго Бааба»[*Bayan of the Second Bab. Первый Бааб (Великий Бааб) — религиозный деятель на Ближнем Востоке (подлинное имя — Мирза Али Мохаммед ибн Радхиг (1824--1850). Основал в 1844 году мусульманское движение «баабизм». Второй Бааб — последователь Первого Бааба (подлинное имя — Бехель-улла). Предводитель экстремистского движения бахаитов. Дословно «Бааб» — Врата Пророка. «Байян» — книга откровений, представляющих дополнение к Корану] и передал ее Гамильтону.

— В колледже, когда вы с Маршей имели отношение к радикальным кругам... вы не практиковали, скажем так, «свободную любовь»?

Гамильтон не смог подобрать нужных слов. В крайнем изумлении он встал перед Тиллингфордом, держа в руке «Байян». Книга еще хранила тепло рук доктора. В комнате уже появились двое служащих агентства; они наблюдали с почтительного расстояния. В длинных белых халатах, они держались торжественно, как служители некоего культа. Их коротко остриженные головы напоминали выбритые черепа молодых монахов... Странно, что раньше Джеку не приходило в голову, насколько нынешняя мода коротко стричься похожа на ритуальную стрижку монашеских орденов. Эти двое выглядели вполне типично для молодых физиков, но куда подевалась их обычная для юных талантов бесцеремонность?

— Раз уж мы начали, то я спрошу тебя вот о чем, — говорил Тиллингфорд. — Джек, мальчик мой, положи руку на «Байян» и скажи правду: нашел ли ты Единственно Верный Путь к благословенному спасению?

Все взгляды сошлись на Гамильтоне. Он сглотнул неожиданно подкативший к горлу ком, покраснел как рак и стоял, совершенно обалдевший.

— Доктор, — наконец проговорил он, — я, пожалуй, зайду в другой раз.

Тиллингфорд снял очки и обеспокоенно взглянул на Гамильтона:

— Ты плохо себя чувствуешь, Джек?

— Я много пережил за последние дни. Потеря работы... — Он торопливо добавил: — И прочее... Марша и я попали вчера в аварию.

— Да, да, — кивнул Тиллингфорд. — Я слышал об этом. К счастью, никто не погиб.

— С теми, кто угодил в эту бойню, — вступил в разговор один из сотрудников, — должен был находиться сам Пророк. Вы подумайте: падать с такой высоты — и уцелеть!

— Доктор, — хрипло произнес Гамильтон, — вы не могли бы рекомендовать хорошего психиатра?

— Кого? — Лицо ученого мужа вытянулось и застыло с выражением крайнего удивления. — Ты, парень, в своем уме?

— По-моему, да... — не совсем уверенно ответил Джек.

— Обсудим это позже, — сдавленным голосом проговорил Тиллингфорд. Нетерпеливым жестом он отослал обоих ассистентов. — Ступайте в мечеть, — приказал он им. — Займитесь медитацией, пока я вас не позову.

Те вышли, бросая на Джека любопытные взгляды.

— Со мной можешь говорить откровенно, — тяжело вздыхая, сказал Тиллингфорд. — Я твой друг, Джек. Я знал твоего отца. Это был великий физик. Лучше не бывает. Когда ты пошел работать в «Калифорния мэйнтэнанс», я сильно огорчился. Но, конечно, мы должны склоняться перед Волей Космоса.

Гамильтон чувствовал, как холодный пот стекает у него по шее, впитываясь в накрахмаленный ворот сорочки.

— Можно задать несколько вопросов? — выдавил кое-как Джек. — Я нахожусь в научном учреждении, не так ли? Или я отстал от событий?

— От событий?.. — Озадаченный Тиллингфорд взял «Байян» из вялых пальцев Гамильтона. — Я не вполне понимаю ход твоих мыслей, мой мальчик. Пожалуйста, поконкретнее!

— Ну, скажем, так... Я долгое время просидел в определенной изоляции. Будучи погружен в работу, я потерял контакт с остальным научным миром. И поэтому, — Джек беспомощно развел руками, — не имею понятия, кто чем сейчас занимается. Может, вы коротко введете меня в курс дела?

— В курс дела, — кивая, повторил Тиллингфорд. — Потеря контактов и отсутствие перспективы — общая беда. К этому всегда ведет сверхспециализация. Я и сам тебе не ахти как много расскажу. Наша работа в агентстве очень четко расписана. У себя в «Калифорния мэйнтэнанс» вы строили оружие против неверных. Там просто, прикладная наука, так ведь?

— Да, — согласился Гамильтон.

— А здесь мы заняты вечной фундаментальной проблемой — связью. Это наша работа. И притом какая работа, Джек! Обеспечивать электронную систему нервной связи. У нас работают электронщики вроде тебя. У нас есть и высшего калибра консультанты по семантике. Неплохие исследователи-психологи. Все мы образуем команду, чтоб решать важнейшую проблему человеческого существования: поддержание бесперебойного канала связи между Землей и Небесами.

Доктор продолжал:

— Хотя ты с этим уже знаком, но я повторюсь. В прежние времена, пока связь не стала предметом строгого научного анализа, существовали различные, сделанные кое-как системы. Грубые, эклектичные — больше произвола, чем науки... Жалкие попытки привлечь к себе внимание Господа, дергая Его за бороду. Наподобие громких песнопений и молитв, до сих пор практикуемых малообразованными классами. Ну да ладно, пускай себе поют и скандируют...

Он нажал кнопку, и одна из стен комнаты стала прозрачной. Гамильтон увидел, что они с Тиллингфордом со всех сторон окружены лабораторными блоками: расположенные концентрическими кругами, они уходили вдаль — в бесконечность. Бесчисленное множество специалистов, самое совершенное оборудование.

— Ты знаешь, что сделал в кибернетике Норберт Винер, — со значением произнес Тиллингфорд. — Собственно, он ее и создал. Но еще важнее то, что совершил Энрико Дестини в тефонике.

— А что именно?..

Брови Тиллингфорда поднялись в изумлении.

— Но ты же специалист, мой мальчик! Теофоника... Разумеется, это двусторонняя связь между человеком и Господом. Используя открытия Винера, а также разработки Шэннона и Уивера, Дестини смог создать первую, действительно заслуживающую внимания систему связи между Землей и Небом. Конечно, он получил возможность использовать все технические достижения периода Священной Войны — против орды безбожных гуннов, поклонников Вотана и Валгаллы.

— Вы... нацистов имеете в виду?

— Да, этот термин тоже мне известен. Но им пользуются в основном социологи. Ну а вспомни Анти-Бааба, этого лжениспровергателя нашего Пророка. Говорят, он жив и скрывается в Аргентине. Якобы нашел какой-то эликсир вечной молодости, гнусное снадобье... Вступил в сношение с дьяволом — помнишь? Короче, это уже достояние истории.

— Да, — хрипло отозвался Гамильтон, — я знаю...

— И тем не менее находились люди, не желавшие видеть знаки, уже начертанные на стене.

Иногда я даже думаю, что неверные заслуживают кары. Парочка водородных бомб — и неискоренимая до сих пор зараза прекратит...

— Да, так что же в других отраслях физики? — перебил его Гамильтон. — Чем они заняты?

— Физика закончилась, — сообщил ему Тиллингфорд, — она исчерпала себя. Практически все, что можно было узнать о материальной стороне жизни, уже известно... Давным-давно, столетия назад. Физика стала абстракцией технологии.

— А сами технологи, инженеры?..

Вместо ответа Тиллингфорд подтолкнул к Джеку ноябрьский номер «Журнала прикладных наук».

— Передовица даст тебе полное представление. Светлая голова этот Киришбейн.

Статья была посвящена теоретическим аспектам проблемы резервуаров. Из подзаголовка следовало, что резервуары предназначались для «постоянного снабжения крупнейших населенных пунктов божественной благодатью».

— Благодатью?.. — едва слышно пролепетал Гамильтон.

— Инженеры и техники заняты преимущественно перекачиванием благодати по трубопроводам во все бахаитские общины планеты. В некотором смысле эта задача аналогична нашей — поддержанию бесперебойной связи...

— И это все, чем они заняты?

— Ну, есть еще постоянное строительство мечетей, храмов, алтарей. Господь строг, ты это знаешь сам. Его установки предельно четки. Откровенно говоря — и строго между нами — этим ребятам я не завидую. Одна оплошность и... — Он щелкнул пальцами. — Пфф!

— Пфф? — повторил зачарованно Гамильтон.

— Молния!..

— О!.. — только и смог произнести Джек. — Конечно!

— Смышленные ребята ни за что не идут инженерами. Смертность слишком высока. — Тиллингфорд отечески взглянул на Гамильтона. — Видишь теперь, мой мальчик, что ты попал действительно в хорошую отрасль физики?

— Я никогда не сомневался в этом, — чуть дыша проговорил Джек. — Мне просто любопытно, как другие работают.

— А я, что касается твоего морального облика, вполне удовлетворен, — пророкотал доктор. — Я знаю, ты из хорошей, богобоязненной семьи. Твой отец был воплощением честности и смирения. Временами я до сих пор получаю от него известия.

— Да? — промямлил Гамильтон.

— У него все в порядке. Конечно, по тебе он скучает. — Тиллингфорд показал на аппарат селекторной связи на столе. — Если хочешь...

— Нет! — отодвигаясь как можно дальше, замотал головой Джек. — Я все еще не оправился от последствий аварии. Боюсь — не выдержу...

— Как тебе угодно. — Тиллингфорд хлопнул его по плечу. — Хочешь посмотреть лаборатории? У нас ты увидишь новейшее оборудование. Извини уж, похвастаю... — Доверительным шепотом он сообщил: — В твоей старой конторе, «Калифорния мэйнтэнанс», они хотели переплюнуть нас. Досаждали Небесам своими просьбами...

— Но все досталось вам?

— О да. Кто, в конце концов, держит связь? — Ослабившись, Тиллингфорд лукаво подмигнул и повел Джека к дверям. — Я передам тебя нашему директору по кадрам. Он оформит бумаги.

Директор по кадрам оказался розовым, пухленьким человечком; не переставая жизнерадостно улыбаться, он выудил из ящика стола необходимые бланки.

— Мы рады принять ваше заявление, мистер Гамильтон. Агентству нужны люди с вашим

опытом работы. А поскольку доктор Тиллингфорд знает вас лично...

— Нет нужды прокручивать с ним рутину, — заметил Тиллингфорд. — Опустите бюрократические подробности. Переходи прямо к тестированию по квалификационным пунктам.

— Отлично, — отозвался директор, доставая свой экземпляр «Байяна Второго Бааба». Положив том на стол, он закрыл глаза, пробежал пальцем по срезу книги и открыл ее наугад. Тиллингфорд с любопытством заглянул через плечо директора. Переговариваясь между собой шепотом, они углубились в изучение текста.

— Прекрасно! — воскликнул вскоре Тиллингфорд, удовлетворенно выпрямляясь. — Ответ положителен.

— Безусловно, да! — согласился директор. Обращаясь к Джеку, он сказал: — Возможно, вам будет интересно узнать, что мы получили едва ли не самый одобрительный отзыв в этом году!

Директор стал читать деловитой скороговоркой:

— Видение 1931: глава шестая, стих 14, строчка первая. Она гласит: «Да, истинная Вера испаряет гордыню безбожных, ибо узнает безбожник в полной мере гнев Господень; узнает он, доколе наполнять ему глиняный сосуд».

Он смачно захлопнул «Байян» и положил его на стол. Оба власть предержащих мужа прямо-таки лучились доброжелательностью, равно как и доброй волей, и профессиональным удовлетворением.

Ошеломленный Гамильтон не понимал, что же он в конце концов чувствует по поводу услышанного здесь. Джек ухватился за ту тонкую ниточку надежды, которая и привела его сюда.

— А могу ли я узнать насчет жалованья? — спросил он. — Или это будет... — он попытался превратить все в шутку, — чересчур меркантильно с моей стороны?

Оба собеседника казались озадаченными:

— Жалованье?

— Да, жалованье! Оклад! — повторил Гамильтон с ноткой легкой истерики в голосе. — Должны же вы это знать. Бухгалтерия выдает жалованье каждые две недели. Видите ли, без этого принятый на работу начинает волноваться.

— Как это и принято, — с достоинством произнес Тиллингфорд, — ваш счет будет кредитоваться через компьютер каждые десять дней. — Обернувшись к директору по кадрам, он спросил: — Сколько там, уточните. Я не помню таких мелочей.

— Сейчас справлюсь у бухгалтера, — ответил директор.

Он покинул кабинет, но вскоре вернулся. — Ваш рейтинг равен А-4. Через полгода вы получите А-5. Ну как? Неплохо для молодого человека тридцати двух лет?

— А что такое «А-4»? — потребовал объяснений Гамильтон.

Доктор с директором переглянулись, и директор, после удивленной паузы, облизнул пересохшие губы и сказал:

— Компьютер скрупулезно ведет дебет и кредит. — Он поднял палец: — Вселенский счет! Вы же знаете прекрасно о Великом Счете грехов и добродетелей. Агентство по развитию электроники выполняет работу, порученную Господом. Теперь, следовательно, вы — слуга Божий. Ваше жалованье — это четыре ступеньки каждые десять дней, четыре шага к вашему спасению. Компьютеры обеспечивают все необходимое. Они в конце концов для этого и существуют.

Итак, все сходилось.

Сделав глубокий вдох, Джек сказал:

— Прекрасно. Я что-то немного растерялся, извините. Но... — Не сдержав эмоций, он снова атаковал Тиллингфорда: — На что же мы с Маршей будем жить? Нам нужно оплачивать счета,

нужно есть, в конце концов!

— Как служитель Господа, — сухо ответил Тиллингфорд, — ты будешь обеспечен всем необходимым. Твой «Байан» с тобой?

— Д-да, — пробормотал Гамильтон.

— Следи, чтоб вера не покинула тебя. Я бы сказал, что человек твоего морального уровня, занимающийся такого рода работой, вправе молиться о получении и, соответственно, получать... — он произвел мысленный подсчет, — ...скажем, не менее четырехсот в неделю. Что скажешь, Эрни?

Директор по кадрам согласно кивнул:

— Да, по меньшей мере.

— И еще одно, — торопливо проговорил Джек, видя, что доктор Тиллингфорд, сочтя дело решенным, собрался уходить. — Я пару минут назад спрашивал насчет психиатра...

— Мой мальчик! — остановившись, вздохнул Тиллингфорд. — Я должен сказать тебе одну, только одну вещь. Свою жизнь ты вправе прожить как тебе угодно. Я не собираюсь указывать, что тебе делать и что думать. Духовное существование — это вопрос между тобой и Единосущным Богом. Но если тебе хочется обратиться к шарлатанам и...

— Шарлатанам... — повторил вымученно Джек.

— Маргинальные психи! Я бы не удивился, будь ты простым человеком с улицы. Темный народ действительно тяготеет, в большинстве своем, ко всевозможным психиатрам. Я знаю статистику — печальное свидетельство о степени заблуждений в обществе... Я вот что сделаю для тебя!

Он вытащил из кармана записную книжку, ручку и что-то быстро набросал на листке.

— Вот единственно верный путь. Если ты до сих пор к этому не пришел, то теперь, вероятно, уже поздно. Но мы имеем указание не прекращать попыток. Вечность, в конце концов, — долгий путь, мой мальчик.

На листке было написано: «Пророк Хорейс Клэмп. Усыпальница Второго Бааба. Шайен, штат Вайоминг».

— Именно, — подтвердил Тиллингфорд. — Если идти, то прямо к вершине. Это удивляет тебя? Но это свидетельствует о том, насколько я проявил к тебе участие, мой мальчик.

— Благодарю, — пробормотал Гамильтон, тупо кладя бумажку в карман. — Раз вы так советуете.

— Да, я так советую, — непререкаемым тоном повторил Тиллингфорд. — Бахаизм есть единственно истинная вера, мой мальчик. Единственная гарантия того, что ты будешь в раю. Бог вещает устами Хорейса Клэмпа. Завтра же бери себе свободный день и отправляйся в Шайен. На работу явишься потом, это не важно. Если кто и сможет спасти твою бессмертную душу от огня вечного проклятия, так это пророк Хорейс Клэмп.

Глава 5

Когда Гамильтон, пребывая в самом подавленном состоянии духа, уже удалялся от дверей агентства, группа парней, держа руки в карманах, тихо последовала за ним. На их лицах, как маска, застыло доброжелательное выражение. Когда Джек стал доставать ключи от машины, парни, ускоряя шаг, пересекли площадь стоянки и подвалили к нему.

— Привет, — бросил один из них.

Все они были молоды. Белобрысы, коротко подстрижены, в аскетически строгих белых халатах. Молодая гвардия Тиллингфорда, ученая братия агентства.

— Что нужно? — буркнул недовольно Джек.

— Вы уезжаете? — поинтересовался мордастый юнец, явно вожак группы.

— Да, уезжаю.

После небольшой паузы вожак обронил:

— Но вы вернетесь.

— Послушайте.. — начал было Гамильтон, но вожак прервал его.

— Тиллингфорд принял вас на работу, — констатировал он. — Предположительно, вы выходите со следующей недели. Вы прошли тестирование, и сейчас, в лабораториях, совали нос в чужие дела.

— Что ж, я вполне мог пройти тестирование, — заметил Гамильтон, — но это не значит, что я выхожу на работу. По правде говоря...

— Меня зовут Брэди, — перебил его ретивый юнец. — Боб Брэди. Может, вы меня запомнили... Я был рядом с Тиллингфордом, когда вы пришли. — Не сводя с Гамильтона глаз, Брэди договорил: — Кадровая служба, возможно, вами и довольна, а мы — нет. Кадровики — дилетанты. Это не наши люди, не профессионалы. У них на все случаи жизни есть парочка замшелых истин. Только и всего.

— Но мы-то не дилетанты, — вставил другой парень.

— Послушайте, — проговорил Джек, решив на всякий случай попытать счастья с молодежью. — Может, мы сумеем договориться? Меня удивило, как это вы, образованные люди, смогли согласиться с гаданием наобум по раскрытой книге. Это же не выдерживает никакой критики. У современной науки по этому вопросу...

— Поэтому, — с козлиным упрямством твердил Брэди, — для нас вы по-прежнему остаетесь варваром. Пока, разумеется, не доказано обратное. А варварам в агентстве не место. У нас свои профессиональные критерии.

— Ваша квалификация ничем не подтверждена, — добавил кто-то из группы. — Покажите-ка ваш «шит»! [*Шит — удостоверение личности в арабских странах, подтверждающее принадлежность к той или иной социальной группе].

— Да-да, ваш «шит», пожалуйста! — подхватил Брэди, требовательным жестом протягивая руку. — Вам давно снимали нимбограмму?

— Точно не помню, — поколебавшись, проговорил Гамильтон.

— Я так и думал. Нет «шита»!

Брэди достал из кармана небольшую картонную карточку.

— У всех членов моей группы «шит» не ниже, чем четыре и шесть. Навскидку я вам бы не дал больше двух баллов. Что скажете?

— Вы — варвар! — сурово бросил Гамильтону один из самых молодых. — Какое надо иметь нахальство, чтоб пытаться пролезть к нам.

— По-моему, вам лучше убраться отсюда, — процедил Брэди. — Рулите поскорей куда глаза глядят. И не вздумайте возвращаться!

— У меня столько же здесь прав, как у любого из вас! — воскликнул в отчаянии Джек.

— На Божье усмотрение, — задумчиво произнес Брэди. — Пусть Божий суд решит, раз и навсегда.

— Прекрасно, — довольно усмехнулся Джек. Сняв пальто и бросив его в машину, он заявил: — Я любого из вас в бараний рог сверну!

Но никто из юнцов не отреагировал на вызов. Парни сгрудились в круг и начали переговариваться.

Солнце над головой уже клонилось к закату. По шоссе проносились редкие машины. Корпуса агентства сверкали в предзакатных лучах стерильной белизны.

— Начнем, — чуть помедлив, объявил Брэди.

Размахивая рукой, в которой была зажата зажигалка, он торжественно подошел к Гамильтону:

— Давайте палец!

— Мой палец?!

— Испытание огнем! — пояснил Брэди, щелкая зажигалкой. Выпорхнул и заплясал язычок желтого пламени. — Покажите, что вы собой представляете! Докажите, что вы мужчина.

— Можете насчет этого не сомневаться! — сердито рявкнул Джек. — Но разрази меня гром, если я суну палец в огонь. Для того, чтоб горстка идиотов потешила себя школьным ритуалом? Я-то думал, что вы уже выползли из пеленок.

Все парни дружно выставили по большому пальцу. Брэди методично обошел всех, подводя язычок огня по очереди к каждому пальцу. Ни один из них от огня не пострадал.

— Теперь — ваша очередь! — напыщенно произнес Брэди. — Будьте мужчиной, Гамильтон. Вы же не безвольное животное!

— Идите к черту! — огрызнулся разъяренный Джек. — Уберите зажигалку!

— Значит, вы отказываетесь от испытания огнем? — с явным удовольствием выговаривая каждое слово, спросил Брэди.

Крайне неохотно Джек выставил палец. Чем черт не шутит, может, в этом мире зажигалки не прожигают кожу? Или, может, сам того не сознавая, он обладает иммунитетом от огня? Или...

— А-а-а-а!.. — завопил Джек, резко отдернув руку.

Молодые светила науки с самым серьезным видом покачивали головами.

— То-то! — Брэди с торжественной улыбкой законченного кретина спрятал зажигалку. — Вот оно как!

В бессильной ярости Джек потрогал ожог. — Садисты! — крикнул он. — Изуверы, фанатики! Ваше время — средневековье! Вы — исламиты!

— Поберегись! — предостерегающе поднял ладонь Брэди. — Ты говоришь с воином Единосущного Бога!

— Может быть, ты и воин Единосущного Бога, — ядовито заметил Гамильтон, — зато я специалист по электронике. И высочайшего класса, кстати. Подумай об этом.

— Думаю, — кивнул Брэди.

— Можешь совать палец хоть в вольтову дугу. Даже в доменную печь нырнуть.

— Именно так, — согласился Брэди. — Я могу.

— Но какое отношение это имеет к электронике? — яростно воскликнул Джек. — Хорошо, умник, я вызываю тебя на состязание. Давай разберемся, много ли ты знаешь!

— Ты... вызываешь воина Единосущного Бога? — словно не веря собственным ушам, переспросил Брэди.

— Да, вызываю.

— Но... — Парень сделал пренебрежительный жест. — Это же нелогично. Идите-ка лучше домой, Гамильтон. У вас, по-моему, с головой не совсем в порядке...

— А, струсил!.. — поддел его Джек.

— Но ведь ты точно проиграешь! Это аксиома! Воин Единосущного Бога побеждает по определению. Любой другой исход был бы опровержением могущества Божия...

— Кончай тянуть резину, — отрезал Джек. — Можешь задать мне любой вопрос. Каждый получит по три задачи из области прикладной и теоретической физики. Согласен?

— Согласен, — неохотно отозвался Брэди. Остальные юнцы, широко раскрыв глаза, сгрудились вокруг противников, восхищенные неожиданным поворотом дел. — Мне жаль вас. Вы, наверное, так до конца и не поняли суть происходящего. Подобную глупость можно еще ожидать от невежды, но никак не от человека, хоть в какой-то мере причастного к науке...

— Спрашивайте!.. — прорычал Джек.

— Сформулируйте мне закон Ома, — вдохновенно изрек Брэди.

Гамильтону показалось: он ослышался. С таким же успехом можно было попросить сосчитать до десяти.

— Вы не ошиблись с вопросом?

— Сформулируйте закон Ома, — тупо повторил Брэди. И принялся что-то беззвучно шептать.

— В чем дело? — презрительно спросил Джек. — Что вы там еще бормочете?

— Молюсь, — сообщил Брэди. — Прошу Божественной помощи.

— Закон Ома, — начал Гамильтон. — Сопротивление тела электрическому току... И умолк.

— Какие-то проблемы? — с плохо прикрытым злорадством спросил Брэди.

— Вы меня отвлекаете. Помолитесь, пожалуйста, после.

— Нет, именно теперь! Позже это будет ни к чему!

Стараясь не обращать внимания на непрерывно шевелящиеся губы противника, Джек продолжил:

— Сопротивление тела прохождению электрического тока может быть установлено следующим уравнением...

— Давай, давай! — насмешливо подбодрил Брэди.

Странная пустота образовалась в мозгу. Символы, цифры, уравнения, подмигивая, поплыли перед глазами. Слова и фразы порхали, как мотыльки, не желая вставать в мало-мальски осмысленном порядке.

— За абсолютную единицу сопротивления, — почти выкрикнул Гамильтон, — может быть принято сопротивление проводника, который...

— Что-то не похоже на закон Ома, — ухмыльнулся Брэди. И обернулся к своим приспешникам: — А вам?

Те удрученно покачали головами.

— Сдаюсь!.. — так и не поверив до конца в происшедшее, выдохнул Джек. — Я даже не могу сформулировать закон Ома...

— Хвала Всевышнему! — Брэди пребывал на вершине блаженства.

— Варвару нанесен удар от Господа, — прокомментировал кто-то из юнцов сей прискорбный факт. — Испытание окончено.

— Так нечестно! — слабо запротестовал растерянный Джек. — Я знаю закон Ома не хуже, чем собственное имя!

— Хватит вилить! — осадил его Брэди. — Лучше признай, что ты варвар и на тебя не простирается благодать Божия.

— А как же состязание? Надо бы и вас проверить.

Брэди призадумался.

— Давай, конечно... Все что хочешь.

— Электронный луч, — собравшись с силами, начал Джек, — отклоняется при прохождении между двумя заряженными пластинами, имеющими определенную разность потенциалов. На электроны воздействует силовое поле под прямым углом к направлению их движения. Обозначим длину пластин как L_1 . Обозначим расстояние от центра пластины...

Джек запнулся, умолк и выпучил глаза, взирая на невероятное зрелище: чуть повыше правого уха Брэди появились крупный губастый рот и пухлая ладонь... Кто-то невидимый стал нашептывать Брэди. К сожалению, Джек не мог расслышать, что именно вещает привидение.

— К-кто это? — придя в себя, прохрипел Джек.

— Вы что-то сказали? — с невинным видом переспросил его Брэди, движением руки отсылая прочь неизвестного помощника.

— Может, у меня галлюцинации? Но только что вам кто-то шептал прямо в ухо.

— Это ангел Господень, — ответил Брэди. — Вполне естественно!

Гамильтон поднял руки, как узник перед расстрелом. — Все! Ваша взяла.

— Что ж замолчали? Продолжайте. — Брэди был издевательски любезен. — Вы ведь хотели, чтоб я объяснил отклонение луча согласно приведенной формуле...

Он несколькими точными, сжатыми фразами обрисовал процесс, придуманный Джеком.

— Правильно?

— Ерунда! — возмутился Гамильтон. — Откровенное жульничество...

Губы ангела над ухом Брэди растянулись в наглой ухмылке, затем произнесли что-то издевательское по адресу Джека. Брэди тоже позволил себе улыбнуться.

— Да, забавно! — согласился он. — Однако же какое упорство!

Губастая пасть ангела стала растворяться в воздухе. Гамильтон торопливо выкрикнул:

— погоди! Я хочу поговорить с тобой.

Ангел, точнее, его рот помедлил.

— Чего ты хочешь? — спросил он рокочущим, будто шум водопада, голосом.

— Ты и сам должен знать, — ответил Джек. — Не тебе ли достаточно только взгляда?

Губы ангела сложились в презрительную усмешку.

— Если ты читаешь в умах людей, то должен читать и в сердцах, — напомнил Гамильтон.

— В чем дело? — недовольно поморщился Брэди. — Приставай к своему собственному ангелу!

— Где-то было написано, — продолжал Джек, — что помыслить о грехе так же дурно, как и совершить его в действительности?

— О чем ты там бормочешь? — еще сильнее забеспокоился Брэди.

— Насколько я понимаю древние строки, речь идет о психологической мотивации. Мотивация — это решающий моральный момент, а состоявшийся натуральный грех — только внешнее проявление дурного желания. То есть зло и добродетель зависят не от того, что сделал человек, а от того, что он чувствует и чего желает.

Ангел одобрительной гримасой выразил согласие.

— Ты верно говоришь.

— Эти люди, — Джек указал на ученых лоботрясов агентства, — величают себя воинами Единосущного Бога. Они искореняют язычество. Но мотивы их действий порочны, в их основе — греховное желание.

Брэди от возмущения захлебнулся слюной:

— К-куда вы клоните?

— Я хочу сказать, что ваше стремление выгнать меня из агентства по сути своей корыстно. Вы мне завидуете! А зависть, в качестве побуждения к действию, неприемлема. Я привлек к этому ваше внимание как собрат по религии. — Уже мягче Гамильтон добавил: — Это мой долг.

— Зависть! — воскликнул ангел. — Да, зависть — великий грех. Но она не грех в том смысле, что и сам Бог ревнует человека к любому псевдобожеству. Суть в том, что только Единосущный Бог является Господом. Поклонение кому-нибудь другому есть отрицание Божественной природы и возврат к варварским суевериям.

— Но, — вмешался Брэди, — ревность может еще быть положительной и в том смысле, что настоящий бахаит ревностно исполняет свой долг пред Господом.

— Ревностно именно в том смысле, что он исключает любую другую работу и другие обязанности, — уточнил ангел. — Только в этом положительное значение слова «ревность». Можно говорить еще о ревностной защите своего законного наследства. Этот же язычник утверждает, что ты ревнуешь — иначе говоря, завидуешь, — желая отнять чужое. Тобой движет алчность и корыстолюбие. По сути, ты отказываешься подчиняться закону распределения

благодати.

— Но... — попытался возразить Брэди, нелепо взмахнув руками.

— Варвар прав, говоря, что дела, производящие доброе впечатление, но порожденные недобрыми намерениями, суть ложные дела. Ваша ревностность упраздняется вашей завистью. Поэтому, хоть ваши дела внешне и устремлены ко славе Единосущного, души ваши полны скверны.

— Я не понимаю, при чем здесь «скверна»? — стал обороняться Брэди... но было уже поздно. Приговор вынесен. Солнце потускнело над горизонтом, подернулось пеленой — и исчезло во мгле. Колочий суховец закружил над испуганно притихшими юнцами. По земле, словно черные змеи, поползли трещины.

— Можете в установленные сроки подать апелляцию, — из надвигающейся тьмы прогремел ангел. — Канал связи обычный.

И канул в небытие.

То, что еще недавно выглядело пышным зеленым пейзажем, окружавшим агентство, теперь стало выжженным участком растрескавшейся земли. Ни травинки, ни цветочка — одни жухлые ошметки. С горе-учеными тоже происходили странные метаморфозы: они на глазах уменьшались в размерах, пока не превратились в уродливых, волосатых карликов, сплошь покрытых язвами и струпьями. Глянув друг на друга и окрест себя, они завопили в слезном отчаянии.

— Мы прокляты-ы! — истерично подвывал Брэди. — Про-о-окляты!

Юных адептов агентства явно лишили благодати. Горбатые, короткопалые уродцы нелепо тыкались в разные стороны. Вместе с пыльным суховецем их окутала тьма. Под ногами по выжженной земле метнулась кобра... Послышался зловещий скрип ползущего скорпиона...

— Сожалею, — ошеломленно пробормотал Гамильтон. — Но пора бы вам знать, что правда неизменно выходит наружу.

Брэди метнул на него испепеляющий взгляд налитых кровью глаз. Грязные лохмы волос падали на его почерневшее, искаженное лицо.

— Ты, язычник!.. — прорычал он, отворачиваясь.

— Добродетель — сама по себе награда! — напомнил ему Гамильтон. — Пути Господни неисповедимы. Преуспеяние никогда не будет чем-то большим, чем успех.

Забравшись в машину, Джек сел за руль и включил зажигание. Завизжал стартёр, над лобовым стеклом взметнулось облако пыли. Но и только-то. Мотор не заводился.

Джек долго терзал акселератор, недоумевая, что же могло случиться. Но потом он с ужасом заметил, что сиденья его автомобиля: прежде блиставшие великолепной обивкой, теперьгодились разве что на свалку — выцветшие, рваные, засаленные...

Машина, к несчастью, тоже угодила в только что проклятое место.

Джек достал из бардачка замусоленный справочник. Но толстый том больше не содержал схем, таблиц и советов технического свойства; теперь в нем воспроизводились общепринятые молитвы.

Молитва в этом странном мире заменяла все физические знания и навыки. Раскрыв книгу перед собой, Джек включил первую скорость, нажал на газ и отпустил сцепление...

— Есть один только Бог, — затянул он, — а Второй Бааб суть...

Двигатель взревел — и машина, гроыхая, сдвинулась с места. Подвывая и дребезжа, она выползла на улицу. Позади остались заклеянные проклятием молодые адепты. Они вовсю обсуждали способы подачи апелляций, называя инстанции и сроки. Несомненно, они вернут себе свой прежний статус. Эти крутые ребята смогут.

Джеку потребовался комплект из четырех молитв, чтоб кое-как дотащиться до Белмонта. Проезжая мимо какой-то мастерской, он подумал, не затормозить ли ему для ремонта. Но

вывеска заведения заставила поторопиться прочь:

НИКОЛТОН И СЫНОВЬЯ

Исцеление автомобилей

Пониже вывески, на витрине, была выставлена духовная литература. Лозунг в центре возвещал: «Каждый день, каждый час моя машина становится все лучше и лучше!»

После пятой порции молитв движок как будто заработал исправно. Сиденья обрели вполне пристойный вид. Джек почувствовал, как к нему возвращается некоторая уверенность в собственных поступках и мыслях. Кажется, удалось выкарабкаться из самого неприятного. Любой мир имеет четкие законы. Важно только уяснить их.

Был уже вечер. Мелькали огни несущихся по Эль-Камино машин. Позади переливался разноцветной мозаикой Сан-Матео. Облака, словно непрошенные гости, напоздали на ночное небо. С предельной осторожностью Джек вырулил на крайнюю правую полосу.

Слева от дороги виднелись корпуса «Калифорния мэйнтэнанс». Но сей факт отнюдь не вызывал радости. Даже в привычном мире Джек был отщепенцем. Одному Богу известно, чем бы мог сейчас закончиться визит на ракетный завод. Джек всем нутром ощутил, что рисковать не стоит, можно и шею сломать. Человек типа полковника Эдвардса в этом мире наверняка превзойдет самую бредовую фантазию.

Справа от Гамильтона показался небольшой, приветливо подмигивающий светящимися окнами, хорошо знакомый оазис — «Тихая гавань». Здесь Джек не раз с удовольствием проводил вечера... Удобно расположенный через дорогу от завода, бар был любимым местом отдохновения для инженеров, любителей пропустить одну-другую кружку пива в жаркий день.

Припарковав машину, Гамильтон выбрался наружу и побрел к бару по асфальтированной дорожке. Моросил мелкий дождь. Водяная крупа успела забраться за ворот, пока Джек, предвкушая покой и отдых, тащился к призывно мигавшей неонем рекламе «Золотистой пены».

В баре было полно народа. Стоял приветливый гул. Гамильтон задержался на пороге, обозревая собравшихся. Слава Богу, здесь, по крайней мере, все осталось по-прежнему. Водители-дальнобойщики, в промасленных комбинезонах, просиживали время над кружками пива в конце стойки. Шумная блондинка, местная достопримечательность, восседала на высоком табурете, прихлебывая содовую воду слегка разбавленную виски. В углу неистово ревел ярко размалеванный музыкальный ящик. Рядом, равнодушные к шуму, сражались в шашки двое рабочих с жидкой шевелюрой.

Протиснувшись сквозь толчею, Гамильтон подошел к табуретам у стойки. В самом центре, как раз перед большим зеркалом, сидел, размахивая кружкой, то и дело раздражаясь идиотским хохотом, Макфиф собственной персоной.

Странное чувство брезгливой радости наполнило измученную душу Гамильтона.

— Я думал, ты уже помер! — сказал Джек, ткнув охранника под локоть. — Урод ты этакий!

Макфиф резко обернулся, расплескав пиво.

— О! Да это краснопузый Джек! Разрази меня гром! — Он подал знак бармену: — Принеси-ка, черт возьми, кружку пива приятелю...

— Поосторожней, — оглядываясь по сторонам, заметил Гамильтон. — Ты что, не в курсе?

— В курсе чего?

— Того, что произошло. — Джек опустил на освободившийся табурет. — Ты даже не видишь разницы?... Между тем, что было и что есть?

— Замечаю и вижу, — самодовольно произнес Макфиф. Он распахнул пиджак. Изумленному взору Гамильтона предстала странная коллекция из всех мыслимых и немыслимых амулетов, талисманов и прочих колдовских изделий. Они гроздьями свисали на грудь и живот Макфифа — на все случаи жизни. — Я тебя опередил, дружище, на двадцать четыре часа! Что такое Бааб, я

понятия не имею, и у каких арабов его откопали, тоже не знаю, но меры принял...

Поглаживая золотой медальон с таинственными знаками, он добавил:

— Так что шутить со мной не советую, а то я целую крысиную стаю могу напустить!

Гамильтону подали пиво, и он жадно припал к кружке. Шум и толчея создавали тот расслабляющий фон, когда можно на минутку позволить себе отключиться от насущных проблем. Если уж Судьба распорядилась подобным образом, серьезного выбора не остается.

— Это твой друг?.. — прижимаясь к Макфифу, спросила блондинку. Личико ее напоминало мордочку какого-то грызуна. — А он в порядке, твой приятель!

— Отвали, — добродушно отмахнулся Макфиф. — Или я превращу тебя в мокрицу.

— Какой умный! — фыркнула девица. — Думаешь, ты один такой?

Подобрав юбку, она показала что-то прилепленное у нее к ляжке.

— Что ты против этого сможешь, ну-ка?..

Макфиф зачарованно уставился на странный предмет.

— Что это?

— Часть голеностопного сустава Магомета.

— Да берегут нас святые мощи! — набожно произнес Макфиф и отхлебнул пивка.

Одернув юбку, девица обратилась к Гамильтону:

— По-моему, я видела тебя здесь раньше. Ты ведь работаешь через дорогу отсюда, верно? Бомбы делаешь?

— Раньше делал, — ответил Гамильтон.

— Он красный! — дружелюбно сообщил Макфиф. — И вдобавок — атеист.

Девица в ужасе отпрянула:

— Ты серьезно?

— Ну да, — кивнул Джек. Сейчас ему было на все глубоко наплевать. — Я тетя Льва Троцкого по материнской линии. Это я родила отца народов Сталина.

В тот же миг сокрушительная боль пронзила солнечное сплетение. Согнувшись пополам, Джек сполз с табурета на пол. Ткнувшись лбом в стойку, он услышал, как его собственные зубы выбивают жуткую чечетку. По спине ящерицей скользнула крупная капля холодного пота.

— Вот что тебе причитается! — Макфиф оскалился ухмылкой садиста.

— По-омоги-и-и... — простонал Гамильтон.

Сочувствуя несчастному, девица присела на корточки рядом с Джеком.

— Как тебе не стыдно? Где твой «Байан»?

— Дома, — прошептал Джек, еле живой от боли. Его живот рвали изнутри стальные когти. — Я умираю... Это аппендицит...

— Где твое молельное колесо? В пальто? — Быстрые гибкие пальцы пробежали по его карманам, сделали щелкающий жест — и отстали.

— Отвезите меня к доктору... — еле слышно пролепетал Джек.

Бармен свесился через стойку.

— Вышвырните его вон! Или попробуйте откатать! — отрывисто приказал он девице. — Нельзя ему здесь подыхать!

— У кого-нибудь есть немного святой воды? — пронзительным сопрано бросила клич девица.

Толпа зашевелилась... Вскоре небольшая фляга, пройдя десятки рук, оказалась рядом с Гамильтоном.

— Не расходуйте всю! — предупредил недовольный голос, — Она из святого сосуда в Шайене.

Девица отвинтила пробку и, окропив теплой водой свои наманикюренные пальцы, брызнула чуть-чуть на Джека. Как только влага коснулась его, боль утихла. Благостное облегчение волной растеклось по измученному телу. Вскоре Джек с помощью девицы смог уже сидеть прямо.

— Проклятия больше нет, — деловито констатировала девица, возвращая флягу владельцу. — Спасибо, мистер.

— Ставь этому парню пиво, — сказал не оборачиваясь Макфиф. — Он истинный приверженец Бааба.

Когда увенчанная шапкой пены кружка отправилась вслед за флягой, Гамильтон сумел кое-как взобраться на табурет. На него больше никто не обращал внимания. Девица удалилась вместе с владельцем чудодейственной воды.

— Мир сошел с ума, — процедил сквозь зубы Джек.

— Как бы не так! — возразил Макфиф. — Где ты разглядел безумие, скажи? Я весь день пью пиво и ни разу не заплатил! — Он потряс арсеналом амулетов. — Все, что мне надо делать, — это пользоваться их услугами!

— Объясни мне одну вещь, — попросил Гамильтон. — Этот бар... Почему Бог не сотрет его с лица земли? Если мир подчиняется законам морали...

— Бар необходим для поддержания морального порядка. Бар — клоака греха, рассадник пороков... Думаешь, добродетель может существовать без греха? В этом вы, примитивные атеисты, жестоко заблуждаетесь. До вас не доходит, в чем принципиальная механика зла. Глянь-ка, парень, на изнанку дела — и тогда будешь наслаждаться жизнью. Если ты поверил в Господа, то тебе уже не о чем беспокоиться.

— Трепло!

— Бьемся об заклад на твою драгоценную душу!

— По-твоему, Бог позволяет целоваться с бутылкой и таскаться по девкам, мошенничать и богохульствовать?

— Имею полное право!.. — ничуть не смутился Макфиф.

— Ты не присматривался к тому, что творится. Оглянись по сторонам и хорошенько подумай!

Рядом с зеркалом к стене был прибит плакат со словами: *"Что сказал бы Пророк, увидев тебя здесь?"*

— Я знаю, что бы он сказал, — хмыкнул Макфиф. — Он сказал бы: «И мне налейте, ребята!» Он ведь нормальный парень. Не то что вы, яйцеголовые!

Джек зажмурил глаза, представляя, что сейчас случится с Макфифом за столь явное богохульство. Но ничего не произошло. Дождя из скорпионов или саранчи не последовало. Макфиф, уверенный, самодовольный, потягивал пиво.

— А я, по-видимому, все еще чужак здесь, — переведя дух, заметил Гамильтон. — Скажи я подобное — был бы уже трупом.

— Тогда давай к нам!

— Но как?! — возопил Гамильтон, до глубины души оскорбленный столь откровенной несправедливостью происходящего. Мир, который устраивал Макфифа как нельзя лучше, Гамильтону казался жалкой пародией. Джек улавливал лишь какие-то случайные проблески логики в этом кошмаре, окружавшем его с первых минут аварии на «Мегатроне». Основа ценностей, составлявших смысл его жизни, теперь исчезла. На смену пришла первобытная вражда к чужаку, к изгою. Но откуда?

Сунув нечаянно руку в карман, Джек нашупал листок бумаги и вытащил записку Тиллингфорда. Что там? Имя Пророка и святилище (оно же «усыпальница Второго Бааба») — источник странного, чуждого культа, каким-то образом пробравшегося в их мир, чтобы торжественно его изуродовать. Всегда ли существовал этот Хорейс Клэмп? Буквально пару дней назад не было и в помине ни Бааба Второго, ни Первого, ни пророка в Шайене. Или все-таки они были?..

Макфиф встал рядом, скосив глаза на бумажку в руках у Джека. Лицо его сделалось мрачным,

довольная ухмылка пропала, уступив место хмурой гримасе.

— Это что такое? — отрывисто спросил он.

— Судя по всему я должен повидать его, — проговорил Гамильтон.

— Ни в коем случае, — отрезал Макфиф. Неожиданно он вскинул руку и выхватил у Джека записку. — Выбрось подальше!.. — Голос его дрожал. — Не обращай на нее внимания!

Джеку пришлось доказать свое физическое превосходство и отобрать бумажку. Макфиф больно вцепился ему в плечо. Табурет под Джеком покачнулся — и он грохнулся на пол. Массивная туша Макфифа накрыла Джека сверху. Теперь борьба перешла в партер. Соперники ворочались на полу, задыхаясь и обливаясь потом, чтобы окончательно решить вопрос о правах на записку.

— Джихада я не потерплю! — заорал бармен. Он обежал стойку, с намерением положить конец схватке. — Убирайтесь вон. Колотите друг друга сколько влезет на улице! Но не здесь!..

Бормоча проклятия, Макфиф с трудом поднялся на ноги.

— Выбрось это, выбрось!.. — пыхтел он, оправляя одежду. Лицо его светилось неподдельным безумием.

— Что тебе надо? — вновь усаживаясь на табурет, спросил Гамильтон. Он отыскал свою кружку. «Нет, — подумал Джек. — У Чарли явно что-то творится с головой. Но что именно?»

В это время вернулась блондинка, а с ней некто долговязый, печальный, с неверной походкой. Билл Лоуз. Сжимая в руке высокий стакан для виски, он с некоторой опаской поклонился Макфифу и Гамильтону.

— Добрый день! — по-негритянски протяжно произнес он. — Давайте больше не ссориться. Мы же друзья.

— Учитывая обстоятельства, — проворчал, насупившись, Макфиф, — придется, пожалуй, дружить...

Яснее высказываться он не стал.

Глава 6

— Этот долговязый утверждает, будто вы знакомы, — полувопросительным тоном сообщила Гамильтону девица.

— Да, это так, — ответил Джек и глянул на Лоуза: — Подтягивай табурет и садись. Что бы ты сказал о состоянии физики как науки на сегодня?

— К черту физику, — нахмурился Лоуз. — Это пройденный этап. Я его перерос.

— Значит, резервуары... в смысле, сортиры будешь строить, — скривился Джек. — Книги читать перестанем, начнем наслаждаться свежим воздухом.

Лоуз положил на плечо блондинки свою костлявую ладонь: — Познакомься с Грейс. Вот где резервуар... По самые жабры.

— Рад, очень рад, — хмыкнул Гамильтон.

Девица неловко улыбнулась:

— Меня зовут не Грейс. Мое имя...

Оттолкнув девицу, Лоуз придвинулся к Джеку. — Я рад, что ты напомнил о резервуарах.

— Почему?

— Потому что в этом мире ничего подобного не существует.

— Они обязаны быть.

— Пойдем! — Потянув Джека за галстук, Лоуз потащил его от стойки. — Я открою тебе тайну. Величайшую со времен изобретения налогов.

Прокладывая путь между подгулявших клиентов бара, Лоуз подвел Гамильтона к автомату с сигаретами. Хлопнув по агрегату пятерней, Лоуз спросил торжественно, будто заранее предвкушая умопомрачительный эффект:

— Что скажешь? Хорош?

Джек внимательно и с опаской оглядел машину. Автомат как автомат: высокий ящик из металла с зеркалом, щель для монет, окошки с выставленным товаром — разноцветными пачками, — колонка рычагов и ниша под купленный товар.

— Все нормально, — высказался Гамильтон.

— Ничего не замечаешь?

— Нет, ничего особенного.

Лоуз оглянулся. Убедившись, что никто из посторонних не слышит их, он притянул Джека к себе поближе.

— Я видел эту штуку в деле! — драматическим шепотом сообщил он. — Это что-то потрясающее! Выслушай меня. И постарайся устоять на ногах... В этом автомате вообще нет никаких сигарет!

Джек всерьез задумался.

— Совсем?

Лоуз присел на корточки и показал на пачки за стеклом: — Это все штучные экземпляры, вроде как для образца. А резервуара — нет совсем, то есть запаса... Да ты сам посмотри!

Он бросил в щель монетку в двадцать пять центов, выбрал рычажок «Кэмел» и решительно дернул. Выскочила пачка — «Кэмел», — и Лоуз подхватил ее.

— Видал?

— Не понял! — признался Джек.

— То же творится и с конфетным автоматом! — Лоуз перебрался к машине, выдающей карамель. — Конфеты выскакивают, а внутри пусто. Только фантики в окошке. Понятно?

— Непонятно.

— Ты что, никогда о чудесах не читал? В пустыне, скажем, это была вода и пища. Первое чудо.

— Ох-хо-хо, — только и мог проговорить Гамильтон.

— Автоматы действуют по библейскому принципу. Деление чудом. Или — *размножение чудом*. Как размножение делением, понимаешь?

Лоуз достал из кармана отвертку, встал на колени и начал разбирать конфетный автомат.

— Говорю тебе, Джек, это величайшее открытие человечества. Форменный переворот в производстве. Все концепции машинных операций, вся конвейерная сборка... — Он пренебрежительно махнул рукой. — Все. Капут! Не надо больше сырья. И дешевой рабочей силы. Не надо грязных, дымящих заводов. В этих размалеванных ящичках скрыта великая тайна.

— М-да, — пробормотал сбитый с толку Джек. — Может, в твоих словах и есть крупица смысла.

— Процесс можно поставить на широкую ногу!.. — Лоуз силился оторвать заднюю стенку агрегата. — Помоги-ка. Надо снять замок.

Замок с легкостью отлетел. Вдвоем они отделили заднюю стенку. Как Лоуз и предсказывал, вертикальные колонки автомата, выполнявшие роль накопителей товара, были абсолютно пусты.

— Дай десятицентовик! — попросил Лоуз.

Он уверенными движениями вскрыл механизм. Справа открылся канал выброса покупки; он шел от сложной комбинации ступенек, рычагов и шестеренок. Лоуз пыхтел, стараясь выяснить, как все это действует.

— Карамелька, похоже, появляется здесь, — предположил Джек. Склонившись над плечом

Лоуза, он коснулся плоской полочки. — Монета опрокидывает стопор и приводит в действие этот плунжер. Тот толкает конфету к выходу; сила тяжести делает все остальное.

— Брось монету. — торопливо сказал Лоуз. — Я хочу знать, откуда берется конфета, будь она неладна.

Гамильтон вставил монету и потянул за первый попавшийся рычажок. Колесики и тяги пришли в движение. Из середины этой круговерти возникла красочная конфета, соскользнула по желобу в канал и упала в нишу.

— Она просто образовалась из ничего! — благоговейно прошептал Лоуз.

— Но во вполне определенном месте! — заметил Гамильтон. — Кажется, в момент возникновения она соприкасалась с выставленным образцом. Это похоже на процесс деления. Образец распадается на два экземпляра — одинакового веса и объема.

— Что я говорил тебе, Джек? Брось еще монету!

Карамелька вновь материализовалась и скользнула в нишу. Оба исследователя замерли в молчаливом восхищении.

— Чистая работа! — признал Лоуз. — Прекрасное применение механики чудес.

— Но применение довольно скромное, — подчеркнул Гамильтон. — Конфеты, безалкогольные напитки, сигареты... Ничего серьезного.

— Тут-то мы и проявим себя! — многозначительно заявил Лоуз.

Он стал осторожно вдвигать в зазор между образцами товара тонкую полоску фольги. Полоска, не встретив сопротивления, аккуратно вошла в зазор.

— Отлично! — Лоуз потер руки. — Если я уберу первоначальный образец и замену его чем-нибудь поинтересней...

Джек вынул образец конфеты и поставил на его место бутылочную пробку. Они привели в действие механизм — и в нишу скатилась точно такая же пробка.

— Что и требовалось доказать! — кивнул Лоуз. — Машина воспроизводит что угодно.

Он достал несколько монеток.

— Давай ближе к делу!

Джек был настроен более основательно.

— Послушай, как ты на это помотришь?.. Известный принцип электроники — регенерация! Часть сигнала с выхода подается опять на вход... Происходит наращивание: чем больше на выходе, тем больше поступает на вход и воспроизводится...

— Жидкость лучше всего, — тут же развил соблазнительную идею Лоуз. — Где бы достать стеклянные трубки?

Недолго думая, Джек принялся срывать со стены часть неоновой рекламы, а Лоуз отправился в бар заказать что-нибудь подходящее. Джек еще возился, сооружая стеклянный трубопровод, когда вернулся Лоуз с крохотной рюмкой янтарной жидкости.

— Бренди, — пояснил Лоуз. — Точнее, настоящий французский коньяк. Лучший, какой у них был.

Гамильтон поставил рюмку на полочку, где прежде находился образчик конфеты. Трубка, освобожденная от неона, шла от точки воспроизводства товара и дальше раздваивалась: один конец возвращался к рюмке, другой выводился в нишу.

— Отношение четыре к одному, — объяснил Гамильтон. — Четыре части идут на выход. Одна часть возвращается к источнику. По идее валовый продукт должен постоянно возрастать. Предел — бесконечность.

Лоуз ловко заклинил стопор и запустил аппарат в безостановочном режиме. Вскоре коньяк стал капать из выходной трубки прямо на пол. Лоуз и Гамильтон схватили отставленную заднюю стенку, привинтили ее на положенное место и приделали замок.

Мирный конфетный ящик тихой струйкой принялся бесперебойно выдавать коньяк высшего качества.

— Ну, вот! — довольно хмыкнул Джек. — Бесплатная выпивка. Прощу в очередь!

Клиенты не заставили долго ждать и бойко потянулись к аппарату. Наблюдая за растущей очередью, Лоуз проговорил:

— Мы пользуемся механизмом, но не знаем, каков его принцип. С точки зрения механики все ясно. Но остается главный вопрос — почему?

— Может, принципа-то и нет, — предположил Гамильтон. — Чудеса именно поэтому и считаются чудесами. Когда нет никаких законов, а есть лишь игра случая. Просто-напросто что-то случается — то, чего нельзя предугадать.

— Но какое-то правило должно все-таки присутствовать! — возразил Лоуз, указывая на автомат. — Когда опущена монета, появляется товар. До сих пор мы получали конфеты. Изменив правило, мы получаем коньяк, а не морковку, например. Нужно только выяснить, какие элементы необходимы, чтобы видоизменять имеющееся правило.

— Если мы сумеем узнать причину раздвоения предмета, то... — взволнованно проговорил Гамильтон.

— Именно! Процесс идет со страшной силой. Какая-то первопричина его раскручивает. По большому счету все равно, как это делается. Узнать бы только, в чем суть этого загадочного нечто. Мы ведь не суетимся из-за того, что сера, селитра и древесный уголь образуют порох. Нам вполне хватает сведений, в какой пропорции их надо смешивать...

Они вернулись к бару, с трудом миновав толпу страждущих порции дармового коньяка.

— Выходит, в этом мире тоже есть законы, — заметил Джек. — Как и в том, нашем. Хотя нет, тут я, наверное, погорячился...

Тень скользнула по лицу Билла Лоуза.

— Да, верно... — Его энтузиазм испарился. — Я и забыл!..

— О чем?

— Чудес в нашем собственном мире не бывает. Они существуют только здесь.

— О... — обмяк и Джек. — Действительно...

— Мы напрасно тратим время.

— Если только у нас не возникнет желания остаться.

Лоуз уселся на табурет у стойки и обхватил свой стакан. Нахохлившись словно подраненная ворона, он проворчал:

— Может, так и следует поступить.

— А как же! — добродушно отозвался подваливший Макфиф. — Оставайтесь! Смекалистые парни всегда выходят из игры победителями.

Лоуз украдкой глянул на Гамильтона:

— Ты хотел бы?.. Тебе здесь нравится?

— Нет!

— Мне тоже. Но есть ли выбор? Мы даже не знаем, куда нас занесло. А уж как выбраться отсюда...

— Такое милое местечко! — негодуяще вмешалась блондинка. — Я постоянно здесь, и мне нравится!

— Мы говорим не о баре, — бросил ей Гамильтон.

Крепко стиснув стакан, Лоуз озабоченно произнес: — Рулить отсюда все равно надо. Каким угодно способом.

— Будем искать выход, — нахмурился Джек.

Ты знаешь, что продается в здешнем супермаркете? — ядовито осведомился Лоуз. —

Консервированные святые дары!

— Представь, что тебе предложат в хозяйственной лавке, — откликнулся в ответ Гамильтон. — Весы. Чтобы ты взвешивал свою грешную душу.

— Вот глупости-то! — капризно возразила блондинка. — Душа веса не имеет.

— Тогда, — задумчиво продолжил Джек, — ее можно пересылать по почте бесплатно.

— А сколько же душ, — с издевкой подхватил Лоуз, — может поместиться в один конверт? Новая религиозная проблема! Опять — раскол человечества, фракции, секты, кровь по улицам рекой...

— Десять! — выдвинул предположение Джек.

— Четырнадцать, — возразил Лоуз.

— Еретик! — воскликнул Гамильтон, скорчив жуткую гримасу. — Чудовище, поедающее младенцев!

— А ты — кровопийца, не гнушающийся порченной кровью!

— Проклятое отродье! Пожиратель дерьма!

Лоуз ненадолго умолк, задумавшись.

— Знаешь, что тебе покажут по телевизору в воскресенье утром? Не знаешь? И я тебе не скажу. Сам увидишь.

По-прежнему сжимая порожний стакан, он неожиданно соскользнул с табурета, метнулся в сторону и пропал в толпе.

— Эй! — изумленно воскликнул Джек. — Куда это он двинул?

— Он просто псих, — безмятежно сообщила блондинка.

На мгновение Билл Лоуз опять показался. Его чернокожее лицо казалось пепельно-серым, как маска из склепа. Обращаясь к Гамильтону сквозь шум и гам, он крикнул:

— Эй, Джек!..

— Что такое? — обеспокоено откликнулся Гамильтон.

Гримаса отчаяния исказила лицо негра.

— В этом мире... — Слезы навернулись ему на глаза. В этом проклятом м-месте я стал тусовать...

Он исчез, предоставив Джеку гадать об услышанном.

— Что он имел в виду? — спросила любопытная блондинка. — Тасовать карты?

— Или, может, тусоваться. Шаркать, иначе говоря...

— Они все, эти цветные, ноги еле-еле таскают, — прокомментировал Макфиф.

Заняв освобожденный Лоузом табурет, блондинка начала методично обрабатывать Гамильтона.

— Малыш, закажи мне коктейль! — промурлыкала она, уверенная в осуществлении своих надежд.

— Не могу.

— Почему? Ты несовершеннолетний?

Джек вывернул пустые карманы.

— Денег не осталось. Все ушли на конфетный автомат.

— Молись! — посоветовал Макфиф. — Молись с такой силой, будто ты теряешь рассудок.

Джек, то ли с подпития, то ли от досады, решил последовать совету Макфифа.

— Боже милостивый! Пришли Твоему недостойному эксперту по электронике стакан подкрашенной водицы для этой скучающей юной леди. Аминь.

Стакан подкрашенной сладкой водички нарисовался прямо у локтя Джека. Улыбаясь, девица подняла стакан. — Ты — само обаяние!.. Как тебя зовут?

— Джек.

— А полное имя?

Он вздохнул:

— Джек Гамильтон.

— Меня зовут Силки. — Она игриво потянула его за ворот рубашки. — Это твой «форд» у входа?

— Мой, — тупо ответил Джек.

— Поедем куда-нибудь?.. Ненавижу этот бар. Я...

— Почему?! — неожиданно громким голосом, как бичом, стеганул блондинку Джек. — И зачем только Бог ответил на мою молитву? Почему не на молитву Билла Лоуза?

— Бог одобрил именно твою молитву, — ласково объяснила Силки. — В конце концов, это ему решать, что предпринять в каждом отдельном случае.

— Это ужасно...

Силки пожалала плечами:

— Со всяким случается.

— Как же можно так жить? Не зная, что произойдет в следующую секунду. Где логика, где порядок?

Джека возмутил тот факт, что девушку отнюдь не смутили его завывания. Казалось, она приняла их как должное. Или ей вообще на все наплевать.

— Гнуснейшая ситуация... зависит от чужих капризов. Ты перестаешь быть человеком. Опускаешься на уровень животного и покорно ждешь корма.

Силки изучающе посмотрела на него:

— Ты смешной мальчик.

— Мне тридцать два года, какой там к черту мальчик. К тому же я женат.

Она еще нежнее потянула Джека за руку, стаскивая с готового покачнуться табурета.

— Пойдем, малыш. Пойдем куда-нибудь, где можно посвященнодействовать наедине. Я знаю пяток ритуалов, которые тебе захочется попробовать!

— И я пойду за них в ад?

— Не пойдешь, если заимеешь нужных людей.

— У моего нового босса прямая линия связи с Небесами. Это подойдет?

Силки не оставляла настойчивых попыток стащить Джека с табурета.

— Давай обсудим все тонкости попозже? Пошли, пока эта ирландская обезьяна ничего не замечает!

Подняв голову, Макфиф уставился на Гамильтона.

— Ты... Ты уходишь? — спросил он дрожащим голосом.

— А как же! — Джек осторожно слез с табурета.

— Подожди! — позвал Макфиф, приподнимаясь за ними. — Не уходи!

— Беспокойся о собственной душе, — огрызнулся Гамильтон. Однако во взгляде Чарли он уловил признаки растерянности. — В чем дело? — спросил он, трезвея.

Макфиф мотнул головой:

— Хочу тебе кое-что показать.

— Показать что?

Опередив Джека и Силки, Макфиф снял с вешалки громадный черный зонт и выжидающе обернулся. Гамильтон, а вслед за ним и девица направились к выходу. Распахнув двери, Макфиф осторожно поднял зонт, размерами больше напоминавший парашют. Прежняя легкая морось сменилась крупным осенним дождем. Тяжелые, ледяные капли барабанили по черному асфальту, по зеркальной плоскости витрин. Струи дождя холодными пальцами ощупывали всю улицу.

Когда дождь трескучей очередью разрядил свою первую обойму в туго натянутый колпак зонта, Силки вздрогнула.

— Брр... Какая пакость! Куда мы едем?

Взглядом отыскав в темноте машину Гамильтона, Макфиф монотонно пробормотал о чем-то своем:

— Она должна существовать по-прежнему...

Вприпрыжку добежав до машины и плюхнувшись на сиденье, Гамильтон спросил:

— Как ты думаешь, почему он волочил ноги? Он же никогда раньше не шаркал.

Усевшийся за руль Макфиф выглядел не лучше толстого кота, угодившего под сноповязалку. Он весь согнулся дугой, скукожился, так что стал похож на ком мятой одежды. Спинка сиденья закрывала его с головой.

— Я же говорил, — пробормотал он, словно выйдя из транса, — они все так делают.

— Нет, с Чарли творится что-то неладное. И это — неспроста, — ворчал Джек, пытаясь остановить одолевавшую его зевоту. Монотонное шарканье «дворника» по лобовому стеклу усыпляло не хуже чем сеанс гипноза. Джек прикорнул на плече у Силки и закрыл глаза. От девицы шел аромат сигаретного дыма и дешевых духов. Приятный запах... Ему нравилось. Ее волосы у него под щекой, сухие и легкие, только чуть-чуть жестковаты... Как метелочки степных трав.

Макфиф подал признаки жизни:

— Ты слышал про Бааба Второго?.. — Голос его задрезжал и дал петуха. — Тьфу, чушь собачья. Какие-то арабы, куча идиотов, налетели со своим бредом... Ведь так?

Ни Гамильтон, ни Силки не сочли нужным отвечать.

— Нет, это долго не протянется, — продолжал Макфиф.

— Хотела бы я знать, куда мы едем! — жеманно надула губки Силки. Сильнее прижавшись к Гамильтону, она спросила: — А ты в самом деле женат?

Игнорируя девицу, Джек заметил Макфифу:

— Я знаю, чего ты боишься.

— Ничего я не боюсь, — отмахнулся Макфиф.

— Боишься, боишься, — повторил Джек. Сам он тоже чувствовал себя так, будто брел по болоту наугад.

Навстречу из тьмы вырастал Сан-Франциско, и вот уже машина неслась по темным, безжизненным улицам — ни звука, ни огонька.

Макфиф тем не менее уверенно вел машину; он делал поворот за поворотом, пока они не въехали в паутину узких переулков.

Внезапно Чарли сбавил скорость... Приподнявшись над сиденьем, он вглядывался во тьму. На лице застыло тревожное выражение.

— Ужас! — вдруг захныкала Силки, зарываясь головой к Джеку под пальто. — Трущобы какие-то! Я боюсь!

Макфиф остановил машину, распахнул дверь и выскочил на мостовую. Джек последовал его примеру. Вдвоем они хорошенько осмотрелись. Из соседних окон неслась дешевая эстрадная музыка, специально для добропорядочных граждан, поглощающих сейчас свой ужин. Неровные, хлипкие звуки плыли во влажном воздухе в темноте меж ветхих домов и пустых лавок.

— Тут, что ли?.. — спросил наконец Гамильтон.

— Угу, — кивнул Макфиф. Можно было подумать, что он только-только удачно провел опознание.

Они взирали на магазинчик весьма затрапезного вида — ветхое деревянное строение, облезлая желтая краска, кое-где проглядывает подгнившая древесина. Невероятная груда хлама загромождала вход. При свете уличного фонаря Джек сумел различить наклепанные на окна афиши. Блеклые, засиженные мухами листы. В щели между грязными занавесками виднелись

ряды уродливых металлических стульев. Дальше, за стульями, непроницаемая тьма.

Над входом в магазин укреплена кривая самодельная вывеска, потемневшая и рваная:

НЕ-БАХАИТСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ВСЕМ!

Макфиф издал страдальческий стон, но овладел собой и направился к церкви.

— Оставь! — крикнул ему Гамильтон. — Поедем отсюда!

— Нет! — покачал головой Макфиф. — Я хочу войти.

Приподняв черный зонт, он шагнул на крыльцо и принялся методично колотить рукояткой в дверь. Гулкий звук размеренным эхом пронесся по улице из конца в конец. Где-то в боковом переулке испуганно загремела пустой жестянкой бездомная дворняга.

Человек, приоткрывший дверь, предстал тщедушной и согбенной фигуркой. Он робко выглянул из-за двери, выставив нос и очки в стальной оправе. Желтые водянистые глазки подозрительно бегали. Весь дрожа, он смотрел на Макфифа.

— Что вы хотите? — спросил он гнусаво.

— Вы меня не узнаете, отец? — спросил Макфиф. — Что случилось, падре, где церковь?

Что-то забормотав, старик потянул дверь на себя.

— Убирайтесь прочь, мерзкие забулдыги! Убирайтесь — или я позову полицию!

Макфиф успел сунуть зонт в дверной проем, помешав старику запереться изнутри.

— Отче! — взмолился он. — Это ужасно! Они украли вашу церковь! И вы, отче, так изменились... весь съезжились!.. Это невозможно!..

Голос Макфифа сорвался, казалось, его душили рыдания.

— Тебе надо было его видеть! — Он беспомощно повернулся к Гамильтону. — Он был гораздо крупнее меня!

— Убирайтесь! — вновь прогнусавил тщедушный человечек.

— Неужели нельзя войти? — спросил Макфиф, не убирая зонта. — Пожалуйста, впустите нас! Куда ж нам идти? Здесь со мной один еретик... он жаждет обращения!

Человечек заколебался. Взволнованно гримасничая, он взглянул на Джека:

— Это вы?.. А в чем дело? Разве завтра нельзя? Уже глубокая ночь, я давно уже спал!..

Приоткрыв дверь, он неохотно отступил в сторону.

— Вот и все, — сказал Макфиф Гамильтону, когда они вошли. — Ты не видел прежде этот собор? Из камня, с витражами... — Он развел руками, словно показывая собственное бессилие. — Самый большой собор, какой мне доводилось видеть!

— Вам это обойдется в десять долларов, — бормотал человечек, ковыляя чуть впереди. Наклонившись, он выволок из-под прилавка глиняную урну. На прилавке пестрели листовки и буклеты. — Деньги вперед! — добавил человечек.

Роясь в карманах, Макфиф недоуменно озирался. Потом накиннулся на падре:

— Но где же орган? Где свечи? У вас даже свечей не стало?

— Это нам не по карману, — ответил человечек, отпрянув назад от вопрошавшего. — Ну, так что конкретно вы хотите? Ах да, обратиться в истинную веру этого еретика?

Он схватил Гамильтона за рукав, пристально посмотрел Джеку в глаза:

— Я отец О'Фаррел. Вам придется стать на колени, молодой человек. И преклонить голову пред Господом.

Джек покрутил головой:

— А всегда ли тут было так?

Отец О'Фаррел растерянно запнулся, потом переспросил:

— То есть? Вы что имеете в виду?

Гамильтон, дабы скрыть охватившую его досаду, только пожал плечами:

— Нет, ничего. Я просто так.

— Конфессия наша очень древняя, — неуверенно произнес отец О'Фаррел. — Вы это имели в виду? Ей уже немало столетий.

Голос его задрожал:

— Она старше даже Первого Бааба. Я, право, не могу назвать точную дату. Говорят, что...
Здесь он осекся.

— Впрочем... не важно, что говорят. Досужие утверждения...

— Я хочу общаться с Богом, — напомнил Гамильтон.

— Да, да, — согласился отец О'Фаррел. — Я тоже хочу, молодой человек...

Он похлопал Джека по руке; прикосновение было столь легким, что почти не ощущалось.

— ...и каждый хочет того же.

— Так вы не поможете мне?

— Это очень трудно, — проговорил отец О'Фаррел. И юркнул в боковой притвор, в некое подобие кладовки, где была свалена в невообразимом беспорядке церковная утварь. Сопя и спотыкаясь на каждом шагу, священник вынес плетеную корзину, наполненную всевозможными костями, обломками, спутанными прядями волос и кусочками кожи.

— Это все, чем мы располагаем, — вздохнул он, ставя на пол корзину. — Может, сумеете воспользоваться... Пожалуйста, выбирайте!

В то время как Гамильтон перебирал кости, потрясенный Макфиф произнес:

— Ты только взгляни!.. Это же фальшивки... Подделка!

— Мы делаем, что в наших силах! — молитвенно складывая руки, прогнусавил отец О'Фаррел.

— А есть ли какой-нибудь способ... вознестись? — неожиданно спросил Джек.

Впервые за все время отец О'Фаррел улыбнулся:

— Для этого надо сначала умереть, молодой человек!

Взяв зонт, Макфиф двинулся к выходу.

— Пойдем! — решительно бросил он Гамильтону. — Я сыт по горло. Уносим ноги!

— Подожди! — крикнул Джек.

Макфиф обернулся;

— Зачем тебе с Богом разговаривать? Ты же видишь, что творится сейчас. Оглянись вокруг!..

— Он единственный, кто может объяснить, что же все-таки случилось, — ответил Гамильтон.

Макфиф раздумывал над этим недолго.

— Мне все равно, что бы там ни случилось. Я ухожу.

Лихорадочно работая, Гамильтон заканчивал выкладывать круг из костей и зубов — кольцо из святых мощей.

— Помоги! — попросил он Макфифа.

— Не прикидывайся, будто тебе это все безразлично.

— Ты, парень, чуда захотел!

— Я знаю, — отвечивал Джек.

Макфиф сделал несколько шагов назад.

— Это безнадежно. Вот увидишь.

Он стоял, сжимая рукоятку громадного зонта. Отец О'Фаррел озабоченно прохаживался неподалеку.

— Мне надо знать, как и почему все это началось, — упрямо твердил Джек. — Второй Бааб,

молельные колеса, благодать на развес... Если я это не выясню...

Он вздохнул поглубже, протянул руку и, выхватив у Макфифа зонт, поднял его над головой. Подобно крыльям гигантского стервятника, зонт раскрылся над ним; с тугой ткани скользнуло на пол несколько темных капель.

— Что такое?! — вскрикнул Макфиф, переступая круг из мощей, чтоб вернуть назад свою собственность.

— Держись крепче! — посоветовал ему Джек. Сам он изо всех сил ухватился за рукоять и обратился к священнику: — Отче, есть у вас вода в том кувшине?

— Д-да, — ответил отец О'Фаррел, заглянув в глиняный кувшин. — На самом доньшке.

— Когда вы окропите водой зонт, прочитайте, прошу вас, те строки, что относятся к Вознесению.

— Те строки?.. — озадаченно попятился отец О'Фаррел. — Я...

— Et resurrexit. Неужели не помните?!..

— О!.. — выдохнул падре. — Да, да... Конечно, помню. Продолжая согласно кивать, он окунул пальцы в святую воду и несколько раз окропил зонт.

— Я искренне сомневаюсь...

— Читайте! — велел ему Гамильтон.

Срывающимся голосом отец О'Фаррел начал:

— Et resurrexit tertia die secundum scripturas, et ascendit in caelum? Sedet ad dexteram patris? Et iterum venturus est cum gloria iudicare vivos et mortuos? Quia regni non erit finis...[*Из Символа веры: «И воскресшаго в третий день по Писанием. И возшедшаго на небеса, и седяща одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Его же Царствию не будет конца» (лат.)].

Зонт затрепетал у Джека в руках. Медленно, медленно, постепенно... он стал подниматься. Макфиф заблеял, как испуганная овца, и тоже ухватился изо всех сил за рукоятку.

Спустя минуту верхний конец зонта уже упирался в потолок. Гамильтон и Макфиф болтались в воздухе, нелепо дрыгая ногами, срывая лохмотья свисающей с потолка паутины.

— Окошко вентиляции... откройте!.. — с трудом прохрипел Джек.

Испуганной мышью отец О'Фаррел кинулся на поиски шеста. Наконец окно под самой крышей распахнулось. Влажный ночной воздух тугой волной ворвался внутрь, взбаламутив стоячее болото многолетней затхлости. Будто почуввав свободу, зонт рванулся ввысь. Жалкое деревянное строение в считанные секунды пропало из виду, оставшись где-то далеко внизу... Холодные клубы тумана окружили со всех сторон поднимавшихся Гамильтона и Макфифа. Они уже висели на уровне самых высоких небоскребов. И только рукоять черного зонта удерживала их над крышами великого города Сан-Франциско — над гигантской чашей мерцающих желтых огней...

— А что, — закричал Макфиф, — если отпустить ручку?..

— Молись, чтоб тебя не покинули силы! — крикнул в ответ Джек, зажмурившись и судорожно вцепившись в рукоять. Зонт подымался все выше и выше, набирая скорость. Через некоторое время, отважившись, Джек разлепил веки и выглянул из-под зонта вверх.

Взору открылось бесконечное пространство полное зловещих облаков. А Что дальше? Ждал ли их Он?..

Все выше и выше летел зонт. В неизвестность, во тьму. Что ж, теперь о возвращении думать было слишком поздно...

Глава 7

По мере подъема тьма рассеивалась. Холодная толща облаков уходила вниз; мягко ткнувшись в пышную влажную перину, зонт пронзил ее. Выскользнув из холода ночи, импровизированный дирижабль поднимался теперь в тусклой среде бесцветного пространства.

Под башмаками обозначился светлый шар.

Джек никогда прежде не видел Землю так отчетливо хорошо. И образ этот практически полностью удовлетворил его самые смелые ожидания. Будто подвешенный на невидимой нити в темной бездонности вселенской пустоты, шар просто покоился — серьезно, сосредоточенно. Словом, был впечатляющим объектом.

Он производил впечатление именно своей самодостаточностью. Ощувив легкое беспокойство, Джек внезапно осознал, что других планет в пространстве не наблюдалось. Он опасливо осмотрелся вокруг, постепенно — и против желания — воспринимая всю небесную картину.

Земля пребывала в гордом одиночестве. Вокруг нее крутилось сверкающее круглое тело, совсем крохотное, словно оса вокруг арбуза. Ужас пробрал Джека до самых селезенки. Но ведь это же не что иное, как Солнце!

Крохотная звезда. И она — вращается. Вокруг Земли. *Si muove*. Но только не Земля. *Si muove* — Солнце!

К счастью, ослепительная точка уже скрылась за краем могучей планеты. Двигалась она не слишком быстро — период обращения наверняка не больше двадцати четырех часов. Будто вдогонку звезде, на светлую сторону Земли выскочило крохотное, почти незаметное пятнышко. Исковерканный комок неживой материи, выполняющий скучную, унылую работу...

Луна...

Она совсем недалеко; зонт вот-вот должен пройти поблизости. Чуть не лишившись рассудка от невероятности всего увиденного и случившегося, Джек вперил взор в жалкий, уродливый камешек Луны и проводил его взглядом до тех пор, пока спутник не исчез в серебристой ауре Земли. Что же получается — весь титанический труд ученых астрономов не более чем досадная ошибка? А привычная планетарная система — заблуждение школьника? Детально разработанная, подтвержденная опытом веков система Коперника выглядела случайным недоразумением.

Джек воочию наблюдал сейчас древнюю, устаревшую концепцию Вселенной, наблюдал в действии. Гигантская неподвижная Земля — единственная планета. Правда, можно было различить еще Венеру и Марс. Но они казались столь ничтожно малыми, что с таким же успехом их вовсе могло и не быть. Опять же звезды... тоже неправдоподобно крохотные, исчезающие точки на черном бархате мироздания.

Весь многовековой фундамент знакомой с детства космологии в один миг рассыпался вдребезги.

Джек созерцал ветхозаветную Вселенную Птолемея: крошечное Солнце, микроскопические звезды; грандиозная, нелепо раздувшаяся Земля, занимающая неподвижный центр мироздания. Для этой Вселенной подобное положение вещей, видимо, служило аксиомой.

Но, слава Богу, не имело ничего общего с его, Гамильтона, миром.

Поэтому Джек не особо удивился, когда заметил далеко за окоемом серебристо-туманного купола, окружавшего Землю, красноватое колеблющееся зарево. Создавалось впечатление, будто где-то глубоко, в самых недрах темной бесплотности космоса, на полную катушку работала некая чудовищная кузница: дышали первобытным огнем горнила и плавильни, из топок, вспыхивая дьявольским фейерверком, сыпались снопы искр, и зловещие алые молнии вспарывали время от времени зыбкую серебряную ауру.

Ад во всей своей красе.

А что же наверху?.. Джек вытянул шею и глянул за край зонтика. Казавшиеся не так давно абсурдным понятием, Небеса предстали теперь с явственной очевидностью. Той самой высшей

инстанцией, злополучным абонентом двусторонней связи, на которую замыкались труды специалистов по электронике, семантике, а также психологов и прочих ученых. Земля была окружена ими.

Пепельно-серое марево тем временем истончалось и рассеивалось, а вскоре и вовсе исчезло. Теперь не осталось уже ничего — даже холодного ночного ветра, пробиравшего до костей. Макфиф, вцепившись в рукоять зонта, в благоговейном экстазе взирал на приближающуюся обитель Бога. Однако разглядеть святые пределы подробно возможности не было. Теряющийся в бесконечности занавес из какого-то плотного вещества служил надежной защитой от любопытных взоров.

Над этой импровизированной стеной крутилось несколько весьма странных созданий, очень похожих на гигантских светляков. Они быстро перемещались то в одну, то в другую сторону. Может, это порхали ангелы? Разглядеть их было трудно...

Зонт продолжал подъем, и по мере подъема возрастало любопытство Гамильтона. Как ни странно, Джек обнаружил, что сам он совершенно спокоен. В подобных обстоятельствах сложно пробудить в себе хоть какие-то эмоции: либо ты сливаешься со всем происходящим, либо полностью теряешь контроль. Среднего состояния сейчас просто не дано.

Скоро зонт преодолеет защитную стену... И они с Макфифом узрят Небеса.

Долгий же был путь — если считать с того момента, когда они стояли в холле «Мегатрона» друг напротив друга и спорили о каких-то пустяках...

Джек не сразу сообразил, что зонт замедляет движение. По-видимому, они подобрались к некоему рубежу. Выше?.. Ничего не могло быть выше.

Само собой, тут же возник на удивление смешной вопрос: что же дальше? Будет ли зонт спускаться так же неторопливо, как и подымался? Или же он, как бабочка, сложит крылья и сбросит докучливых наездников?

Нет. Им предстояло увидеть еще что-то. Теперь они находились на уровне верхнего края «стены», вероятно, закрывавшей Рай. В голове родилась еще одна нелепая мысль: стена воздвигнута не для того, чтобы туда не проникали посторонние взгляды, а чтобы никто из содержащихся в Раю не сбежал оттуда.

— Мы уже... — засопел Макфиф, — почти прибыли...

— Ага, — отозвался Гамильтон.

— Это оказывает... огромное воздействие... Так сказать, на мировоззрение!..

— Еще бы! — согласился Джек.

Он почти что разглядел... Еще секунда... еще... Какая-то размытая картинка, некий пейзаж надвигался на них. Честное слово, странное зрелище! Нечто округлое, укрытое густым туманом. Гигантская окружность больше всего напоминала водоем, а для космического пространства подобный факт казался немислим... Трудно было даже представить, будучи в здравом уме, водоворот в вакууме... Хотя вот, пожалуйста, бредовая картина разворачивалась прямо по ходу движения, на дальнем берегу угадывались горы, обрамленные лесом и кустарником.

Вдруг водоем исчез, словно его накрыл опустившийся занавес. Но занавес тут же поднялся, и вновь просветлело невиданное море: бескрайний простор спокойно покоящейся влаги.

Водоем даже издалека, учитывая другой масштаб расстояний в космосе, выглядел настолько громадным, что, наверное, в нем легко было искупать всю матушку-Землю. «Сколько же в нем воды, интересно?» — подумал Джек. В центре фантастической заводи определенно имелось еще что-то, более темное озеро — внутри большего, прозрачного. Возможно ли, чтобы Небеса являли собой столь титаническое море? Ведь кроме этого океана океанов больше ничего нельзя было разглядеть.

И это...

Вот это да! Какое там море! Прямо на Джека и Чарли взирал живой глаз! Незачем и спрашивать, чей это был Глаз.

Макфиф издал дикий вопль. Лицо его потемнело, как в приступе удушья; из горла вырывался жуткий хрип... Тело корчилось словно в агонии; Чарли будто хотел избавиться от зонга, разжать пальцы, но они отказывались повиноваться, ослабить свою судорожную хватку. Макфиф конвульсивно пытался отвернуться от гигантского Глаза, уклониться от пронизывающего взора.

Глаз сосредоточился на зонте... Зонт вспыхнул мгновенно, как сухая солома. Хлопья горячей ткани, обуглившаяся палка и двое визжащих гомо сапиенс полетели вниз.

Спуститься с той же неторопливостью, с какой они были вознесены, явно не удалось. Они ринулись вниз со скоростью метеорита, едва не теряя от страха сознание. В какой-то миг Джек своей филейной частью ощутил, что земная твердь уже очень близко... И тут же последовал сокрушительный удар. Джека подбросило вверх, как тряпичную куклу. Высоко подбросило, почти к тому пределу, откуда он начал сумасшедшее падение.

И опять оглушительный удар... снова и снова... Когда все закончилось, физическое «я» Джека лежало неподвижно, едва дыша, распростертое на поверхности планеты. Рука сжимала пучок сухой травы, торчавший из глинистой красной почвы. Превозмогая резь в глазах, Джек приоткрыл веки и осторожно осмотрелся.

Он лежал посреди широкой пыльной равнины. Было холодное раннее утро. В отдалении маячили какие-то здания. Рядом, подобно сломанному манекену из магазина для толстяков, распласталось неподвижное тело Чарли Макфифа...

Шайен, штат Вайоминг.

Прошло немало времени, прежде чем Гамильтон сообразил, что люди не только дышат, но и умеют говорить.

— Наверно, надо было сразу сюда и направляться... — кое-как пробормотал Джек.

Ответа от Макфифа не последовало. Мозги ему, наверное, отшибло основательно. Доносилось лишь чириканье птиц на склонившемся дереве в нескольких ярдах от них.

С трудом поднявшись на ноги, Гамильтон доковылял до своего спутника. Тот был жив и внешних увечий не наблюдалось. Лишь дыхание было частое и неглубокое. По подбородку из полураскрытого рта тянулась дорожка липкой слюны. На лице застыла маска предельного ужаса.

Но почему именно ужаса? Разве шанс лицезреть Господа своего не вызвал у Чарли фанатичной радости?

Значит, вскрылись новые факты об окончательно свихнувшейся Вселенной. Их весьма затруднительно увязать в рамках сколь-нибудь приемлимой концепции. Ясно лишь одно — Гамильтон и Макфиф оказались в самом центре бахаитского мира. В Шайене, штат Вайоминг. Бог исправил отклонение Джека от правильного пути. Чарли пытался задержать его, направить по ложной стезе, но сейчас он, несомненно, на богоугодном пути. Тиллингфорд говорил верно: Провидение вело его именно к пророку Хорейсу Клэмпу.

Джек с любопытством всматривался в серые очертания маячившего вдалеке города. Над приземистыми, неказистыми строениями возвышался одинокий, колоссальных размеров, шпиль, ослепительно сверкавший в лучах утреннего солнца. Небоскреб?.. Монумент?

Ни то ни другое. Это храм Единоправедной Веры. С расстояния в несколько миль Джек обозревал усыпальницу Второго Бааба. Власть бахаизма, которую он ощущал до сих пор, не пойдет ни в какое сравнение с тем, что предстоит.

— Вставай! — толкнул он застонавшего Макфифа.

— Меня не трогай, — просипел Макфиф. — Иди один. Я останусь тут.

Он сунул руку под голову и закрыл глаза.

— Я подожду, — ответил Гамильтон.

Пока длилось ожидание, Джек обдумывал сложившуюся ситуацию. Вот сидит он сейчас посреди штата Вайоминг, холодным осенним утром, с тридцатью центами в кармане... Что ему толковал Тиллингфорд? Джека пробрала нервная дрожь. Может, все-таки попробовать?

— Господи!.. — начал он, становясь в традиционную позу: коленами к земле, ладони вместе, глаза набожно обращены к небу. — Вознагради смиренного раба Твоего согласно обычной тарифной сетке, по классу А-4 для специалистов-электронщиков.

Тиллингфорд упоминал о четырехстах долларах...

Какое-то время ничего не происходило.

Холодный ветер по-прежнему шелестел в сухом бурьяне да перекачивал пустые консервные банки по красной глинистой равнине. Но потом воздух дрогнул.

— Накрой голову! — завопил Гамильтон в сторону Макфифа.

На землю обрушился ливень из серебристых монет. Глухо звякая, монеты низринулись ослепляющим потоком. Когда поток иссяк, Гамильтон в восторге начал сбор невероятного урожая. Каково же было разочарование: до четырехсот долларов явно не хватало. Вопросающий получил только на ближайшие карманные расходы.

Вероятно, большего он не заслуживал.

Джек наскреб сорок долларов и семьдесят пять центов. Ну, и на том спасибо! По крайней мере, с голоду он не умрет. А вот когда деньги кончатся... Тогда посмотрим!

— Не забудь, — хриплым голосом заметил, приподнимаясь, Макфиф. — Ты мне должен десять долларов!

Он был явно нездоров. Лицо пошло пятнами, тучное тело того и гляди, как тесто, выползет из одежд. Щека дергается от тика. Происшедшая перемена воочию свидетельствовала о том, насколько потрясен Макфиф зрелищем Бога. Точно деморализованный солдат из разбитой армии.

— Ты что, не таким ожидал его увидеть? — спросил Джек, когда они уже брели по направлению к шоссе.

Проворчав что-то нечленораздельное, Макфиф сплюнул. Слюна была красной от набившейся в рот глиняной пыли. Сунув руки глубоко в карманы, Чарли потопал дальше, тупо глядя вперед и еле передвигая ноги.

— Ладно, — снизошел Гамильтон. — Это не мое дело.

— Я бы не прочь глотнуть чего покрепче, — выдавил наконец Макфиф.

Они взобрались на обочину шоссе. Макфиф принялся изучать содержимое своего бумажника.

— Увидимся в Белмонте. Верни десятку. Она мне пригодится при покупке авиабилета.

Джек с неохотой отсчитал десять долларов, Макфиф принял мелочь без возражений.

Они добрались уже до окраины Шайена, когда Гамильтон заметил нечто отвратительное на шее у Макфифа: гроздь ужасных, красных, набухших болячек. И эта гадость разрасталась прямо на глазах...

— Вот это фрукты поспели!.. — удивленно присвистнул Джек. Макфиф с немим страданием во взоре глянул на него. Немного погодя он показал на свою левую щеку.

— И абсцесс под зубом мудрости... — сообщил он убитым голосом. — Фурункулы... Абсцесс... Моя кара.

— За что?

Ответа не последовало. Макфиф погрузился в безмолвную борьбу с угрызениями совести.

Гамильтон вдруг подумал, что может считать себя счастливым, если так легко отделался после встречи с Богом. Конечно, существует какой-то механизм отпущения грехов. Макфиф, если поведет жизнь праведную, сумеет избавиться от болячек. Проходимец от рождения, он

наверняка найдет верный способ.

У первой же остановки автобуса они тяжело опустились на холодную сырую скамью. Прохожие, спешившие в город за субботними покупками, с любопытством оглядывались.

— Мы — паломники, — ледяным тоном сообщил Джек в ответ на один слишком уж бесцеремонный взгляд. — Да-да, на коленях приползли из Бэтл-Крик, штат Мичиган.

Как ни странно, на сей раз никакого наказания свыше не последовало. Тяжело вздохнув, Гамильтон почти пожалел об этом. Капризная стихия личности Вседержителя вызывала все большее недоумение. Слишком плохо соотносились между собой злополучные «преступление и наказание». Может, молния праведного гнева поразила сейчас какого-нибудь невинного шайенца на другом конце города.

— Ну, вот и автобус!.. — с благодарной дрожью в голосе проговорил Макфиф, тяжело подымаясь на ноги. — Доставай свои пятицентовики.

Когда автобус сделал остановку возле аэропорта, Макфиф выбрался наружу и заковылял к административному зданию. Джек остался сидеть: его путь лежал к сияющему шпилю, обелиску или башне, а точнее — к Единоправедной Усыпальнице.

Пророк Хорейс Клэмп встретил Джека в огромном, давящем своей величием вестибюле. Внушительных размеров мраморные колонны обступали со всех сторон. Усыпальница являла собой откровенное подражание традиционным мавзолеям античности. Несмотря на всю импозантность сооружения, здесь так и витал изрядный налет дешевой пошлости. Громадная, грозная мечеть шокировала уродством. Подобные архитектурные монстры обычно создаются людьми, начисто лишенными художественного вкуса. К примеру, коммунистами в Советском Союзе. Но, в отличие от советских учрежденческих «шедевров», это блюдо было приправлено еще и всевозможными наличниками, панелями и шпалерами, бронзовыми завитушками и шарами. Монументальные барельефы изображали пасторальные сценки из жизни Ближнего Востока: фигуры, все до единой, — с благообразными постными физиями, тщательно одеты или задрапированы.

— Приветствую! — возгласил пророк, в благословляющем жесте поднимая пухлую ручку.

Хорейс Клэмп будто сошел с плаката воскресной школы: кругленький, семенящий вперевалку, в мантии с капюшоном, с благодушно-идиотским выражением лица. Мягким жестом он пригласил Джека подняться на верхнюю ступеньку и легонько подтолкнул его вперед. Внешне Клэмп был вылитый вождь-исламист. Когда они вошли в богато обставленный кабинет вождя, Гамильтон в ужасе и отчаянии спросил себя, зачем он здесь. Действительно ли все это имеет хоть долю смысла?

— Я ждал вас, — деловито сообщил Клэмп. — Меня известили о вашем прибытии.

— Известили? — спросил озадаченный Гамильтон. — Кто?

— Как это кто? Конечно же сам Тетраграмматон.

— Вы хотите сказать, — Джек обескуражено моргнул, — что являетесь пророком бога по имени...

— Никто не может называть его по имени, — с лукавым проворством перебил Клэмп. — Имя его слишком священо. Он предпочитает, чтобы о нем упоминали, пользуясь термином Тетраграмматон[*Тетраграмматон (греч.) — букв.: «слово из четырех букв». Употреблялось для обозначения имени «Яхве» (в древнееврейской транскрипции JHVH)]. Я даже удивлен, что вы этого не знаете. Это общеизвестно!

— Видимо, я кое в чем еще профан, — признался Гамильтон.

— Как я понимаю, недавно вы удостоились видения?

— Если вы спрашиваете, видел ли я — мой ответ утвердительный.

Джек поймал себя на мысли, что, едва успев познакомиться с пророком, он уже испытывает чувство некоторой брезгливости, если не отвращения.

— Как Он там?

— По-моему, в добром здравии. — Гамильтон не сдержался и добавил: — Если учесть Его возраст.

Клэмп сосредоточенно прохаживался по кабинету, сверкая абсолютно лысым, как бильярдный шар, черепом. По идее пророк должен олицетворять духовную мудрость, излучать достоинство иерарха, но выглядел он на самом деле форменной карикатурой. Конечно, все стереотипные представления о священнике высокого ранга налицо... Для того чтобы быть убедительным, он слишком величав.

Как чье-то уродливое представление о том, каким должен быть духовный глава Единоправедной Веры.

— Отче, — без обиняков начал Гамильтон, — думается, мне лучше сразу все выложить... В этом мире я нахожусь около двух суток, никак не больше. И, откровенно говоря, полностью сбит с толку. Это абсолютно безумный мир для меня. Луна величиной с горошину — это абсурд. Геоцентризм — когда Солнце вращается вокруг Земли! — явный примитив. И архаичная, чуждая Западу идея Бога: капризный старец, осыпающий человечество то монетами, то змеями, то болячками...

Клэмп колюче взглянул на Гамильтона:

— Но, простите, таков порядок вещей! Все это — Его творение!..

— Это творение — может быть. Но не то, которому принадлежу я. Мир, откуда я...

— Вероятно, — перебил Клэмп, — вам бы следовало рассказать, откуда вы. С таким поворотом дел Тетраграмматон меня не ознакомил. Он просто известил, что сюда держит путь заблудшая душа.

Без особого энтузиазма Джек кратко изложил свои приключения.

— Ох! — только и смог вначале выдать Клэмп. Пророк со скептически-огорченным видом заходил по кабинету взад-вперед. — Нет! Я никак не возьму в толк!.. Хотя случиться подобное могло, вероятно, могло... Вы, стоя здесь, передо мной, заявляете, будто вплоть до прошлого четверга существовали в мире, не осененном Его присутствием?

— Я этого не утверждал. Будучи из мира, который не был осенен столь грубым и напыщенным Его присутствием. В моем мире, в моей жизни ничего похожего на племенные культы не было, как не было ни молний, ни грома. И тем не менее Он в моем мире вполне присутствовал. Я всегда исходил из того, что Он существует. Но Его присутствие было возвышенно и ненавязчиво. Если так можно выразиться, Он вечно за кулисами и не меняет декораций всякий раз, стоит лишь кому-то выйти из роли.

Пророк ошеломленно внимал откровениям Гамильтона.

— Это неслыханно... Я не мог даже мысли допустить, что где-то существуют целые миры неверных.

Джек почувствовал, что терпение его с каждой секундой испаряется.

— Неужто до вас не доходит, о чем я?.. Ваша убогая Вселенная, этот Бааб, или как там его...

— Второй Бааб! — перебил его Клэмп.

— Что такое — «Бааб»? И где тогда Первый? Откуда вся эта ерунда?

Наступила пауза презрительного (со стороны пророка) молчания. Наконец Хорейс Клэмп умирил свой праведный гнев и заговорил:

— Девятого июля 1850 года Первый Бааб был казнен в Табизе. Двадцать тысяч его последователей, бахаитов, были зверски умерщвлены. Первый Бааб — истинный пророк Господа. Он умер, явив людям множество чудес. Его тюремщики рыдали, словно дети, когда он умирал.

В 1909 году его останки были перенесены на гору Кармель.

Клэмп умолк. На минуту повисла драматическая тишина, а взгляд Клэмпа наполнился огнем истовой веры.

— В 1915 году, через шестьдесят пять лет после своей кончины, Бааб вновь появился на Земле. В Чикаго, в восемь часов утра четвертого августа, свидетелями этого стали посетители одного ресторана. И это несмотря на тот неоспоримый факт, что его физические останки на горе Кармель неприкосновенны до сих пор.

— Понимаю, — кивнул Джек.

В священном порыве подняв обе руки, Клэмп продолжал:

— Какие еще нужны доказательства? Видел ли мир когда-либо большее чудо? Первый Бааб был только пророком Единосущного Бога...

Дрожащим от волнения голосом Клэмп закончил:

— ...тогда как Бааб Второй — это... Он!

— А почему именно Шайен?

— Бааб Второй окончил свои дни на Земле именно в этом месте. 21 мая 1939 года Он вознесся в Рай, уносимый пятью ангелами, на глазах у верующих в Него. Это был момент божественного потрясения. Я лично... — Тут в горле у пророка что-то булькнуло, наверное, пузырь благоговейного экстаза. — Я сам получил от Второго Бааба, в Его последний час на Земле, Его личные... Патетическим жестом он указал на нишу в стене кабинета. — Вот в этом михрабе хранятся часы Второго Бааба, его авторучка, бумажник и один зубной протез. Остальные зубы, будучи природными, вместе с ним вознеслись в Рай! Сам я, в период земного бытия Второго Бааба, был его хронистом. Я и записал большую часть текстов «Байяна» вот на этой пишущей машинке...

Он прикоснулся к стеклянному колпаку, под которым стоял старый разбитый «ундервуд», пятая модель в фирменном исполнении.

— А теперь, — заявил Клэмп, — давайте-ка поразмыслим над той картиной, которую вы только что описали. Подумать только, чтобы целый мир, миллиарды людей проживали свои жизни напрасно — в отлучении от светлого лика Единосущного Бога!

Рвение проповедника полыхнуло огнем в его глазах, и жуткое слово сорвалось с его уст:

— Джихад!

— Подождите!.. — вздрогнул Гамильтон. Но Клэмп решительно оборвал его.

— Джихад! — возбужденно возопил он. — Мы возьмемся за полковника Эдвардса в «Калифорния мэйнтэнанс»... Немедленно перестроим производство на ракеты дальнего радиуса... Но прежде всего бомбардируем этот пораженный безверием район литературой священного содержания. Затем, когда во тьме забрезжат огоньки духовности, мы пошлем бригады инструкторов... Затем — концентрация специальных сил странствующих дервишей, пропагандирующих истинную веру через средства массовой информации. Телевидение, кино, книги, аудиокассеты... Я склонен думать, что Тетраграмматона можно будет уговорить на пятнадцатиминутный рекламный ролик. Или даже записать полновесное послание во спасение неверующих.

«Боже, — подумал Гамильтон, — неужели для этого я сброшен в Шайен?..» Слушая истеричные завывания пророка Клэмпа, Джек чувствовал, как его вновь покидают сила воли и уверенность в себе. Может, он всего лишь слепой исполнитель чужих замыслов? Может быть, мир, прильнувший к груди Тетраграмматона, и есть единственно реальный мир?

— Могу ли я побродить вокруг усыпальницы? — слабым голосом попросил Джек пророка. — Хочется посмотреть, что представляет собой святыня бахаизма.

Клэмп, погруженный в свои мысли, поднял на него невидящий взор:

— Что?.. Да-да, разумеется.

Он нажал на кнопку селектора:

— Немедленно выхожу на связь с Тетраграмматомом...

Здесь он осекся, наклонился к Гамильтону и, подняв вопросительно вверх руку, проговорил:

— Как вы думаете, почему Он не сообщал нам о странном мире тьмы и безверия?

Гладкое и сытое лицо пророка Второго Бааба омрачилось сомнением.

— Я чуть было не решил... — Он покачал головой. — Действительно, пути Господни неисповедимы.

— Весьма даже! — поддакнул Джек и, выскочив из кабинета, зашагал по гулкому мраморному коридору.

Даже в столь ранний час тут и там бродили набожные посетители, прикасаясь к святыням и разглядывая все вокруг. В одном из притворов группа хорошо одетых мужчин и женщин распевала гимны. Джек собирался проشمыгнуть мимо, но передумал...

В воздухе над верующими парило слабо светившееся видение, божественный образ, показавшийся Гамильтону даже немного ревнивым, если не завистливым... И Джек решил, что присоединиться к этим людям — неплохая мысль.

Нерешительно приблизившись, он примкнул к поющим и стал, не без насилия над собой, неуверенно подпевать. Гимны были ему неизвестны, но он быстро усвоил их стиль и ритм. Предельно простые фразы повторялись опять и опять, с бесконечной монотонностью. Очевидно, Тетраграмматон был воистину ненасытен. По-детски эгоистическая личность, постоянно требовавшая хвалы и славословий — самых примитивных и грубых. Скорый на расправу, Тетраграмматон, по-видимому, с такой же легкостью впадал в эйфорию, страстно желая лести и упиваясь ею.

Обеспечивать равновесие двух крайностей — дело весьма деликатное... И опасное. Легко возбудимое Божественное Присутствие было всегда рядом, ревниво подстерегая любой неверный шаг верующего.

Исполнив свой религиозный долг, Гамильтон мрачно отправился дальше. Здание и люди в равной мере были полны напряженным ощущением близости Тетраграмматона. Джек ощущал Его повсюду. Подобно густому смогу, исламский Бог проникал в каждую щелку и царил везде.

С тягостным удивлением Джек увидел громадную мемориальную доску, освещенную прожекторами. Он принялся изучать ее.

«ЕСТЬ ЛИ ТВОЕ ИМЯ В ЭТОМ ПЕРЕЧНЕ?» — гласила крупная надпись вверху.

Список был составлен в алфавитном порядке. Гамильтон не нашел себя в нем. Не было там и Макфифа. Бедняга Макфиф... Джек ядовито хмыкнул. Однако Чарли все равно выкрутится. Имени Марши он тоже не обнаружил. Весь перечень был на удивление кратким. Подумать только: неужели из всего человечества только эта жалкая горстка достойна пребывать в Раю?

Джек почувствовал, как в нем закипает волна мрачной ненависти. Он решил поискать на доске имена великих людей, хоть что-нибудь значивших для него: Эйнштейн, Альберт Швейцер, Ганди, Линкольн, Джон Донн. Никого! Гнев только возрос. Что происходит, в конце концов? Эти души брошены в Геенну потому, что не принадлежали вере Второго Бааба из штата Вайоминг?

Конечно!.. Иначе быть не могло. Спасутся только верующие в Него. Всем остальным — бесчисленным миллиардам — уготованы адские печи. Самодовольные колонки имен представляли цвет фанатизма и тупости — основы основ Единоправедной Веры. Тривиальные личности, банальные посредственности из потока истории...

Одно имя тем не менее оказалось знакомым. Джек долго вглядывался, недоумевая, как оно могло оказаться тут. Почему из всех, кого он знал в жизни, лишь этот деятель очутился в списке

праведников:

АРТУР СИЛЬВЕСТР.

Старый вояка! Тот самый суровый воин, который сейчас находится в госпитале в Белмонте. Он, оказывается, один из главных подвижников Единоправедной Веры.

Что ж, в этом был определенный смысл. Смысл настолько глубокий, что Гамильтон несколько минут мог только беззвучно разевать рот, как рыба на песке.

Он смутно, еще не приходя к вразумительным выводам, начал угадывать, как в этой шараде свести концы с концами. Наконец-то оказалось возможным нащупать основание всей этой пирамиды.

Предстояло возвращение в Белмонт. И первым делом надо было повидать Артура Сильвестра.

В шайенском аэропорту Джек выложил перед кассиром всю свою наличность и сказал:

— Один билет до Сан-Франциско. В крайнем случае согласен и на багажный отсек.

Все равно на билет не хватало. Срочная телеграмма Марше принесла недостающие доллары... и закрыла его банковский счет. С денежным переводом от Марши пришло непонятное послание:

"МОЖЕТ НЕ СТОИТ ТЕБЕ ВОЗВРАЩАТЬСЯ.

СО МНОЙ ПРОИСХОДИТ ЧТО-ТО СТРАННОЕ".

Это удивило, но не сильно. По правде говоря, Джек уже неплохо представлял себе, что могло произойти.

Самолет прибыл в Сан-Франциско незадолго до полудня. Дальше Гамильтон ехал автобусом компании «Грейхаунд». Парадная дверь его дома в Белмонте оказалась запертой, а в широком окне гостиной желтым неподвижным пятном маячила печальная физиономия Прыг-Балды. Марши не было видно. Но Джек почему-то сразу понял, что она дома.

Отперев дверь, Джек с порога крикнул:

— Я приехал!

Из глубины темной спальни донеслось сдавленное рыдание. — Дорогой, я умираю?.. — Марша беспомощно копошилась в затемненной комнате. — Я не могу к тебе выйти. И не смотри на меня. Пожалуйста, не смотри!

Гамильтон снял трубку телефона и набрал номер. — Приезжай ко мне домой, — приказал он Биллу Лоузу. — И всех из нашей группы обзвони, кого сможешь. Джоан Рейсс, женщину с сыном, Макфифа — если он отыщется...

— Эдит Притчет с сыном еще в больнице, — отвечивал Лоуз. — Только Богу известно, где могут быть остальные. А почему так срочно?..

Извиняющимся тоном он добавил:

— Я, видишь ли, с похмелья.

— Тогда сегодня вечером!..

— Давай завтра, а? В воскресенье тоже будет неплохо. А что случилось-то?

— Мне кажется, я разгадал причину наших злоключений, — сообщил Гамильтон.

— Как раз когда мне начинает это нравиться!..

Дальше Лоуз заговорил, подражая сленгу негров из гетто: — А завтра здесь большой день. В Божье воскресенье нам хочется много плясать.

— Что с тобой?

— Ничаво, сэр. — Лоуз хмыкнул в трубку. — Ваще ничаво.

— Значит, увидимся в воскресенье! — Гамильтон повесил трубку и повернулся к спальне. — Выходи! — резко бросил он жене.

— Не выйду! — упрямо ответила Марша. — Ты не должен смотреть на меня. Я уже так решила.

Став на пороге спальни, Джек похлопал себя по карманам, ища сигареты. Напрасно: он оставил их у Силки. Не сидит ли девица по-прежнему в его «форде», через дорогу от церкви отца О'Фаррела? Вероятно, она видела их с Чарли вознесение. Но девица она ушлая, вряд ли ее это удивило. Так что страшного ничего не произошло. Разве что он потратит немало времени, прежде чем найдет свою машину.

— Ну, малышка, иди же! — позвал он жену. — Я хочу завтракать. А если тебя пугает то, что я предполагаю...

— Это ужас какой-то! — В голосе Марши звучали отчаяние и отвращение. — Я хотела покончить с собой. Ну почему это случилось? Что я такого сделала? За что мне такое наказание?!

— Это не наказание, — заметил Джек как можно мягче. — И скоро пройдет.

— Правда? Ты уверен?

— Если только мы будем правильно действовать. Я иду с Балдой в гостиную. Мы ждем тебя.

— Он все уже видел. — Голос Марши опять задрожал. — Я ему отвратительна!..

— Коты всегда торопятся с выводами, ты знаешь...

В гостиной Джек плюхнулся на диван и принялся терпеливо ждать. Наконец из темной спальни донеслись звуки осторожных шагов. К выходу приближался неуклюжий силуэт.

Острая жалость пронзила Джека. Бедняжка!.. Ей ведь непонятна причина случившегося!

Толстая, приземистая фигура смотрела на него с порога. Несмотря на предупреждение, Джека потрясло увиденное. Сходства с Маршей у фигуры не было почти никакого. Неужели это раздувшееся чудовище — его жена?!

Слезы текли по ее шершавым щекам.

— Что... что мне делать? — прошептала она.

Вскочив с дивана, Джек подбежал к жене.

— Это долго не продлится, уверяю тебя! Подобное произошло не только с тобой. Лоуз еле волочит ноги... И говорит с негритянским акцентом.

— Какое мне дело до Лоуза! Ты лучше на меня посмотри!

Происшедшие перемены могли изумить кого угодно. Прежде шелковистые каштановые волосы теперь висели тусклой паклей; кожа стала серой и угреватой. Тело невероятно расплылось вширь. Огрубели и распухли руки; ногти расслоились и почернели. А ноги превратились в две белые колонны, пораженные плоскостопием и обросшие мерзкими волосами. Одетая Марша была тоже весьма странно: свитер грубой вязки, заляпанная юбка из твида, теннисные туфли... с торчащими наружу грязными носками.

Гамильтон оглядел жену со всех сторон.

— Что ж, выходит, я абсолютно прав.

— Это Бог, наверно...

— К Богу это не имеет никакого отношения. Скорее — наоборот. Имеется тут некий ветеран войн по имени Артур Сильвестр. Спятивший солдафон, фанатично уверовавший в свои шизоидные религиозные фантазии. А люди вроде тебя для него опасные радикалы. У старика весьма конкретное представление насчет того, как должен выглядеть радикал. Особенно молодая, радикально мыслящая дама вроде тебя.

Грубое лицо Марши исказилось болью.

— Я выгляжу как... как отрицательный герой мультфильма.

— Ты выглядишь так, как воображает тебя Сильвестр. Он также думает, что негры непрерывно шаркают подошвами. Так что нам, я думаю, несладко придется... Если мы не выберемся из мира идиотских фантазий Артура Сильвестра как можно скорее, то нам конец.

Глава 8

Воскресным утром Джека разбудил шум и грохот, царившие в доме. Сразу припомнилось загадочное предсказание Лоуза о каком-то недобром событии, ожидавшем их в начале Божьего дня. Из гостиной неслись рев и скрежет. Гамильтон очертя голову бросился туда и обнаружил, что телевизор непонятно как включился и экран не только ожил, а, похоже, взбесился. Картина представляла собой сумбурную круговерть красных, синих и пурпурных пятен. Из динамиков неся девятый вал убийственного рева — наверное, такие звуки должны были нестись прямо из кругов ада.

Постепенно до Джека дошло, что это скорее всего воскресная проповедь самого Тетраграмматона.

Выключив телевизор, он прошлепал обратно в спальню. Несчастливая Марша свернулась в кровати бесформенной грудой, уклоняясь от солнечного света, бившего в окно.

— Пора вставать, — сказал ей Джек. — Разве ты не слышишь, как Всевышний вопит в гостиной?

— О чем? — недовольно пробормотала Марша.

— Да ничего особенного. Покайтесь — или будете вечно прокляты. Красноречие для улицы.

— Не смотри на меня! — взмолилась Марша. — Отвернись, пока я одеваюсь. Господи, какая я теперь уродина!

В гостиной снова на полную мощность включился телевизор. Никто не пытался больше прерывать эту вселенскую ругань. Стараясь не слушать и не слышать, Джек ушел в ванную и занялся бесконечным умыванием и бритьем.

Когда он вернулся в спальню и стал одеваться, у входа раздался звонок.

— Они уже здесь, — напомнил Джек Марше.

Жена, отчаянно пытаясь привести в порядок волосы, простонала:

— Не могу их видеть. Пусть они уйдут.

— Милая, — решительно сказал Джек, шнуруя ботинки, если ты хочешь вернуть свой настоящий облик...

— Вы дома аль нет? — раздался голос Билла Лоуза. — А, понял, щас дверь толкну...

Гамильтон поспешил в гостиную. Там уже топтался Лоуз. Руки его болтались как плети, глазные яблоки почти вылезли из орбит, колени полусогнуты. Он комично дернулся навстречу Гамильтону.

— Видок у тя в порядке, — заметил он Джеку. — Глянь-ка, миня доконало... Этот ваш долбаный мир миня в хлам привратил.

— Ты специально так болтаешь? — строго спросил его Джек, не зная, забавляться или злиться.

— Спе... сьяльно?.. — Негр остолбенело уставился на Джека. — Чаво изволите, масса Гамильтон?

— Либо ты полностью в руках у Сильвестра, либо ты самый большой циник, какого я знаю.

Глаза Лоуза неожиданно сверкнули.

— В руках у Сильвестра? Что ты имеешь в виду? — Акцент его исчез. — А я-то думал, что это само Его Непреходящее Величество.

— Значит, акцент — только игра?

У Лоуза в глазах блеснула усмешка.

— Я сильнее, чем он, Гамильтон... Он здорово давит, чистое наваждение, но в счете веду я.

Он заметил Маршу:

— Кто это?

Джек смутился:

— Моя жена. Напасть ее просто одолела.

— Господи Иисусе, — прошептал Лоуз. — Что будем делать?

Звонок в двери вновь вывел резкую трель. Марша с громким рыданием бросилась в спальню. Теперь появилась мисс Рейсс. Строгая, уверенная, она прошагала в гостиную; на ней был серый деловой костюм, туфли на низком каблуке и очки в роговой оправе.

— Доброе утро! — возгласила она быстрым стаккато. — Мистер Лоуз мне сообщил...

Вдруг она удивленно оглянулась на телевизор:

— У вас тоже?

— Конечно. Он всем жару задает.

Мисс Рейсс явно испытала облегчение.

— А я подумала, что он меня одну избрал.

В приоткрытую дверь неожиданно вполз, скрючившись от боли, Макфиф.

— Всем привет, — пробормотал он. Еще более вздувшаяся его щека была забинтована. Шея обернута белой повязкой, концы которой засунуты под ворот рубашки. Осторожно ступая через гостиную, Чарли подошел к Гамильтону.

— По-прежнему плохо?... — сочувственно спросил его Джек.

— По-прежнему, — печально опустил голову Макфиф.

— Итак, в чем дело? — повысила голос мисс Рейсс. — Мистер Лоуз сказал, что вы собираетесь нам нечто сообщить. Что-то об этом странном, все еще продолжающемся заговоре...

— Заговоре? — переспросил с беспокойством Джек. — Вряд ли подобное слово здесь уместно.

— Согласна! — с жаром поддержала его мисс Рейсс. — Обстоятельства далеко превосходят рамки обычного заговора.

Гамильтон не стал спорить. Подойдя к спальне, где заперлась Марша, он нетерпеливо постучал:

— Выходи, дорогая. Пора ехать в госпиталь.

После томительной паузы Марша появилась в дверях. Она надела просторную пелерину и джинсы, а волосы, в попытке хоть как-то прикрыть их безобразие, собрала в узел под красной косынкой. Косметикой она пренебрегла — в теперешнем положении это было бы глупо.

— Я готова, — грустно сказала она.

Гамильтон припарковал «плимут» Макфифа на госпитальной автостоянке. Когда все вышли и направились к подъезду, Билл Лоуз спросил:

— Значит, ключ ко всему — вояка Артур Сильвестр?

— Артур Сильвестр — сам мир вокруг нас, — ответил Джек. — А ключ ко всему — сон, который видели ты и Марша. И много еще другого. Вот ты, например, волочишь ноги. А бедную Маршу изувечили самым мерзким образом. Кроме того, идиотский кодекс бахаитов. Нелепая модель Вселенной... У меня такое ощущение, будто я изучил Артура Сильвестра как внешне, так и изнутри. В основном — изнутри.

— Ты уверен?

— Все мы угодили под жуткий луч в «Мегатроне». В течение этого времени работало только одно сознание, одна система логических связей для всех. Это — внутренний мир Сильвестра, ни на секунду не терявшего память.

— Тогда, — сделал вывод рассудительный Лоуз, — мы на самом деле находимся не здесь...

— Да, физически мы по-прежнему валяемся в развороченном «Мегатроне». Но в плане ментальном — мы здесь. Избыточная энергия луча превратила бесплотную начинку черепа Сильвестра в некое подобие Вселенной. Мы теперь полностью подвластны логике безумца, измыслившего еще в тридцатых годах в Чикаго нелепый религиозный культ. Мы пойманы в его

бредовой реальности, мы все — лишь смутные тени его невежественного и фанатичного сознания. Мы — в голове у этого человека.

Гамильтон жестом показал вокруг:

— Этот пейзаж... рельеф... это его мозговые извилины, так сказать. Холмы и долины рассудка Артура Сильвестра.

— О Господи!.. — прошептала мисс Рейсс. — Мы в его власти! Он хочет уничтожить нас...

— Сомневаюсь, понимает ли он сам, что произошло. Горькая ирония происходящего. Сильвестр, вероятно, чувствует себя вполне нормально в свихнутом мире, не находя ничего странного и необычного. Да и может ли быть иначе? В болоте таких фантазий он прожил всю жизнь.

Они переступили порог госпиталя. Вокруг — ни души. Лишь был слышен несущийся из динамиков надсадный рев Тетраграмматона.

— Я чуть не забыл об этом, — признался Гамильтон. — Будем осторожны!

В справочном столе персонал тоже отсутствовал. Очевидно, все собрались на проповедь. Обратившись к справочному автомату, Джек вызвал на табло номер палаты Артура Сильвестра. Через минуту они поднимались в лифте.

Дверь в палату Сильвестра была нараспашку. В кресле сидел тощий, похожий на жердь старик. Он не отрывал взгляд от телеэкрана. Рядом расположились миссис Эдит Притчет и ее сын Дэвид. Миссис Притчет беспокойно ерзала. При виде посетителей она издала вздох облегчения. Сам Сильвестр не шелохнулся. С непреклонностью фанатика он слушал и лицезрел своего бога, целиком погружившись в воинственные завывания гремящей проповеди.

Сильвестра явно не смущало прямое обращение к нему Создателя. Так, обычная воскресная процедура. Старый вояка сейчас потреблял еженедельную порцию духовной пищи.

Раздраженный Дэвид подошел к Гамильтону.

— Что это за чертовщина? — сердито спросил он, показывая на экран. — Этого нельзя вынести!

Его мать сидела, деликатно надкусывая очищенное яблоко. На лице дамы отражалась разве что досада на слишком громкий звук.

— Трудно прямо вот так с ходу объяснить, — заметил парнишке Джек. — Вы, вероятно, раньше не встречались со Вседержителем.

Обтянутый бесцветной кожей череп Сильвестра повернулся в сторону вошедших. Колючие серые глазки остановились на Гамильтоне:

— Прекратить разговоры!

От интонации этого голоса Джека пробрал озноб. Старик, не говоря больше ни слова, отвернулся к телевизору.

Они крепко увязли в мире старого маразматика. Впервые с момента аварии Джек ощутил неподдельный страх.

— Я думаю... — уголком рта пробормотал Лоуз, — эту речь нам всем придется послушать.

Похоже, Лоуз прав. Интересно, сколько положено длиться проповеди, каков на этот счет Его обычай?

Минут через десять иссякло терпение миссис Притчет. Со вздохом отчаяния она поднялась и прошла к дальней стене комнаты, где сгрудились все, кроме старика.

— Боже милостивый! — пожаловалась она. — Я всегда терпеть не могла крикливых евангелистов. Но такого за всю жизнь не слыхала.

— Скоро он скиснет, — посмеиваясь, обещал Джек. — Он тоже ведь не железный.

— В госпитале все вечно сидят у телевизоров, — надула губы миссис Притчет. — Это вредно отразится на мальчике. Я всегда старалась воспитывать в нем рациональное отношение к миру. И

это место явно ему не подходит.

— Разумеется, все это не для него, — согласился Джек.

— Мой сын должен получить хорошее образование, — доверительно и в то же время чопорно поведала миссис Притчет. При этом поля ее широченной шляпы колыхались, как крылья у курицы-наседки, заметившей коршуна. — Я хочу, чтоб он узнал величайших классиков, испытал все красоты жизни. Отца его звали Элфрид Притчет. Это он осуществил замечательный рифмованный перевод «Илиады». Я считаю, что и в жизни обычного человека искусство должно занимать не последнее место. Вы согласны?.. Жизнь юноши от этого станет богаче и содержательней.

Миссис Притчет казалась почти столь же несносной, как и Тетраграмматон.

Мисс Рейсс простонала, повернувшись спиной к экрану:

— Я больше не могу!.. Этот скверный старикашка с его бредом...

Лицо ее нервно задергалось.

— Хочется схватить что потяжелее и запустить ему в голову!

— Мэм, — промямлил ей Лоуз. — Этот старый хрен вам устроит такую жисть, как вам и не снилось. Хоть вы што угодно делайте!..

Миссис Притчет жадно вслушивалась в акцент Лоуза.

— Региональные говоры так ласкают слух! — нежно проворковала она. — Откуда вы родом, мистер Лоуз?

— Из Клинтон, штат Огайо, — ответил безо всякого акцента Лоуз. Реакция миссис Притчет оказалась для него неожиданной. Он бросил в ее сторону яростный взгляд.

— Клинтон! Огайо! — не замечая красноречивых взоров, повторила в бессмысленном восторге миссис Притчет. — Я там была проездом! В Клинтоне очень милый оперный театр, не правда ли?

И она принялась перечислять свои любимые оперы..

— Вот это женщина! — обернулся Гамильтон к Марше. — Такая и глазом не моргнет, если даже весь мир провалится в тартарары.

Говорил Джек негромко. Но именно в этот момент закончилась громогласная проповедь: гнев и ярость отбушевали на экране и комната мгновенно погрузилась в тишину. Джек смутился. Ведь его последняя фраза отчетливо прозвучала в наступившей тишине.

Сильвестр медленно повернул свою голову на тонкой индюшачьей шее.

— Прошу прощения?.. — прошипел его ледяной голос. — Вы хотели что-то сказать?

— Совершенно верно. — Отступить Джеку было некуда. — Я хочу поговорить с вами, Сильвестр. Нас семеро, каждому хочется схватить одну кость... А вы держите ее у себя в зубах!

Телевизор в углу показывал стайку ангелов, распевающих популярные шлягеры. Лица у всех напоминали чистые листы писчей бумаги. Ангелы блаженно раскачивались в такт, придавая исполнению скорбных литаний несколько джазовый оттенок.

— У нас одна общая проблема, — глядя на старика, заявил Гамильтон.

Возможно, Сильвестр действительно обладал властью низвергнуть их в ад. В конце концов именно ему принадлежал этот мир, и если имелся хоть шанс повлиять на Тетраграмматона, то сделать это мог только Сильвестр.

— Что за проблема? — поморщился Сильвестр. — Почему вы не на молитве?

Игнорируя последний вопрос, Джек продолжил:

— Мы сделали одно открытие касательно случившейся с нами аварии. Кстати, как вы себя чувствуете?

На вялом старческом лице появилась самодовольная ухмылка.

— Я полностью поправился. И причина — не в убогой медицине, а в Божьей милости и в твердости веры. Вера и молитва проведут человека сквозь любые тернии.

Он добавил:

— То, что вы назвали аварией, ниспослано Провидением для испытания веры. Проверка Господом, из какого материала мы сделаны.

— О, я уверена, — вмешалась миссис Притчет с присущим ей апломбом, — что Провидение не стало бы так мучить людей!

Старик посмотрел на нее взглядом удава.

— Единосущный Бог, — категорически заявил он, — это суровый Бог. Он распределяет кару и милости по своему усмотрению. Наш удел — послушание. Человечество низвергнуто на Землю во исполнение воли Властелина Вселенной.

— Из нас восьмерых, — гнул свою линию Джек, — семеро потеряли сознание после катастрофы. Один же все время оставался в сознании — и это были вы.

Сильвестр кивнул с довольным видом:

— Падая, я молил Единосущного Бога о помощи и защите.

— Защите от чего? — вмешалась мисс Рейсс. — От того, что он сам на нас насрал?

Джек сделал предостерегающий знак, а затем продолжил:

— На «Мегатроне» в тот момент имелся излишек свободной энергии. При обычных обстоятельствах каждый человек имеет свою шкалу ценностей, свою точку отсчета, систему координат. Но поскольку мы все потеряли сознание, находясь в поле высоких энергий, а вы свое — не теряли...

Сильвестр не слушал. Он пристально смотрел куда-то мимо Гамильтона — в сторону Билла Лоуза. Праведный гнев чуть прибавил красок его впалым щекам.

— Кто это там? — визгливо спросил вояка. — Не цветной ли?

— Это наш гид, — спокойно пояснил Гамильтон.

— Прежде чем продолжать разговор, — сухим тоном заявил Сильвестр, — я попрошу цветного выйти. Здесь личные покои белого человека.

То, что в следующий миг произнес Джек, проклюнулось у него в голове неизвестно из каких глубин подсознания. Объяснить происшедшее было невозможно; слова родились естественно и произвольно...

— Пошел ты к дьяволу! — бросил Джек. И тут же чуть не задохнулся от нахлынувшего на него ужаса, увидев каменеющее лицо Сильвестра.

Ну что ж, чему быть — того не миновать! Пусть случится даже самое непоправимое.

— Белый человек?! Вот оно что! Если Второй Бааб, или как его там, Тетраграмматон, спокойно тебя сейчас слушает, отсиживая себе задницу, значит, он еще большая пародия на Бога, чем ты сам — пародия на человека!

Миссис Притчет судорожно глотнула... Дэвид хихикнул. Мисс Рейсс и Марша невольно попятнулись. Лоуз стоял неподвижно, точно статуя, лицо его хранило неостывший след полученного оскорбления. Только уголки рта скривились в сардонической усмешке. Макфиф молча баюкал в углу свою раздувшуюся щеку и, по-видимому, не реагировал на внешние раздражители.

Артур Сильвестр медленно поднялся во весь рост. Прямо-таки не человек, а карающая десница, занесенное орудие очищения от скверны. Он встал на защиту своего божества, своей страны, своей расы и личного достоинства — всего сразу. Какой-то миг он собирался с силами. Тощее тело сотрясала дрожь. И наконец из недр тщедушного организма вылезла тонкая, ядовитая струйка ненависти:

— Так ты — любитель негров!..

— Именно так! — подтвердил Джек. — А еще я атеист и красный вдобавок. Вы не знакомы, сэр, с моей женой? Русская шпионка. Вы знакомы с моим другом Лоузом? Имеет диплом по экспериментальной физике, достоин сидеть за банкетным столом с кем угодно из ныне здравствующих на Земле. Вполне достоин, чтобы...

Хор ангелов исчез с телеэкрана. Изображение задержалось, будто ручки настройки крутил паралитик. Поплыли темные круги, они угрожающе расширялись, наплывая волнами; из динамиков вместо умиротворяющей музыки исторгся визг и грохот заряженных яростью конденсаторов. Ушные перепонки готовы были вот-вот лопнуть.

Вырастая на глазах, от экрана отделились четыре фигуры. Это были ангелы. Крепкого сложения, с недобрый блеском глаз, каждый весом не меньше двухсот фунтов. Хлопая крыльями, четверка набросилась на Гамильтона. Сильвестр, с искаженным от злорадства лицом, отступил назад, наслаждаясь явлением кары небесной, поразившей богохульника.

Первого крылатого громилу Джек резким хуком послал в нокаут. У него за спиной Билл Лоуз схватил настольную лампу и двинул ею второго ангела по затылку. Тот завертелся волчком, безуспешно пытаясь схватить негра хотя бы за одежду.

— На помощь! — завизжала миссис Притчет. — Полиция!

Безнадежно. Макфиф очнулся в своем углу и сделал бесплодную попытку атаковать одного из заоблачных визитеров. Волна божественного гнева накрыла его с головой. Чарли отлетел к стене и тихо сполз на пол. Дэвид Притчет, неистово вопя, хватал колбы с микстурами и наудачу швырялся ими. Марша и мисс Рейсс сражались изо всех сил, вцепившись вдвоем в одного несколько флегматичного ангела, толкая его в разные стороны, пиная, царапая и выдирая из крыльев перья.

Но вот с телеэкрана вынырнуло подкрепление... Артур Сильвестр удовлетворенно наблюдал за тем, как Билл Лоуз исчез в вихре мстительно бьющих крыльев. Боеспособным оставался только Джек, да и то чисто номинально. Его уже изрядно отделали: расквасили нос, изодрали в клочья пальто. Однако Джек решил биться до последнего. Еще одного небожителя он выключил ударом в пах. Джек точно не знал, считаются ли ангелы мужчинами, но место для удара выбрал удачно. К сожалению, каждого выбывшего ангела заменяли все новые бойцы, вылетающие из глубин двадцатисемидюймового экрана.

Отступая, Гамильтон оказался рядом с Сильвестром.

— Была бы хоть какая-то справедливость в твоём гнусном мире!.. — задыхаясь, выдавил Джек.

Сразу два оперенных бойца ринулись на него. Ничего не видя от заливающего глаза пота, хватая ртом воздух, Джек почувствовал, как ноги его предательски заскользили. Отчаянно вскрикнула, пробиваясь к нему, Марша; по крайней мере, Джек мог еще слышать...

Орудую шляпной заколкой. Марша вонзила импровизированный штык какому-то ангелу в бок; крылатый бандит заревел и отпустил Гамильтона. Схватив со стола бутылку минеральной воды, Джек беспорядочно размахивал ею. Бутылка лопнула от удара о стену; во все стороны полетели пена и осколки стекла.

Отплевываясь, Артур Сильвестр попытался. Мисс Рейсс столкнулась с ним. С кошачьей ловкостью женщина развернулась, сильно толкнула вояку и ускользнула... Сильвестр, с неопишным изумлением на лице, споткнулся и упал. В подходящем месте оказался угол кровати, который и встретил его хрупкий старый череп... Оба «предмета» звучно вошли в соприкосновение. Не успев даже застонать, Артур Сильвестр провалился во тьму...

И тут же ангелы испарились.

Суматоха стихла. Телевизор умолк. Остались только восемь человеческих фигур, застывших в самых диких позах. Частично обожженный Макфиф. Неподвижный Артур Сильвестр — глаза

заволокло пеленой, язык вывалился наружу. Билл Лоуз делал тщетные попытки подняться. До смерти перепуганная миссис Притчет осторожно заглядывала в палату из коридора. Дэвид Притчет стоял, разинув рот, сжимая в руках апельсины и яблоки, которыми собирался бомбардировать противника.

Неожиданно мисс Рейсс разразилась истеричным хохотом:

— Мы одолели его! Мы победили! Победи-и-ли!

Джек пришел в себя, протер глаза и, отыскав взглядом жену, обнял ставшую прежней Маршу.

— Любимый! — прошептала она, вся в слезах. — Теперь все будет в порядке, правда? С этим покончено!

Нежные пряди ее каштановых волос упали Джеку на лицо. Губами он ощутил восхитительную кожу Марши. И тело — стройное, легкое и гибкое тело жены — вновь стало таким, каким Джек его всегда знал. Исчезли уродливые одежды. Опять на Марше изящные блузка и юбка. В порыве облегчения и благодарности она пылко обняла мужа.

Лоуз наконец поднялся на ноги и проговорил:

— Старый сукин сын теперь, конечно, сравнялся с нами!

Один глаз у Лоуза заплыл и не открывался; одежда висела клочьями.

— Славно вырубил старика ублюдка. Теперь, слава Богу, он точно без сознания.

— Мы победили! — радостно подвывала мисс Рейсс. — Мы вырвались из его заговора!

Со всех концов госпиталя к ним спешили врачи. И в основном чтоб заняться Артуром Сильвестром. Старик, с жалкой гримасой на лице, сумел снова водвориться в свое кресло перед телевизором.

— Благодарю, благодарю... — бормотал он. — Со мной все в порядке... Наверно, головокружение...

Начал потихоньку оживать и Макфиф. Не веря своему счастью, он ощупывал шею и щеки — болячки исчезли. С победным воплем Чарли сорвал бинты и повязки.

— Все прошло-о! — кричал он. — Слава Богу, все прошло!

— Рано еще Бога благодарить; — сухо напомнил ему Гамильтон. — Цыплят по осени считают!

— Что здесь произошло? — потребовал объяснений какой-то доктор.

— Потасовка случилась. — Лоуз иронически показал на рассыпавшуюся коробку шоколадных конфет. — Насчет того, кому достанется последняя конфета со сливочной начинкой.

. — Все в порядке, кроме одной вещи, — в глубокой задумчивости произнес Джек. — Вероятно, это чисто технический вопрос...

— Ты о чем? — спросила Марша, снова прижавшись к мужу.

— Ты помнишь свой сон? Разве мы не лежим по-прежнему в «Мегатроне»? Разве не существуем физически в определенной точке времени?

— Проклятье! — пробормотала Марша. — Верно!.. Но мы же вернулись, мы невредимы!

— По всей видимости, да... И это, в конце концов, важнее всего...

Джек ощутил тепло ее вздрагивающего тела. Вот уж что воистину является Божьим благословением — эта нежность, эта восхитительно-беззащитная хрупкость.

— Ведь теперь ты опять такая же, как прежде...

Джек осекся на полуслове. Да, он обнимал свою жену, хрупкую, милую Маршу... Пожалуй, слишком хрупкую.

— Марша, — стараясь не выдать своего волнения, проговорил Джек, — что-то не так!..

— Не так? — Марша напряглась. — Что ты имеешь в виду?

— Сними одежду! — Он нетерпеливо дернул за «молнию» у нее на юбке. — Ну, быстрее!..

Растерянная Марша отпрянула в сторону.

— Здесь?! Но, милый, здесь столько народу!..

— Давай, говорю тебе! — рявкнул Джек командным тоном.

Марша непослушными пальцами стала расстегивать блузку. Освободившись от нее, она швырнула ее на койку и нагнулась, чтобы снять юбку. В некоем подобии транс присутствующие наблюдали, как она переступила через упавшее на пол белье и встала, обнаженная, посреди комнаты.

Вот это да! У молодой женщины напрочь отсутствовали всякие половые признаки.

— Взгляни на себя! — сурово приказал Джек. — Ради Бога, взгляни! Неужто ты не чувствуешь?..

Изумленная Марша опустила голову. Ее прелестные груди прекратили свое существование. Тело стало, как у подростка, чуть угловатым, гладким, как с целомудренной картинки.

Худенькая, лишенная всякой растительности. Марша могла с тем же успехом сойти за мальчика. Только вот и мальчиком-то, строго говоря, она не являлась. Теперь Марша превратилась в «оно» — ни женщина, ни мальчик. Так, средний род.

— Не понимаю!.. — испуганно пролепетала Марша.

— Мы еще не вернулись, — хмуро сказал Гамильтон. — Это не наш мир.

— Но ведь ангелы... — подала голос мисс Рейсс. — Они пропали!

Потрогав щеку, Макфиф тоже пробасил:

— И мой зуб в порядке!

— Да, это уже не мир Сильвестра! — бросил ему Джек. — А чей-то другой. Какой-то третьей стороны. Боже мой! Что, если мы так и не найдем пути назад?!

С мучительной гримасой на лице он спросил обступивших его людей:

— Сколько осталось еще миров? Сколько еще раз нам надо это пережить?

Глава 9

Разбросанные во все стороны, будто щепки, среди искореженной арматуры и кусков расколотого бетона лежали восемь человеческих тел. Дымились останки той платформы, на которой недавно люди стояли.

Медленно и осторожно, подобно улиткам, спасатели спускались в «Мегатрон». Вскоре они доберутся до распростертых тел, магнит будет выключен, а жуткий луч протонов прекратит существование.

Ворочаясь в постели, Гамильтон так и сяк анализировал эту картину, дотошно обмусоливая каждый фрагмент. Когда Джек расставался со сновидением, картину закрывала дымка. Но стоило ему вновь погрузиться в беспокойный сон, как сцены оживали опять — отчетливые, ясные.

На соседней койке вздыхала и ворочалась жена. Восемь человек в городе Белмонте не находили покоя, то впадая в сон, то пробуждаясь, снова и снова наблюдая очертания «Мегатрона», а внизу, на треснувшем от удара полу, — распростертые, смятые фигуры.

Стремясь постигнуть смысл происшедшего, не упустить ни единой детали, Гамильтон скрупулезно, дюйм за дюймом, изучал эту сцену.

Прежде всего, конечно, — он сам, его собственное тело. Он приземлился последним. Удар был жестоким. Джек растянулся безжизненно, раскинув руки. Одна нога согнута под туловищем. Кроме слабого дыхания, больше никаких признаков жизни. Боже, если бы он мог отсюда, из другой реальности, как-то расшевелить самого себя, докричаться, вырвать из мрака беспомощности. Но это невозможно.

Выброшенным на берег кашалотом лежал неподалеку Макфиф. Одутловатое лицо хранило

выражение возмущенного удивления. Одна рука по-прежнему вытянута в попытке ухватиться за несуществующий поручень. Струйка крови стекала по щеке. Он ранен, в этом нет сомнения. Дыхание тяжелое и неровное.

За Макфифом лежала мисс Джоан Рейсс. Наполовину засыпанная бетонной крошкой, она задыхалась, руки и ноги ее конвульсивно дергались в попытках разгрести придавившую ее тяжесть. Очки у нее были разбиты, одежда порвана, над виском выросла уродливая шишка.

Марша тоже рядом. При виде ее безжизненного тела сердце Гамильтона сжимала жестокая боль. Подобно остальным, ее нельзя поднять. Она без сознания. Руки заломлены, колени подтянуты почти к подбородку, голова вывернута набок, обожженные волосы рассыпались в беспорядке по плечам. Губы едва шевелятся при вдохе и выдохе; больше не видно ни малейшего движения. Одежда ее тлела; медленно, неумолимо вдоль силуэта двигались мелкие вспышки. Облако едкого дыма висело над ней, мешая разглядеть ее ноги. Одна туфля сорвана полностью и валяется в яре от Марши.

Миссис Притчет напоминала просто холмик пульсирующей плоти, карикатурная в своем цветастом аляповатом платье, от которого теперь остались одни обгорелые лохмотья. Ее фантастическая шляпа измочалена. Кошелек раскрыт, а его содержимое рассыпано вокруг.

Под обломками находился Дэвид Притчет. Один раз мальчик застонал. В другой раз — пошевелился. Металлическая панель придавила ему грудь, не давая подняться. К нему сейчас продвигалась неспешная медицинская бригада. Что им мешало двигаться быстрее? Джеку хотелось орать, ругаться... почему они не торопятся? Четверо суток минуло!

Но, к сожалению, в том реальном мире прошло всего лишь несколько страшных секунд.

Среди обрывков экранирующей решетки лежал и негр — гид Билл Лоуз. Его долговязое тело вздрагивало; широко открытыми, подернутыми пеленой глазами он бессмысленно таранился на дымящуюся кучу органической материи. Эта куча являла собой тощий остов Артура Сильвестра. Старик потерял сознание — боль от сломанного позвоночника изгнала из вояки последние проблески сознания. Сильвестр оказался ранен серьезнее других.

Они все еще лежали там, все восемь. Покалеченные и обожженные. Страшная картина. Но Гамильтон, ворочаясь на комфортабельном ложе, отдал бы все на свете, чтоб оказаться там опять: вернуться в «Мегатрон» и расшевелить своего неодушевленного физического двойника. Тогда бы он вызволил истинного «Джека» из жуткого, бесконечного лабиринта, куда тот так нелепо угодил.

Во всех мыслимых мирах понедельник — всегда понедельник. В восемь тридцать утра Гамильтон сидел в пригородном поезде, развернув на коленях свежий номер «Сан-Франциско кроникл» и держа путь к Агентству по развитию электроники. Если, конечно, такая компания существовала. Пока утверждать что-то наверняка было невозможно.

Вокруг курили, читали комиксы и обсуждали спортивные новости добропорядочные граждане. Сгорбившись на сиденье, Гамильтон мрачно наблюдал за копошащейся массой. Неужели все эти люди не подозревали, что являются всего-навсего болезненной фантазией чьего-то изошренного сознания? По-видимому, нет. Они благополучно занимались привычными делами, не сознавая того, что любая грань их существования управляется чужой волей.

Нетрудно опознать обладателя этой воли. Вероятно, уже семеро из восьми участников группы пришли к одному и тому же выводу. Догадалась даже Марша. За завтраком жена взглянула на Джека торжественно и заявила:

— Миссис Притчет, вот кто! Я думала об этом всю ночь. И теперь абсолютно уверена!

— Почему абсолютно? — ехидно поинтересовался Джек.

— Потому что она единственный человек, кто может во все это верить! — Она провела

ладонью по своим плоским формам. — Ведь это та самая пуританская чушь, которую она способна навязывать всем и каждому.

Если у Джека и оставались еще какие-то сомнения, то они рассеялись на выезде из Белмонта при виде мимолетного зрелища в вагонном окне. У какого-то склада стояла телега, груженная ржавыми частями автомобильных кузовов. На лошади, запряженной в телегу, были одеты штаны.

— Сан-Франциско, Южный Сектор! — объявил кондуктор, появляясь в конце сбавляющего ход вагона. Сунув газету в карман, Гамильтон присоединился к выходящим. Через минуту он уже вышагивал к сверкающе-белым зданиям агентства. По крайней мере, хоть компания существовала... Это уже неплохо. Суеверно скрестив два пальца правой руки, Джек выпалил горячую молитву. Пусть его работа также окажется неотъемлемой частью этой действительности.

Доктор Гай Тиллингфорд встретил Джека в своем ближнем к выходу кабинете.

— Светлая ранняя пташка, — просиял он, протягивая руку. — В добрый час!

С чувством громадного облегчения Джек снял пальто. Агентство существовало. Тиллингфорд — даже в этом искаженном мире — опять принял Джека на работу. В конце концов, что-то ведь должно было уцелеть при переходе через катаклизм.

— Чертовски мило с вашей стороны предоставить мне свободный день, — оставаясь настороже, заметил Гамильтон, пока Тиллингфорд провожал его по коридору к лабораториям. — Весьма признателен.

— Ну, и каковы достижения? — спросил его Тиллингфорд.

А это уже острый момент! В мире Сильвестра Тиллингфорд отправил Джека к пророку Второго Бааба. Маловероятно, чтобы эта идея перекочевала сюда... точнее, об этом не могло быть и речи.

Надеясь потянуть время, Гамильтон сказал:

— Неплохо, с учетом обстоятельств. Конечно, немного не в моем стиле.

— Трудно было разыскать это место?

— Ничуть.

Гамильтон вспотел, лихорадочно размышляя, что он мог натворить в этом мире.

— Ну... — начал он. — С вашей стороны все чертовски мило. Первый день — и такой приятный подарок.

— Не стоит об этом. Скажи мне одну только вещь. — Тиллингфорд на мгновение задержался в дверях. — Кто победил?

— П-победил?

— Твой участник отхватил, конечно, приз? — Добродушно ослабившись, Тиллингфорд хлопнул Джека по спине. — Держу пари, что так и было. У тебя все на лице написано.

В коридоре появилась внушительная фигура директора по кадрам, с толстым портфелем под мышкой.

— Ну, как он проявил себя? — спросил кадровик, противно причмокивая губами. С видом посвященного в тайну, он тронул Джека за руку: — Может, что-нибудь нам покажете?.. Ленточку? Жетон?

— Не признается, — поведал ему Тиллингфорд. — Эрни, давайте сделаем сообщение в служебном бюллетене. По-моему, персонал заинтересуется...

— Вы совершенно правы, — согласился директор по кадрам. — Беру себе на заметку.

Гамильтона он спросил:

— Как, вы сказали, зовут вашего кота?

— Что?.. — пошатнулся Джек.

— В пятницу, помнится, вы как-то его назвали. Но, убей меня Бог, не вспомню. Важно не перевернуть имя в бюллетене.

В новой Вселенной Джек получил свободный от работы день, чтобы сводить Прыг-Балду для участия в конкурсном шоу.

Гамильтон не сдержался и издал беззвучный внутренний стон. Мир миссис Притчет, в некотором смысле, мог стать еще большим испытанием, чем маразм Артура Сильвестра.

Собрав все необходимые данные о конкурсе котов и кошек, директор по кадрам поспешил дать делу ход, оставив Джека лицом к лицу с новым начальством. Откладывать дальше выяснение кое-каких обстоятельств смысла не имело. Гамильтон решил закусить удила и ринуться напролом.

— Доктор, — проговорил он с мрачной решительностью, — я должен сделать признание. В пятницу я так был взволнован своей предстоящей работой у вас, что... — Он просительно улыбнулся. — Откровенно говоря, я ничего не помню из нашей беседы. Все осталось каким-то смутным пятном...

— Понимаю, мой мальчик, — с отеческой улыбкой отвечал Тиллингфорд. — Не беспокойся. Обсудим все по порядку. Я полагаю, что ты пришел к нам надолго.

— По правде говоря, — с открытым забралом пошел вперед Гамильтон, — я даже не помню, в чем состоит моя работа... Ну разве не смешно?

Вдвоем они вволю посмеялись над этим.

— Это весьма забавно, мой мальчик! — признал в конце концов Тиллингфорд, вытирая выступившие слезы. — А я-то думал, в мои годы меня уже нечем удивить.

— Может, вы... — Джек старался, чтоб его голос звучал непринужденно. — Может, введете в курс дела, пока есть время?

— Ну, что ж, — вздохнул Тиллингфорд. Его веселье уступило место серьезному, даже этакому торжественному выражению. В глазах появилась некая отрешенность человека, видящего дальше остальных. — Полагаю, никогда не вредно повторить основополагающие принципы. Напротив, крайне полезно. И я не устаю повторять: возвращайтесь время от времени к базовым постулатам! Чтобы тем самым избежать опасности сбиться с курса.

— Самоконтроль, — согласно кивнул Джек, моля Бога о том, чтоб этого нового Тиллингфорда не понесло в какие-нибудь мрачные дебри казуистики. Черт его знает, что там напридумывала Эдит Притчет о функциях гигантского электронного концерна.

— Наше агентство, — гудел Тиллингфорд, — как ты понимаешь, есть важный элемент национальной социоструктуры. Оно играет жизненно важную роль. И стоит на высоте своих задач!

— Безусловно! — откликнулся Гамильтон.

— То, что мы делаем здесь, — более чем работа. Больше, я бы сказал, чем просто промышленное предприятие. Агентство создавалось не ради выколачивания прибыли.

— Понимаю, — поддакнул Джек.

— Было бы недостойно бахвалиться такой мелочью, как финансовый успех. Конечно, он имеет место. Но это не самое главное. Наша задача — гигантская и благородная задача — превосходит всякие соображения выгоды и прибыли. Это особенно применительно к тебе, мой мальчик. Тобой, молодым, идеалистически настроенным человеком, движут те же самые устремления, которые в свое время побуждали и меня. Теперь я стар, свое уже сделал. В один прекрасный день я сложу с себя это бремя, передав его в более энергичные руки!

Положив руку Джеку на плечо, доктор гордо повел его в бескрайнее царство исследовательских лабораторий агентства.

— Наша цель, — вещал он, — заключается в обращении колоссальных ресурсов и талантов

электронной индустрии на дело повышения культурного уровня нации. Привнести высокое искусство в массы и сделать его жизненной необходимостью для человека.

Гамильтон от ужаса чуть не грохнулся в обморок.

— Доктор Тиллингфорд! — закричал он. — Вы можете посмотреть мне прямо в глаза и повторить, что вы сказали?!

Тиллингфорд удивленно открыл рот.

— Джек? — пробормотал он. — Что ты?..

— Как можно декларировать эту чепуху? Вы же образованный, умный человек. Признанный во всем мире авторитет по цифровой обработке информации! — неистово жестикулируя, Гамильтон вопил в лицо растерявшемуся старику. — У вас мозги, что ли, ампутировали? Ради Бога, вспомните наконец, кто вы такой! Не позволяйте безумию пролезть в вашу душу!

Тиллингфорд, заикаясь от испуга, нервно сцепил пальцы и попятился.

— Джек, мальчик мой... Что с тобой случилось?

Кожу Гамильтона покрыли крупные мурашки. Все бесполезно! Он теряет время понапрасну. Вдруг на него напал приступ безудержного смеха. Ситуация абсурдна до невероятности. Можно было просто промолчать, ничего от этого не изменилось бы. Бедняга Тиллингфорд — он ведь ни при чем... Ха-ха, он виноват не более, чем та лошадь, на которую натянули штаны.

— Извините, — пробормотал Джек удрученно. — Расшалились нервы.

— Боже мой, — перевел дыхание Тиллингфорд. — Ты не возражаешь, если я пойду присяду?.. Сердце... так, ничего особенного: стенокардия. Движок иногда подводит... Извини.

Он шмыгнул в ближайшую дверь. Вскоре оттуда послышались звуки открываемых пузырьков с лекарствами и падающих на пол пилюль.

Скорее всего новая работа потеряна. Гамильтон уселся на скамью в коридоре и нащупал в кармане сигареты. Адаптация в новом мире началась просто великолепно... Лучше не придумаешь.

Медленно, осторожно приоткрылась дверь. Доктор неуверенно выглянул наружу; в глазах его стояли слезы.

— Джек... — едва слышно позвал он.

— Что? — избегая смотреть доктору в глаза, спросил Гамильтон.

— Джек... Ты ведь желаешь нести культуру в массы, не так ли?

Гамильтон перевел дух.

— Само собой, доктор. — Встав во весь рост, он посмотрел прямо в глаза Тиллингфорду. — Я обожаю культуру.

Лицо Тиллингфорда зарделось от удовольствия.

— Слава небесам!

Вновь ощутив некоторый прилив сил и уверенности, он вышел в коридор.

— Ты чувствуешь себя способным взяться за работу? Не хотелось бы перегружать тебя...

Все ясно! Мир, рожденный безумием госпожи Эдит Притчет, легко предвидеть — дружелюбный, полный взаимопомощи, приторный, как патока. В нем можно замыслить и осуществить только прекрасное и доброе.

— Вы меня не уволите? — с надеждой спросил Джек.

— Уволить тебя? — моргнул Тиллингфорд. — Чего ради?

— Я ведь грубо оскорбил вас.

Доктор смущенно хмыкнул:

— Забудь об этом. Мой мальчик, твой отец был лучшим моим другом. В свободную минутку я расскажу тебе, какие мы порой устраивали схватки... А ты, Джек, молодец! Снял стружку со старика.

Отчески похлопав Гамильтона по плечу, доктор провел его в лаборатории. Секции и отделы с аппаратурой и специалистами расходились во все стороны, как паутина. Пространство вокруг наполнял ровный гул — это всю работали электронные мозги вычислительных машин.

— Доктор, — сомневаясь, стоит ли начинать разговор, обратился тем не менее к Тиллингфорду Джек. — Можно задать один вопрос? Просто для полноты картины?..

— Конечно, конечно, мой мальчик. Спрашивай!

— Вам ни о чем не говорит имя «Тетраграмматон»?

Тиллингфорд растерянно почесал затылок.

— Как ты говоришь? Тетраграмматон? Нет, не помню.

— Спасибо, — выдавил через силу Гамильтон. — Просто хотел убедиться. Я так и думал, что вы его не знаете.

Доктор взял со стола ноябрьский номер «Прикладных наук».

— Здесь есть статья, она прямо-таки ходит в агентстве по рукам. Может, и заинтересует тебя, хотя касается вещей несколько устаревших. Это анализ текстов одного из величайших мыслителей нашего столетия — Зигмунда Фрейда.

— Чудесно, — безжизненным тоном отозвался Джек. Он был готов ко всему.

— Как тебе известно, Зигмунд Фрейд разработал психоаналитическую концепцию секса как сублимации эстетических устремлений. Он доказал, что основополагающее стремление человека к художественному творчеству, если оно не находит адекватных средств самовыражения, преобразуется в уродливый суррогат — в половую активность.

— И это правда? — огорченно промямлил Джек.

— У здорового человека, — повысил голос доктор, — чьи устремления не подавляются средой, не может быть сексуальных вождлений и даже любопытства к сексу. Вопреки традиционным представлениям, секс есть не что иное, как искусственно вызванная озабоченность. Когда мужчина или женщина получает возможность свободно проявить себя в пристойной форме художественной деятельности — в живописи, литературе, музыке, — тогда так называемое вождление пропадает. Сексуальная деятельность — скрытая форма вырождения артистической одаренности человека, имеющая место, когда общество всячески подавляет таланты индивидуума.

— Да, да, — сказал Гамильтон. — Я проходил это в школе. Или что-то похожее.

— К счастью, мы преодолели первоначальное сопротивление эпохальному открытию Фрейда. Он столкнулся со страшным противодействием, и это вполне естественно. К счастью, теперь все в прошлом. Редко уже встретишь образованного, культурного человека, который говорил бы о сексе. Конечно, я сейчас употребляю эти термины в их клиническом значении — как описание клинически аномального состояния!

Пораженный дикой догадкой, Джек все-таки тихо спросил:

— Но остатки традиционного мышления еще встречаются в низших социальных слоях?

— Да, — признал Тиллингфорд, — понадобится время, чтобы новое мышление проникло повсюду.

Лицо озарилось огнем энтузиазма, глаза победно заблестели. Со стороны, впрочем, могло показаться, что доктора на пару секунд окунули лицом в начинающий закипать борщ.

— И это наше главное предназначение, мой мальчик! Основная функция электронного ремесла.

— Ремесла!.. — эхом отозвался Джек.

— Да, боюсь, что это не вполне художественная сфера. Но близка к творческому началу. Наша задача, мой мальчик, состоит в продолжении поиска предельного медиума коммуникации. Такого средства, которое пробуждало бы даже камень. С его помощью живущие на земле

представители рода человеческого будут обладать — непосредственно — всем культурным и художественным наследием минувших веков. Улавливаешь?

— Я в это уже залез по самые уши, — хмуро ответил Джек. — У меня много лет стереосистема дома.

— Стереосистема? — Если бы смог, Тиллингфорд, наверное, подпрыгнул бы в порыве поросычьего восторга. — А я и не знал, что тебя интересует музыка.

— В основном качество звука.

Игнорируя это уточнение, Тиллингфорд радостно продолжал:

— Тогда тебе нужно срочно вступить в наш симфонический оркестр. Мы вызываем на состязание оркестр полковника Эдвардса. У тебя, черт возьми, будет шанс выступить против своей старой фирмы. Ты на каком инструменте играешь?

— На одноклавишном рояле.

— Стало быть — начинающий?.. А как твоя жена? Она играет?

— На шарманке.

Озадаченный Тиллингфорд отступил.

— Хорошо, обсудим это позже. Видно, тебе не терпится приступить к работе.

В половине шестого того же дня Джек с полным правом отложил в сторону бумаги. Влившись в поток направляющихся со службы людей, Гамильтон с чувством облегчения вышел на посыпанную гравием дорожку, что вела к улице.

Едва он успел оглядеться, припоминая путь к железнодорожной станции, как к тротуару подкатила знакомая голубая машина. За рулем «форда» сидела Силки.

Джек беззвучно чертыхнулся.

— Ты что здесь делаешь? Я как раз собирался начать поиски своей машины.

Силки, улыбаясь, распахнула дверцу.

— Я нашла твое имя и адрес по регистрационной карточке.

Она показала белую полоску на рулевой колонке.

— Выходит, ты мне правду говорил. А что значит «У» перед фамилией?

— Уиллибальд.

— Кошмар!

Усевшись рядом с девушкой, Джек осторожно заметил:

— По одной только карточке трудно узнать, где я работаю.

— Конечно. Я просто позвонила твоей жене, и она объяснила, где тебя найти.

Пока Гамильтон тупо взирал на нее, пытаясь переварить это заявление. Силки включила передачу и, сильно газанув, рванула с места.

— Ничего, что я села за руль? — спросила она. — Мне так понравилась твоя машина! Красивая, послушная!

— Продолжай, — махнул рукой Джек, все еще пребывая в транс. — Так, значит, ты звонила Марше?

— Да, мы долго говорили по душам, — не моргнув глазом, сообщила Силки.

— О чем?

— О тебе.

— Обо мне?

— О том, что тебе больше всего нравится, о твоей работе. Обо всем! Ты же знаешь, женщины так любят посплетничать.

В бессильной ярости Джек молча уставился невидящим взором на шоссе Эль-Камино, на бесконечный поток машин, несущихся вдоль полуострова к пригородам. Силки в упоении вела машину, личико ее сияло. В этом безупречно-стерильном мире Силки претерпела радикальные

изменения. Белокурые волосы спускались на спину двумя туго заплетенными косичками. Белая блузка полувоенного покроя и длинная темно-синяя юбка прямо-таки излучали ауру чистоты с отутюженных стрелок и складочек. На ногах простые, без украшений, туфли на низком каблуке. Бывшая потаскушка теперь выглядела гимназисткой. Никакой косметики. Плутовато-хищное выражение лица, столь притягательное для мужчин, исчезло. И фигура, совсем как у нынешней Марши, совершенно неразвита.

— Как ты провела это время? — сухо спросил Гамильтон.

— Прекрасно!

— Ты не помнишь, — решил прощупать почву Джек, — когда мы виделись в последний раз? Что тогда произошло?

— Помню, конечно, — уверенно ответила Силки. — Ты, я и Чарли Макфиф поехали в Сан-Франциско.

— Зачем?

— Макфиф захотел, чтобы ты побывал в церкви.

— Ну и... я побывал?

— Наверно. Вы оба вошли туда.

— И что потом?

— Понятия не имею. Я уснула в машине.

— Ты ничего не видела?

— Например?

Наверное, дико прозвучало бы, если б Джек изрек: «Например, как двое взрослых мужчин поднялись в Небо на зонтике?» И он счел за благо сменить тему:

— Куда мы едем? В Белмонт?

— Конечно. Куда же еще?

— Ко мне? — Что-то уж больно медленно проходило привыкание к этому миру. — Ты, я и Марша...

— Обед готов, — спокойно сообщила девушка. — Или будет готов к нашему приезду. Марша позвонила мне на работу, объяснила, что надо взять в магазине, и я все купила.

— К тебе на работу? — Лоб Джека аж покрылся испариной. — Э... что ж у тебя за работа?

Силки посмотрела озадаченно:

— Джек, ну и странный же ты!

— О!

Силки продолжала обеспокоенно смотреть на него, пока скрежет чьих-то тормозов не заставил ее сосредоточиться на трассе.

— Сигнал! — крикнул Гамильтон. Гигантский тягач-нефтевоз выруливал справа на их полосу.

— Чего? — не поняла Силки.

Гамильтон сердито вытянул руку и постучал по кнопке клаксона. Тщетно! Звуковой сигнал бездействовал.

— Зачем ты так делаешь? — с любопытством спросила Силки, сбавляя скорость, чтобы пропустить вперед тягач с цистерной.

Снова впадая в медитацию, Джек занес новую информацию в свой банк данных. В этом мире понятие автомобильного клаксона упразднено. До него вдруг дошло, что над плотным потоком машин, развозивших служащих по домам, должна висеть отчаянная какофония звуков. Но ее не было.

Очищая мир от недостатков, Эдит Притчет вырвала с корнем не просто предметы и явления, но даже целые их категории. Наверное, когда-то в прошлом ее привела в раздражение автомобильная сирена. Зато теперь, в приторно-розовой версии мира, таких вещей не стало

вообще. Их просто не было.

Список недовольств и жалоб старой девы был, несомненно, значителен. И трудно даже с большими допусками угадать, что именно угодило в этот список. Подобная перспектива явно не способствовала приливу жизненных сил и праздничного оптимизма.

Стоило какой-то малости омрачить убогое благополучие дамы за все ее пятьдесят лет существования, как теперь эта вещь была тихо придушена в зародыше. Джек боялся дать волю фантазии. Многого, ох, многого можно теперь недосчитаться! Мусорщики, гремящие контейнерами. Рассыльные, звонящие рано утром в дверь. Налоговые счета и прочие платежные бумажки. Плачущие младенцы (если только не все младенцы). Пьяницы. Грязь. Нищета. Вообще страдание.

Удивительно, как смогло уцелеть то, что Джек еще видит за окном машины.

— В чем дело? — сочувственно спросила Силки. — Плохо себя чувствуешь?

— Это смог виноват, — пробормотал Джек. — Мне всегда от него плохо.

— Что такое смог? Какое смешное слово...

Разговор надолго утих. Гамильтон просто сидел и тщетно пытался привести свои мысли в порядок. Сейчас надлежало быть крайне осторожным и рассудительным.

— Хочешь, остановимся где-нибудь? — предложила Силки. — Может, выпьешь лимонаду?

— Ты заткнешься или нет?! — взорвался Гамильтон.

Силки послала ему полный отчаяния взгляд и в испуге уставилась на дорогу.

— Извини. — Нахохлившись, Джек подыскивал себе оправдание. — Новая работа, неприятности всякие...

— Могу представить!

— Ты — можешь? — Он не смог подавить циничные нотки в голосе. — Кстати, ты собиралась рассказать... Твоя работа. В чем она состоит?..

— Все то же самое.

— Черт побери, что же это?

— Я по-прежнему работаю в «Тихой гавани».

Малая толика веры в разумность окружающего мира вернулась к Гамильтону. По крайней мере, кое-что осталось. По-прежнему существовала «Тихая гавань». Небольшой осколок прошлой реальности, за него можно было ухватиться в трудную минуту.

— Заедем туда! — выпалил Джек с жадностью. — По паре пива, а потом — домой!

Когда они добрались до Белмонта, Силки поставила машину на противоположной от бара стороне улицы. Джек критически оглядел фасад кабака. Особых изменений пока не наблюдалось. Разве что стало немного чище. В оформлении четко присутствовал морской элемент; алкогольные аллюзии как будто стали менее явными. По правде говоря, Джеку стоило труда прочесть отсюда рекламу «Золотистой пены». Горящие красные буквы сливались в плотное пятно. Если не знать, что они означают...

— Джек, — встревожилась Силки, — ты не объяснишь мне, что происходит?

— А именно?

— Сама не знаю. — Девушка растерянно улыбнулась. — У меня такие странные ощущения. Будто в голове крутятся беспорядочные воспоминания... Только какие-то бессвязные... Знаешь, как разорванные бусы.

— О чем они?

— О нас с тобой.

— А-а... — Джек покачал головой. — Может, там еще и Макфиф?

— Чарли — тоже. И Билли Лоуз. Словно все случилось очень-очень давно. Но ведь это не

могло быть, правда? Мы же только-только познакомились, да?

Она сжала виски кончиками пальцев. Джек мимоходом отметил, что лак на ногтях у нее отсутствовал.

— Каша какая-то получается, честное слово! — Хотелось бы тебе помочь, — искренне признался Джек. — Но я сам здорово запутался в последние дни.

— И что ты об этом думаешь? У меня такое чувство, будто я вот-вот должна ступить и провалиться сквозь мостовую!.. — Девушка нервно засмеялась. — Наверно, пора подыскать себе другого психоаналитика.

— Другого? Ты хочешь сказать, у тебя один уже есть?..

— Конечно! — Силки взволнованно обернулась. — В этом все и дело. Ты задаешь такие странные вопросы! Ты не должен спрашивать о таких вещах, Джек. Это неприлично. Ты мне причиняешь боль, Джек.

— Извини. — Гамильтон смущенно заерзал. — Не надо было высмеивать тебя.

— О чем ты?

— Оставим это!

Распахнув дверцу, Джек вылез на тротуар.

— Давай пройдем в бар и закажем пива.

«Тихая гавань» претерпела внутреннюю метаморфозу. Квадратные столики, накрытые белыми крахмальными скатертями, были расставлены аккуратно и со вкусом. На каждом зажжена свеча. Стены украшены гравюрами Ива и Кюрье. Несколько пожилых пар чинно ели зеленый салат.

— В глубине зала приятнее! — заметила Силки, ведя Джека между столиков. Вскоре они сидели в уютном затененном уголке, изучая меню.

Отведав поданное пиво, Джек решил, что это лучшее пиво за всю его жизнь. В меню значился «Маккой» — настоящее немецкое бочковое пиво, тот самый сорт, обычно крайне редко удавалось найти. Впервые за все время, проведенное в мире Эдит Притчет, Джек испытал что-то вроде прилива оптимизма.

Дружески подмигнув Силки, Гамильтон поднял кружку. Девушка улыбнулась и ответила тем же жестом.

— Как здорово быть снова здесь с тобой, — отхлебнув из кружки, сказала она.

— Точно.

Подвигав в нерешительности кружку с места на место, Силки наконец спросила:

— У тебя нет приличного психоаналитика? Я перепробовала их около сотни... Всегда перехожу к кому-то получше. Так и самого лучшего найду, верно? В принципе каждый может кого-нибудь предложить...

— Только не я.

— В самом деле? Как странно!

Силки принялась разглядывать литографию на стене, изображавшую зиму в Новой Англии в 1845 году.

— Схожу посоветуюсь с консультантом МОПС. Обычно они помогают.

— Что такое МОПС?

— Международное Объединение Психологической Санитарии. Ты разве не состоишь там? Все состоят!..

— Вообще-то я — маргинальный тип.

Силки вытащила из сумочки и показала членское удостоверение МОПСа.

— Они решают все проблемы, связанные с психическим здоровьем. Это просто чудесно, психоанализ в любое время дня и ночи!

— А лекарства — тоже?

— Разумеется. И еще у них — круглосуточная служба диетического питания.

Джек простонал:

— С Тетраграмматомом, пожалуй, было легче!

— Тетраграмматон? — Силки вдруг забеспокоилась. — Где-то я слышала это раньше. Что оно значит? У меня такое впечатление...

Она печально тряхнула головой:

— Нет, не вспомнить...

— Расскажи-ка мне о диетслужбе! — пожалел девушку Гамильтон.

— Ну, Они разрабатывают нам диеты.

— Я догадываюсь.

— Правильное питание крайне важно, Джек. В данный момент я живу на патоке и домашнем твороге.

— Кто б мне подал бифштекс с кровью! — плотоядно произнес Гамильтон.

— Биф-ште-е-екс? — Глаза Силки округлились от ужаса. — Мясо животных?!

— Еще бы! И побольше! С тушеным луком, печеной картошкой, зеленым горошком и... черным кофе.

У Силки страх сменился отвращением.

— О, Джек!..

— А что такое?

— Ты... ты — дикарь.

Наклонившись через столик, Гамильтон бодро сказал:

— Как насчет того, чтобы уйти отсюда? Пойдем-ка в парк на дальнюю аллею и разомнемся хорошенько.

На лице девицы отразилось только недоуменное безразличие.

— Я не совсем поняла.

Гамильтон сдался.

— Забудь об этом.

— Но...

— Забудь, говорю!

Он мрачно допил пиво.

— Пошли, нас ждут дома к обеду. Марша наверняка беспокоится, не случилось ли с нами чего.

Глава 10

Марша встретила их с радостным вздохом:

— Наконец-то. Долго же вы добирались. — Встав на цыпочки, она потянулась поцеловать Джека. В фартуке и ситцевом платице Марша выглядела воистину свежей, стройной и душистой, как цветок. — Мойте руки и садитесь.

— Могу я чем-нибудь помочь? — вежливо спросила Силки.

— Все готово. Джек, возьми ее пальто.

— Не надо, — отмахнулась Силки, — я просто брошу его в спальне.

Она оставила супругов ненадолго одних.

— Этого мне только не хватало, — ворчал Гамильтон, вслед за женой проходя на кухню.

— Ты ее имеешь в виду?

— Ну да.

— Когда ты с ней познакомился?

— На прошлой неделе. Подружка Макфифа.

— Она миленькая. — Согнувшись, Марша извлекла из духовки горячую кастрюлю.

— Родная моя, это же проститутка.

— О... — Марша глупо хлопнула ресницами. — Правда? Она не похожа на... то, что ты сказал.

— Конечно, не похожа. Здесь у них такого не бывает.

Марша просияла:

— Тогда и она — нормальная девчонка. Другого быть не может.

Джек преградил жене дорогу, не пропуская ее с кастрюлей в гостиную.

— Но правда заключается в другом. Она действительно проститутка. В настоящем мире — она девка из бара, профессиональная подстилка для завсегдатаев.

— Ну да! — по-прежнему не верила Марша. — Мы с ней долго говорили по телефону. Она что-то вроде официантки. Очаровательный ребенок.

— Милая, ты бы видела ее в рабочей форме...

Он умолк при появлении Силки. В своем целомудренном наряде девица была свежа, как огурчик.

— Джек, ты меня удивляешь. — Марша опять отправилась на кухню. — Как тебе не стыдно!

Гамильтон, чувствуя себя полным идиотом, побрел прочь. Черт с ними!.. Он взял вечерний выпуск «Окленд трибюн», шлепнулся на диван, закрывшись газетой от Силки, и пробежал глазами заголовки.

ФАЙНБЕРГ ОБЪЯВЛЯЕТ О НОВОМ ОТКРЫТИИ:

ГАРАНТИРОВАНО ИЗЛЕЧЕНИЕ АСТМЫ!

Статья на первой полосе снабжалась фотографией упитанного лысоватого джентльмена, который улыбался словно рекламировал средство для полоскания рта. Заметка повествовала о его открытии, потрясем мир. На первой полосе первая колонка.

Колонка вторая подробно рассказывала об археологических раскопках на Ближнем Востоке. Черепки, горшки и вазы... Обнаружен неизвестный город Железного века. Человечество затаило дыхание...

Джека посетила любопытная мысль: а как же холодная война? И, если уж на то пошло, что стало с Россией? Джек быстро пролистал газету. То, что он обнаружил, заставило волосы подняться дыбом.

Россия как географическое понятие исчезла. Уж слишком отрицательные эмоции она вызывала. Миллионы людей, миллионы квадратных миль суши испарились! Что же осталось на ее месте? Бесплодная равнина? Или колоссальная бездна?..

Забавно, что газета вообще выпущена без привычной передовицы, без сенсационных заявлений и разоблачений. Публицистика, если ее можно так назвать, сразу окунала читателя в грязновато-розовый прудик домохозяек: мода, светские сплетни, свадьбы, разводы, распродажи и реклама. Комиксы? Отчасти они тоже присутствовали — детский юмор, а также бытовые зарисовки. Но «страшные» комиксы, с драками и насилием, исчезли. Конечно, беда невелика. Но белые пустоты на газетном листе как-то обескураживали.

Вероятно, так же выглядел сейчас и север Азии: гигантское белое пятно, где еще недавно, во зло или во благо, теплились миллионы жизней. Эдит Притчет, пожилая расплывшая дамочка,

решила, что жили они напрасно. Россия раздражала ее; новости об этой стране докучали, как назойливый комар.

Кстати, о насекомых! Джек не заметил вокруг ни мух, ни комаров. Или, скажем, пауков. Когда мадам Притчет испустит последний вздох, мир станет весьма приятным для жизни... если уцелеет само понятие жизни.

— Скажи, — обратился он к Силки, — тебя не беспокоит, куда-то вдруг пропала Россия?

— Вдруг чего?.. — Силки оторвала взгляд от иллюстрированного журнала.

— Забудь! — махнул рукой Джек. Отшвырнув газету, он отправился на кухню. — От этого можно свихнуться! — бросил он жене.

— От чего, дорогой?

— Им всем просто наплевать!

Марша краем уха слышала их разговор.

— Но России ведь никогда и не было!.. Зачем же беспокоиться о ней?

— А побеспокоиться следовало бы. Если бы миссис Притчет упразднила письменность, тоже бы никто не волновался. Даже не почувствовал бы потери, понимаешь?

— Если не чувствуешь потери, — задумчиво проговорила Марша, — Стоит ли о ней говорить?

Джека сразила неоспоримость логики. И теперь, пока обе женщины накрывали на стол, он пребывал в задумчивости.

— Но это еще хуже! — вновь набросился он на Маршу. — Худшее из всего, что может произойти. Эдит Притчет перекраивает мир, коверкает судьбы людей, а они даже не замечают. Это ужасно.

— Почему?! — взорвалась Марша. — Может, наоборот... — Понизив голос, она кивнула в сторону Силки. — Что ж тут ужасного? Неужели раньше она была лучше?

— Речь не об этом. Вопрос в другом... — Джек сердито направился вслед за женой. — От Силки не осталось и следа. Теперь это совсем другая личность. Восковая фигура, слепленная госпожой Притчет и подсунутая на прежнее место.

— А мне кажется, что это именно Силки.

— Ты же никогда ее раньше не видела.

— И слава Богу! — парировала Марша.

Жутковатое подозрение медленно заползло Джеку в мозг.

— Тебе это, видно, по душе! — тихо проговорил Джек. — Ты бы предпочла, чтобы все оставалось без изменений.

— Я этого не говорила, — уклонилась Марша от прямого ответа.

— Да, да! Тебе нравятся эти... *нововведения!*

Марша остановилась на пороге кухни с ложками и вилками в руках.

— Я об этом сегодня думала. Знаешь, действительно, теперь все намного чище и приличней. Нет того безобразия. Проще стало, что ли. Пришло в некое подобие порядка!

— Только осталось не так уж много.

— Ну и что?

— Может статься, мы сами еще окажемся нежелательными фрагментами. Ты не подумала об этом? — Джек возмущенно ткнул кулаком в стену. — Мы под колпаком! Оглянись вокруг — нас уже перекроили, слепили по-новому. Мы — беспольные уродцы. Тебе это нравится?

Марша не нашлась, что ответить.

— Тебе нравится!.. — задохнулся от ужаса Гамильтон.

— Позже поговорим, — сухо заметила Марша, унося столовые приборы.

Схватив жену за руку, Гамильтон грубо потащил ее назад.

— Ответь! Тебе нравится, каким все стало? Ты, может быть, рада, что суетливая толстая

старуха изгоняет секс из этого мира!

— Если честно, — медленно проговорила Марша, — на мой взгляд, небольшая чистка миру не повредит. И если мужики не могут держать себя в руках... или не хотят...

— Должен тебе кое-что сказать, дорогая! — угрожающе заворчал Джек. — Еще быстрее, чем Эдит Притчет упраздняет реалии, я собираюсь их возродить. И первым я верну секс. Прямо с сегодняшней ночи.

— Ну конечно, конечно! Ты ведь чокнулся на сексе, только об этом и думаешь!

— Буду трахаться с подругой! — Гамильтон мотнул головой в сторону гостиной, где Силки умиротворенно расправляла скатерть на столе. — Затащу ее вниз — и поехали!

— Милый, — деловито заметила Марша, — это невозможно.

— Почему?..

— Она... — Марша сделала неопределенный жест, — у нее нет того, что тебе нужно...

— А об остальном тебе наплевать?

— Ну не сходи с ума. Это беспредметный разговор. Ты ведь не стал бы спорить о розовых крокодилах. Их не существу-у-ет!

Широким шагом Гамильтон ринулся в гостиную и схватил Силки за руку.

— Пошли! — отрывисто приказал он. — Спустимся в мой подвал послушать квартеты Бетховена.

Недоуменная девушка, спотыкаясь, неохотно побрела за Джеком.

— А как же обед?

— К черту обед! — Он рывком распахнул дверь на лестницу. — Поторопись, пока Притчет не упразднила музыку.

В подвале было холодно и сыро. Гамильтон включил обогреватель и спустил шторы. Когда вместе с теплом вернулся уют, Джек принялся пачками доставать пластинки.

— Что будем слушать? — спросил он нервно.

Перепуганная Силки жалась к дверям.

— Я хочу есть! Марша приготовила чудный обед...

— Только скот ест! — проворчал Гамильтон. — Отвратительное занятие. И неприличное! Я отменил его.

— Не понимаю! — жалобно заныла Силки.

Включив усилитель, Гамильтон подкрутил регуляторы.

— Что скажешь о моей системе? — гордо спросил он.

— М-м... симпатичная.

— Симпатичная... Параллельный выход в противофазе! Никаких искажений вплоть до тридцати тысяч герц. Одних низкочастотных колонок — четыре! Восемь — высокочастотных. Трансформаторы ручной работы. Алмазный звукосниматель, идеальная кинематика! — Он поставил пластинку на проигрыватель и, не удержавшись, добавил: — Способна крутить восьмитонный груз без потери скорости хотя бы на десятую процента! Неплохо, а?

— Угу.

Зазвучала «Дафнис и Хлоя»... Добрая половина фонотеки загадочным образом испарилась — в основном современные аранжировки или эксперименты с ударными. Миссис Притчет предпочитала добротных классиков: Бетховена, Шумана, тяжеловесные концерты, привычные для слуха человека пуританских устоев. Утрата любимой коллекции Бартока привела Джека в страшное уныние. Вещи Белы Бартока лучше всего ложились Джеку на душу, отзываясь самыми интимными переживаниями. Нет, жить в мире миссис Притчет нельзя — старуха оказалась пострашней Тетраграмматона.

— Как теперь? — почти машинально спросил он, убавив свет лампы почти до нуля. — Свет

больше не бьет в глаза?

— Он и не бил, Джек! — откликнулась Силки. Смутное беспокойство отразилось у нее на лице. — Странно... Я не вижу, куда идти. Боюсь, упаду!..

— Упадешь — так найдем! — усмехнулся Гамильтон. — Что будешь пить? Где-то тут оставалась бутылочка виски

Дернув дверцу бара, он опытной рукой пошарил внутри. Пальцы обхватили горлышко бутылки. Одновременно он нагнулся за стаканами. Бутылка показалась подозрительно легкой — ближайшее знакомление подтвердило отсутствие выпивки.

— Тогда хлебнем мятного ликера, — вздохнул Джек. — О'кей?

«Дафнис и Хлоя» уже наполняли полутемную комнату великолепием страсти и неги. Джек подвел Силки к тахте и усадил девушку. Она послушно взяла рюмку ликера и чинно пригубила. Джек с видом судебного эксперта на месте преступления расхаживал взад-вперед, то регулируя звук, то убавляя, свет. Потом взбил подушку на тахте, убедился в том, что дверь заперта на ключ. Сверху слышалось, как Марша суетится на кухне. Что ж, сама виновата...

— Закрой глаза и расслабься? — приказал он Силки.

— Я расслабилась!.. — В ее голосе по-прежнему звучал испуг. — Этого, что ли, недостаточно?

— Конечно, конечно, — мрачно согласился Джек. — Все просто замечательно. Послушай, а что, если ты сбросишь обувку и сядешь по-турецки? Вот увидишь, Равель будет восприниматься совсем по-другому.

Силки послушно сбросила белые кроссовки и, подтянув ноги, уселась по-восточному.

— Очень мило, — проговорила она с грустью.

— В сто раз лучше, правда?

— Ага.

И тут неожиданный приступ отчаяния накатил на Джека.

— Все бесполезно, — подавленно забормотал он. — Ничего не получится!

— Что не получится, Джек?

— А, не важно!

На пару минут повисло гнетущее молчание. Потом Силки тихо и осторожно тронула Джека за руку:

— Мне очень жаль.

— Мне тоже.

— Я виновата, да?

— Немного. Так сразу не объяснишь.

Чуть поколебавшись, Силки сказала: — Можно тебя спросить?

— Конечно. О чем угодно.

— Ты бы хотел...

Голос девушки звучал едва слышно. В сумерках ее широко распахнутые глаза напоминали две тусклые звездочки на затянутом тучами небе.

— Джек, хочешь меня поцеловать? Один только раз?

Джек крепко обнял девушку и притянул к себе. Взял в ладони ее маленькое острое личико и поцеловал. Силки прильнула к нему, легкая, хрупкая и ужасно костлявая. Джек не разжимал объятий, пока девушка сама не высвободилась. Впрочем, какая девушка? Всего лишь слабая тень, потерянная своим владельцем в сумерках.

— Мне так плохо. — Голос ее задрожал.

— Не надо...

— Я какая-то... опустошенная. У меня все болит. Почему, Джек? В чем дело? Почему мне так плохо?

— Оставь! — отрывисто бросил он.

— Мне страшно. Мне хочется тебе что-то дать... и нечего. Я — всего лишь пустое место, да? Пустышка?

— Не совсем.

Силки вскочила на ноги и теперь маячила размытым силуэтом, быстро передвигаясь по комнате. Когда Джек вновь поднял глаза, Силки предстала уже полностью нагой. Одежда аккуратной стопочкой сложена рядом на тахте.

— Ты меня хочешь?

— Да, до... скорее теоретически.

— Ты можешь!

— Могу? — иронически усмехнулся Гамильтон.

— Тебе — можно, я хотела сказать.

Гамильтон протянул ей обратно тряпки:

— Одевайся. Мы зря теряем время, а обед стынет.

— Что, бесполезно?

— Да! — с горечью ответил Джек, стараясь не смотреть на нелепо исковерканное женское тело. — Абсолютно бесполезно. Но ты сделала все, что могла.

Как только Силки оделась, Джек взял ее за руку и повел к двери. Проигрыватель за спиной все еще плел бессмысленные кружева любовных призывов. Ни Гамильтон, ни Силки не слышали их, удрученно поднимаясь по лестнице.

— Извини, я так подвела тебя, — шептала Силки.

— Забудь.

— Может, найдется какой-нибудь выход. Может, я...

И вдруг голос ее смолк, оборвавшись на половине фразы. А ладонь Джека уже не сжимала тонкие сухие пальчики. Шокированный, он резко обернулся и вытаращился в темноту. Силки исчезла. Она выбыла из этой реальности. Джек замер на месте, с дрожью в коленях поджидая новых сюрпризов. И тут наверху распахнулась дверь, на лестнице показалась Марша.

— О!.. — удивленно воскликнула она. — Вот ты где. Поднимайся быстрее, у нас гости.

— Гости!.. — тупо повторил Джек.

— Миссис Притчет. И она привела еще кое-кого. Похоже, намечается вечеринка.

Как в дурмане, Гамильтон одолел оставшиеся ступеньки и проковылял в гостиную. И сразу окунулся в оживленное многоголосие. Из всех пришедших выделялась громоздкая фигура женщины в кричаще-дешевой шубе и нелепой шляпе с громадными перьями... Ее перекрашенные локоны обрамляли одутловатое лицо и морщинистую шею.

— А вот и вы! — восторженно закричала миссис Притчет, едва завидев Джека. — Сюрприз! Сюрприз!

Приподняв набитую до отказа картонку, она громко объявила:

— Я привезла изу-уми-и-ительные пирожные! И глазированные фрукты — уверяю, вы таких в жизни не пробовали!

— Что вы сделали с ней? — рявкнул Гамильтон, наступая на женщину. — Где она теперь?

На миг миссис Притчет лишилась дара речи. Затем ее пятнистые пухлые щеки разъехались в коварной улыбке:

— Да ведь я упразднила ее, милый! Всю эту категорию. Вы не знали разве?

В то время как Гамильтон пытался взглядом сокрушить миссис Притчет, Марша тихонько подошла и шепнула ему на ухо:

— Осторожней, Джек! Будь осторожен!

Он повернулся к жене:

— И ты причастна к этому?

— Косвенно. — Она пожала плечами. — Эдит меня спросила, где ты, и я сказала ей... Не в подробностях, ты не думай... просто в общих чертах.

— В какую же категорию угодила Силки?

Марша улыбнулась:

— Эдит очень точно определила.

Маленькая мерзавка или что-то вроде.

— Но их же множество! — воскликнул Гамильтон. — Стоило ли так?..

За спиной у Эдит Притчет показались Билл Лоуз и Чарли Макфиф. Оба навьючены, как грузчики из бакалейной лавки.

— Большое торжество! — доложил как бы извиняющимся тоном Лоуз, осторожно кивнув Гамильтону. — Где тут кухня? Я хочу скорей это поставить!

— Как жизнь, приятель? — хитро подмигнул Макфиф. — Неплохо время проводишь, верно? У меня в мешке двадцать банок пива.

— Здорово, — еще не до конца очнувшись, буркнул Джек.

— Тебя стоит только пальцем ткнуть!.. — добавил раскрасневшийся Макфиф. — То есть, я говорю, это ей стоит только пальцем...

Подошла хмурая Джоан Рейсс. Мальчишка, Дэвид Притчет, шагал рядом с ней. Замыкая процессию, ковылял с каменным выражением лица старый, ветеран.

— Все здесь?! — не вполне понимая происходящее, спросил Гамильтон.

— Мы собираемся играть в шарады, — радостно сообщила Эдит Притчет. — Я забегала на минутку после ленча, — пояснила она Гамильтону. — И мы отлично поболтали с вашей женошкой. От души!

— Миссис Притчет... — начал было Джек, но Марша сразу оборвала его.

— Пошли на кухню, ты мне поможешь! — четко скомандовала она.

Джек поплелся без особого желания за Маршей. В кухне торчали с неприкаянным видом Макфиф и Билл Лоуз. Лоуз состроил гримасу, что, видимо, должно было означать улыбку — опасливую и отчасти виноватую. Гамильтону было нелегко определить. Лоуз торопливо отвернулся и принялся распаковывать бесконечные кульки и свертки с закуской. Миссис Притчет явно питала слабость к бутербродам.

— Бридж! — торжественно объявила миссис Притчет в соседней комнате. — Но нам потребуются четверо. Мы можем рассчитывать на вас, мисс Рейсс?

— Боюсь, из меня никудышный игрок, — бесцветным голосом ответила мисс Рейсс. — Но я сделаю все что смогу.

— Лоуз! — окликнул Гамильтон. — Не могу поверить, что ты играешь в это... Я не удивился бы Макфифу, но чтобы — ты?!

— Беспокойся о себе! — не поднимая глаз, проворчал Лоуз. — Я сам о себе позабочусь!

— В твоей голове достаточно мозгов, чтобы...

— Масса Гамильтон, — стал кривляться Лоуз. — Даст Бог день, даст Бог и пищу. Моя дольше жить будет.

— Прекрати! — покраснев, сердито бросил Джек. — Кончай придуриваться!

С издевательской ухмылкой Лоуз повернулся к Джеку спиной. Но несмотря на всю его браваду, было заметно, как он дрожит. Руки Лоуза тряслись так сильно, что Марше пришлось отнять у него кусок копченого бекона, чтобы негр не уронил его.

— Оставь его в покое, Джек! — фыркнула она осуждающе. — Не лезь в чужую жизнь.

— Тут ты и не права! — возразил Гамильтон. — Это ее жизнь, ты поняла? Сама-то ты сможешь питаться только холодными закусками?

— Не так уж и плохо, — философски заметил Макфиф. — Ты что, приятель? Проспись! Это мир старушки, не так ли? Она тут заправляет!

В дверях появился Артур Сильвестр.

— Пожалуйста, можно мне стакан теплой воды и немного соды? У меня небольшая изжога.

Сильвестр молча прошел мимо к кухонной мойке. Там он получил от Марши стакан подогретой воды и соду. Удалившись в угол, он всецело сосредоточился на процедуре.

— Никак не могу поверить... — как заведенный бормотал Джек.

— Во что, дорогой?

— Силки. Она исчезла! Абсо-лют-но! Как будто и не было.

Марша безразлично пожала плечами:

— Ну, она должна быть где-то в другом мире. В том самом настоящем мире. Скорей всего опять кланчит у мужчин выпивку и предъявляет свой товар.

О «настоящем мире» Марша упомянула как-то двусмысленно, если не презрительно.

— Могу я вам помочь? — колыхая телесами в цветастом шелковом платье, возникла на пороге Эдит Притчет. — О, мне бы только передник, дорогие мои!

— Вон там, в чулане, дорогая! — Марша показала ей где и как.

Джек брезгливо отстранился, когда нелепое создание оказалось рядом. Старуха ласково улыбнулась ему, но за приторной улыбочкой пряталась самая настоящая ненависть.

— Ну-ну, мистер Гамильтон, не будьте букой! Не портите нам вечер.

Когда миссис Притчет убралась из кухни в гостиную, Джек обратился к сидящему в углу Лоузу:

— Ты что же, будешь и дальше плясать под дудку этого чудовища? Позволишь распоряжаться собственной жизнью?

Лоуз пожал плечами:

— Да у меня и жизни-то никакой толком не было. Это жизнь, по-твоему, — водить экскурсии по «Мегатрону»? Зевак, ничего не смыслящих в этом. Они просто забрели с улицы, им ведь все равно — что нейтрон, что электрон!

— Хорошо, чем ты занят теперь?

Лоуз гордо выпрямился:

— Я возглавляю исследовательские программы в «Лакман соуп компани». Это в Сан-Хосе.

— Никогда не слышал о такой.

— Ее придумала миссис Притчет, — смущенно пояснил Лоуз. — Она производит всевозможные душистые шампуни...

— Бож-же праведный! — выдохнул Гамильтон.

— Для тебя это глупость, да? Вашу милость, конечно, не заманишь на такую работенку — мелковата.

— Ну уж я не стал бы делать шампуни для Эдит Притчет!

— Я вот что тебе скажу. — Лоуз перешел на зловещий шепот, весь дрожа от обиды и ярости. — Влезь в шкуру цветного — тогда болтай. Попробуй поклоняйся со словами «да, сэр» перед всяким белым дерьмом, что появляется у тебя под носом... Перед каким-нибудь ублюдком из Джорджии, что сморкается на пол или не может без посторонней помощи отличить мужской туалет от женского! Я, оказывается, должен был учить его, как спускать штаны. Нравится такая работенка? Повкалывал бы ты шесть лет, чтоб оплатить колледж, помыл бы тарелки после белых посетителей в закусочной на шоссе! Я слышал о твоих предках: папочка — светило в физике. Ты купался в деньгах; тебе не приходилось работать в дешевой забегаловке. А попробовал бы ты заработать диплом, как я его заработал. И потом потыкайся с ним в кармане, поищи работу. В результате — поводырь идиотов. Иди получай нарукавную повязку, будто еврей в концлагере...

Тогда и мыльный завод покажется раем земным.

— Даже если этот мыльный завод не существует?

— Здесь он существует! — Темное, худое лицо Лоуза исказилось в судороге отчаяния. — Я там работаю. Пользуюсь шансом на все сто.

— Но это же иллюзия!

— Иллюзия? — Лоуз саркастически ухмыльнулся, стиснул кулак и ударил костяшками по стене. — По-моему, вполне реально.

— Не более чем бредовые фантазии Эдит Притчет. Послушай, при твоих-то знаниях...

— Хватит! — грубо оборвал Лоуз. — Не хочу ничего слышать. В том прошлом мире тебя не слишком волновали мои знания. Тебя не беспокоило, что я работал гидом.

— Тысячи людей работают гидами, — попытался оправдаться Джек.

— Люди вроде меня, конечно! Но не такие, как ты. Хочешь знать, почему здесь я чувствую себя лучше? Из-за тебя, Гамильтон. И ты, а не я в этом виноват. Подумай над этим. Если б ты попытался хоть что-нибудь сделать — там... но ты не сделал. У тебя было все: жена, дом, кот, машина и работа. И теперь, естественно, ты хочешь назад. Но у меня все по-другому. И я не хочу назад.

— Все равно ты вернешься, когда разрушится этот мир, — заметил Гамильтон.

Холодная ненависть сверкнула во взгляде Лоуза.

— Ты бы уничтожил его?

— Можешь не сомневаться.

— Тебе хочется, чтоб я снова напялил нарукавную повязку? В таком случае, ты не особо отличаешься от остальных. Никакой существенной разницы. Мне всегда говорили: «Не верь белым людям». Но тебя я считал своим другом.

— Лоуз, — тяжело вздохнул Джек, — ты самый неврастеничный сукин сын, какого я встречал.

— Если так, то в этом ты виноват.

— Мне жаль, что ты так думаешь.

— Но это правда! — горячо воскликнул Лоуз.

— Не совсем. Какая-то подспудная правда, наверное, присутствует. Может, ты и прав: лучше тебе остаться здесь. Миссис Притчет о тебе позаботится, если ты опустишься на все четыре конечности и будешь издавать именно те звуки, каких от тебя потребуют. Если будешь держаться сзади на безопасном расстоянии и сильно не беспокоить. Если ты не против шампуней, холодных бутербродов и пилюль от астмы. Потому что в настоящем, реальном мире тебе пришлось бы драться. А ты, вероятно, не создан побеждать.

— Прекрати его мучить, — подал голос слушавший их Макфиф. — Пустая трата времени: он же пропащий ниггер.

— Ты не прав, — отмахнулся Джек. — Он обычный человек и устал от поражений. Но победа не светит ему и здесь, как, впрочем, и тебе тоже. Тут никто ничего не выиграет, кроме миссис Притчет.

Лоузу он заметил:

— Тебя перетряхнет здесь почище, чем придирки белых... В этом мире ты окажешься в лапах у пожилой белой женщины!

— Ужин готов! — резко выкрикнула из гостиной Марша. — Идите все и садитесь!..

Гуськом друг за другом они проследовали в гостиную. Гамильтон подоспел как раз вовремя, чтобы увидеть на пороге Прыг-Балду. Кот заинтересованно приняхивался.

Взъерошенный после сна в обувной коробке в чулане, Балда роковым образом пересек путь Эдит Притчет...

Споткнувшись о бедное животное, та воскликнула:

— Какой ужас!

И Балда, уже изготовившийся вскочить кому-нибудь на колени, исчез.

Миссис Притчет продолжила свой путь, даже не заметив исчезновения кота, сосредоточившись на содержимом подноса в своих пухлых розовых пальцах.

— Она убрала вашего кота! — пронзительно воскликнул Дэвид Притчет.

— Не беспокойся, — рассеянно ответила Марша. — Кошек еще много на свете.

— Нет, — хрипло возразил Джек. — Уже нет. Ты забыла?.. Исчезает целая категория!

— О чем это вы? — спросила миссис Притчет. — Я не уловила, о чем вы?..

— Так, пустяки, — быстро ответила Марша и стала обслуживать гостей.

Все заняли свои места. Последним подошел Артур Сильвестр. Покончив с содовой, он принес из кухни стеклянный кувшин с горячим чаем.

— Куда это поставить? — ворчливо спросил он, выискивая место на заставленном посудой столе; большой сверкающий кувшин в его вялых, старческих руках выглядел скользким и очень тяжелым.

— Дайте сюда, — сладко улыбаясь, проговорила миссис Притчет и потянулась за кувшином. Подойдя к ней с бесстрастным выражением, точно принимая парад новобранцев, Сильвестр поднял кувшин и швырнул его изо всех сил женщине в голову. Общий вздох изумления раздался над столом; все вскочили на ноги.

Прежде чем кувшин угодил в цель, Артур Сильвестр растворился в воздухе. Сосуд, потеряв поддержку растаявших рук, грохнулся на ковер и лопнул на кусочки. Во все стороны полетели бледно-коричневые брызги.

— О Господи! — с досадой воскликнула миссис Притчет. Вслед за Артуром Сильвестром прекратили существование разбитый кувшин и дышащая паром чайная лужа.

— Какая неприятность, — с трудом проговорила Марша.

— Я рад, что с этим покончено, — не очень убедительно соврал Лоуз. — Я как чувствовал — должно что-то случиться.

У негра тряслись руки.

Джоан Рейсс порывисто вскочила:

— Мне что-то нехорошо. Я сейчас приду.

Круто развернувшись, она бросилась из гостиной, пересекла коридор и скрылась в спальне.

— В чем дело? — спросила весьма обеспокоенная миссис Притчет, обводя взглядом присутствующих. — Что могло ее так расстроить? Вероятно, я могла бы...

— Мисс Рейсс! — прокричала Марша настойчиво и пронзительно. — Пожалуйста, вернитесь! Ужин остынет!

— Придется мне пойти посмотреть, что с ней, — вздохнула миссис Притчет, делая попытку подняться на ноги.

Но Джек уже успел переступить порог гостиной.

— Я сам займусь, — бросил он через плечо.

В спальне, сложив руки на коленях, сидела мисс Рейсс. Пальто, шляпа и сумочка лежали рядом с ней.

— Я предупредила его, — тихо прошептала она Гамильтону. Потом нервно сняла свои очки в тяжелой роговой оправе. Без привычных очков глаза ее казались бесцветными и жалкими. — Такими методами ничего не добьешься, — вещала она.

— Выходит, вы сговорились?

— Конечно. Артур, мальчик и я. Мы встречались сегодня. Больше ведь рассчитывать не на кого. Вас мы тревожить не решились — из-за вашей жены.

— На меня вы можете положиться, — хмыкнул Гамильтон.

Мисс Рейсс извлекла из сумочки стеклянный пузырек и поставила на кровати.

— Мы собираемся усыпить ее, — произнесла она ледяным тоном. — Старая, глупая...

Схватив пузырек, Джек поднес его к свету. Жидкий хлороформ.

— Но он же убьет ее.

— Нет, не убьет.

В дверях появился взволнованный Дэвид:

— Лучше идите к нам, а то мама злится.

Поднявшись, мисс Рейсс взяла пузырек и сунула обратно в сумочку.

— Мне уже лучше, спасибо. Просто шок от неожиданности. Он обещал не делать этого... ох уж эти старые вояки...

— Я сделаю все сам, — заявил Гамильтон.

— Почему вы?

— Не хочу, чтобы вы ее убили. Потому что вы непременно ее убьете.

Какой-то миг они пристально смотрели друг другу в глаза.

Затем мисс Рейсс резким нервным движением выдернула пузырек из сумочки и пихнула Джеку в ладонь.

— Тогда сделайте все как следует. И сегодня же.

— Нет. Завтра, в подходящий момент. Не в доме, а... на пикнике. Мы увезем ее в горы, прямо утром. Как только рассветет.

— Смотрите же: не трусить и не идти на попятный!

— Ни за что, — мотнул головой Джек, кладя в карман пузырек. Он был совершенно серьезен.

Глава 11

Лучи октябрьского солнца пронизали воздух холодными, хрупкими иглами тусклого света. Слабая изморозь еще белела на траве. Раннее утро. Струйки пара над Белмонтом поднимались вверх и исчезали в голубовато-белесом тумане. Вдоль автострады плотный поток автомашин двигался — бампер к бамперу — в сторону Сан-Франциско.

— О Боже!.. — огорченно вздохнула миссис Притчет. — Такое движение!..

— Мы не поедем этой дорогой, — заметил ей Джек, сворачивая с прибрежного шоссе на боковую трассу. — Мы едем к Лос-Гатосу.

— И что потом? — с жадным, почти детским любопытством спросила миссис Притчет. — Подумать только, я никогда не была в той стороне!

— Тогда мы доберемся до океана! — порозовев от волнения, предложила Марша. — Поедем по автостраде номер один, вдоль берега, до самого Биг-Сура.

— Это где же? — с сомнением в голосе спросила миссис Притчет.

— В горах Санта-Лусия, пониже Монтерее. Много времени не займет, а место для пикника отличное.

— Чудесно! — согласилась миссис Притчет, устраиваясь поудобнее на сиденье. — Как мило с вашей стороны — устроить пикник.

— Ну что вы... — Джек не удержался от сарказма. Пришлось сильно надавить на акселератор, чтобы дернувшаяся машина выбила из куриных мозгов Эдит Притчет малейшее подозрение.

— А почему бы не поехать в Голден-Гейт-парк? — хмуро предложил Макфиф.

— Слишком много народу, — логично возразила мисс Рейсс.

— А Биг-Сур — это часть федерального заказника. Дикое место.

Миссис Притчет встревожилась:

— А мы будем там в безопасности?

— Абсолютно! — заверила ее мисс Рейсс.

— Кстати, почему вы не на работе, мистер Гамильтон? — продолжала беспокоиться миссис Притчет. — Ведь сегодня не праздничный день, не так ли? Мистер Лоуз давно работает.

— Я взял на несколько часов отгул, — сдерживая раздражение, ответил Джек. — Чтобы вывезти вас на природу.

— О, как это мило! — Миссис Притчет всплеснула пухлыми ручками.

Мрачно пыхтя сигарой, Макфиф спросил:

— Что происходит, Гамильтон? Вы кого обмануть собираетесь, а?

Тошнотворное облако сигарного дыма поплыло к заднему сиденью — прямо под нос миссис Притчет. Нахмурясь, она упразднила сигары. Макфиф обнаружил, что напрасно чмокает губами. На мгновение его лицо приобрело цвет свежеччищенной свеклы. Но Чарли поспешил взять себя в руки.

— Угу! — пробормотал он.

— Вы что-то сказали?.. — с улыбкой каннибала осведомилась миссис Притчет.

Макфиф не ответил; он неуклюже ощупывал карманы, надеясь, что хоть одна сигарета чудом уцелела.

— Миссис Притчет, — небрежно заметил Гамильтон, — вам не приходила в голову мысль, что ирландцы ничего не внесли в мировую культуру? Нет ни ирландских художников, ни ирландских музыкантов...

— Господи Иисусе! — Услышав такую наглость, Макфиф чуть не поперхнулся от неожиданности

— И музыкантов?.. — удивленно переспросила миссис Притчет. — Боже, неужели это так? Нет, я не задумывалась об этом.

— Ирландцы — нация варваров, — с садистским удовольствием продолжал Гамильтон. — Все, что они могут...

— Джордж Бернард Шоу!.. — в страхе завопил Макфиф. — Величайший драматург в мире! Уильям Батлер Йетс, величайший поэт! Джеймс Джойс, вели... — Он осекся. — Тоже поэт.

— Автор «Улисса»! — тоном обвинителя добавил Гамильтон. — Запрещенного долгие-долгие годы из-за неприличных и вульгарных страниц.

— Это великое искусство! — прохрипел Макфиф.

Миссис Притчет размышляла.

— Да, — согласилась она наконец, принимая решение. — Любой окружной судья признал бы это искусством. Так что, мистер Гамильтон, я думаю, вы тут не правы. Ирландцы очень талантливы в драматургии и в поэзии.

— Свифт, — прошептал с надеждой Макфиф, — написал «Приключения Гулливера». Сенсационная вещь.

— Хорошо, — дружелюбно кивнул ему Гамильтон. — Сдаюсь.

Едва не лишившись рассудка от пережитого страха, Макфиф откинулся на спинку сиденья, хватая ртом воздух. Физиономией он сейчас больше всего походил на утопленника.

— Как ты мог?! — осуждающе зашептала Марша на ухо мужу. — Ты — зверь!

Маленький инцидент позабавил мисс Рейсс; она с интересом и уважением посмотрела на Гамильтона:

— Вы подошли совсем близко...

— Ближе некуда, — ответил Джек, сам немного шокированный собственным поведением. — Сожалею, Чарли.

— Забудь, — хрипло выдавил Макфиф.

По правой стороне дороги тянулись странные пустыри — голая земля до горизонта. Джек попытался вспомнить, что же тут раньше располагалось. Ага, вспомнил: индустриальная зона и нефтеперерабатывающие заводы. Красители, мазут, гербициды, пластмассы... Вонючее, липкое, гнусное. Теперь все исчезло. Спешите радоваться...

— Я как-то раз посетила здешние места, — заметив удивление Джека, пояснила миссис Притчет. — И упразднила источник зловония.

— Заводы, значит, тоже приказали долго жить? — криво усмехнулся Джек. — Билл Лоуз будет разочарован, оставшись без мыловарни.

— Я оставила мыловаренные фабрики. — Старуха обидчиво поджала губы. — По крайней мере те, которые приятно пахнут.

Джек поймал себя на мысли, что жуткая трансформация действительности доставляет ему даже некое мрачное удовольствие. При всей своей нелепости и произвольности миссис Притчет мановением руки стирала с лица земли целые индустриальные районы. Джек не сомневался, что разгул безумия долго не продлится, поскольку уничтожалось само основание мира вещей. Никто не рождался, ничто не производилось. Телесная любовь перешла в категорию болезненных явлений, известных только узкому кругу специалистов. Нет, такая шизоидность должна была лопнуть под тяжестью своих же собственных законов.

И это навело Джека на мысль... Вероятно, надо начинать с другого конца. Должен быть более простой способ «освеживать кошку».

Вот только кошки тоже перестали существовать. Вспомнив о Прыг-Балде, Джек почувствовал прилив загнанной в подсознание ярости. Угораздило же бедного кота перейти ведьме дорогу... Но коты, во всяком случае, остались в том, настоящем мире. Артур Сильвестр, Балда, комары, химзаводы и Россия — все это продолжало существовать в подлинной реальности. Джек перевел дух.

Балде все равно бы здесь не понравилось. Мыши, мухи, кузнечики, тараканы — все помножено на ноль. К тому же в ханжеском мире нет места и подзаборным кошачьим радостям. Джек решил поставить пробный эксперимент.

— Смотрите-ка, — самым беззаботным тоном бросил он, когда за окнами машины промелькнули какие-то трущобы полузаброшенного городка. — Какие мерзкие развалины! Я возмущен до глубины души!

Трущобы сгнули. Естественно, в сем мире прибавилось свободного пространства.

— Так уже лучше. — Марша беспокойно поглядывала в окна. — Но, может быть, правильнее... я хочу сказать, пусть миссис Притчет решает сама.

— Я стараюсь помочь, — обворожительно улыбнулся Гамильтон. — В конце концов, я тоже хочу нести культуру в массы.

Мисс Рейсс не заставила себя долго ждать.

— Взгляните на того полисмена, — заметила она. — Штрафует беднягу водителя. Как может он так поступать?

— Мне жаль шофера! — пылко поддержал ее Джек. — Попался в лапы к дикарю. Наверно, еще один ирландец. Они все такие!

— Мне он кажется итальянцем, — возразила миссис Притчет. — Но разве полиция не делает доброе дело, мистер Гамильтон? Мне всегда казалось...

— Полиция — конечно. Но не автодорожные сторожевые псы. Есть разница.

— О!.. — кивнула миссис Притчет. — Понимаю.

Полицейские дорожной службы, включая того, что попался по пути, сгнули в небытие. Все в машине, кроме Макфифа, вздохнули с облегчением.

— Меня не обвиняй, — заметил Гамильтон. — Это все мисс Рейсс.

— Давайте упраздним мисс Рейсс, — угрожающе проворчал Макфиф.

— Ну, Чарли!.. — ухмыльнулся Джек. — Это не совсем гуманно с твоей стороны.

— Да, да!.. — сурово напустилась миссис Притчет. — Вы меня удивляете, мистер Макфиф.

Прямо-таки дымясь от бессильной злобы, Макфиф отвернулся к окну.

— Кто-то должен избавить нас от этих болот, — вдруг брякнул он. — От них зловоние до самого неба.

Заболоченная равнина перестала дурно пахнуть. Точнее, не стало и самих болот. Вместо них вдоль дороги появилась некая неопределенная низменность. Бросив взгляд в ее сторону, Гамильтон спросил себя, какой могла быть глубина исчезнувших болот. Не больше нескольких ярдов... Тут на обочину выскочила перепуганная стайка длинноногих птиц. Птицы растерянно крутили головами, потеряв привычную среду обитания.

— Смотрите! Какие интересные! — воскликнул Дэвид Притчет.

— Давай, давай! — поощрил его Джек. — От чего ты хочешь избавиться?

Дэвид рассудительно ответил:

— Я ни от чего не хочу избавиться. Я все хочу видеть.

Это отрезвило Гамильтона.

— Ты молодчина, — сказал он мальчику. — И не слушай никого, кто станет разубеждать тебя.

— Как я смогу стать ученым, если будет нечего изучать? — спросил Дэвид. — Куда идти за болотной водой, чтобы рассматривать ее под микроскопом? Все стоячие пруды исчезли.

— Стоячие пруды? — пытаюсь понять смысл разговора, переспросила миссис Притчет. — Что это такое, Дэвид? Я не уверена, что...

— И в полях больше нету разбитых бутылок, — обиженно сказал Дэвид. — И мне уже нечем пополнить свою коллекцию жуков. Ты убрала всех змей, и мой капкан змеелова больше не нужен. На что мне теперь смотреть: как уголь грузят на железной дороге? Теперь и угля-то нет! Раньше я всегда ходил через завод по производству чернил для паркеровских ручек — теперь нет завода. Ты вообще ничего не оставишь?

— Только приятные вещи! — с обидой в голосе ответила ведьма. — Тебе их вполне хватит для занятий. Ты же не станешь играть со всякой гадостью, не правда ли?

— И еще!.. — упрямо продолжал Дэвид. — Элинор Рут, девчонка, ее семья недавно переехала в дом напротив, обещала мне показать то, что у нее есть, а у меня нет, если я пойду с ней в гараж. Я пошел, а у нее ничего не оказалось. И это мне не нравится.

Миссис Притчет побагровела, казалось, ее хватит удар.

— Дэвид! — наконец удалось выкрикнуть ей. — Ты маленький грязный извращенец! Скажи, ради Бога, что с тобой случилось? Откуда в тебе эти животные наклонности?

— Наверное, от папаши, — еле слышно заметил Джек. — Дурная наследственность.

— Не иначе!.. — Миссис Притчет тяжело дышала, будто карабкалась на невидимую гору. — Дэвид, когда вернемся домой, я задам тебе такую трепку, что ты на всю жизнь запомнишь. Неделю сидеть не сможешь. Никогда в жизни я такого...

— Упраздните его, — с философским видом посоветовала мисс Рейсс.

— Не смей упразднять меня! — воинственно заорал Дэвид. — Только попробуй!

— Я позже с тобой поговорю! — Сверкнув злобно глазами, старая карга горделиво задрала морщинистый подбородок. — Сейчас я не желаю с вами общаться, молодой человек.

— У-у-у!.. — заныл Дэвид.

— Теперь я могу с тобой общаться, — напомнил мальчишке Джек.

— Я бы предпочла, чтоб вы этого не делали, — проворчала миссис Притчет. — Пусть до него дойдет наконец, что нельзя находиться в обществе приличных людей, если сам занят грязными

делишками.

— За мной тоже водятся грязные делишки... — начал было Гамильтон, но Марша хорошенько пихнула его, и Джек умолк.

— На твоём месте я бы помалкивала, — прошипела Марша.

Миссис Притчет молча уставилась в окно, мимоходом корректируя столь отвратительную для нее реальность. Ветхие фермерские усадьбы, старые ветряные мельницы исчезали на глазах. Ржавые кузова битых автомашин десятками покидали сей мир. Флигеля, времянки, амбары пропадали из виду вместе с сухими деревьями и кучами мусора. Походя, волна праведного гнева старой маразматички истребила одетых в потрепанные комбинезоны сезонных рабочих, гнувших спины на уборке урожая.

— А что это там такое? — раздраженно воскликнула ведьма.

Справа, как бельмо на глазу, торчало приземистое, уродливое здание из бетона.

— Это, — сообщил Гамильтон, — подстанция Тихоокеанской газоэлектрической компании. Она контролирует высоковольтные линии.

— Ну, что ж, — пожалала плечами миссис Притчет. — Полагаю, вещь полезная.

— Есть люди, склонные так думать, — ответил Гамильтон.

— Могли, конечно, сделать бы привлекательней. — Миссис Притчет возмущенно фыркнула. Когда машина проезжала рядом с подстанцией, четкие прямые линии здания вдруг задрожали и расплылись. И через мгновение в зеркале обратного вида можно было наблюдать странного вида коттедж с черепичной крышей, увитый плющом.

— Очень мило, — оглянувшись, пробормотала Марша.

— Подождите, когда придут электрики проверять кабели, — бросил Гамильтон. — Вот будет удивление!

— Ну что вы, — холодно улыбнулась мисс Рейсс. — Они ничего не заметят.

Солнце еще не добралось до своей полуденной точки, а Гамильтон уже выруливал с автострады к роскошной зелени дикого леса. Массивные стволы красного дерева возвышались вокруг; темные лощины мелькали по обе стороны от узкой дороги, которая вела в глубь парка «Биг-Сур» и вверх по склону Коун-пика.

— Страшно! — воскликнул Дэвид.

Дорога карабкалась вверх. Вскоре они выбрались на широкий склон, буйно заросший кустарником. Тут и там, как памятники древних времен, среди зелени поднимались обломки скал. Любимые цветы Эдит Притчет, золотые калифорнийские маки, цвели здесь в бесчисленном количестве. При виде этой картины миссис Притчет издала восторженный возглас:

— Какое великолелие!.. Лучшего места для пикника не придумаешь. Остановите машину!

Гамильтон послушно свернул с дороги и повел «форд» напрямик к поляне. Пришлось немного потрястись на ухабах, прежде чем миссис Притчет догадалась их упразднить. Вскоре Джек затормозил и выключил мотор. Вокруг стояла удивительная тишина, только потрескивал остывающий радиатор и доносились издали слабые крики птиц.

— Вот мы и приехали, — сказал Гамильтон.

Все оживленно вывалились из машины. Мужчины достали из багажника корзины с провизией. Марша взяла одеяло и фотокамеру. Мисс Рейсс — термос с чаем. Дэвид резво носился вокруг, хлестал по кустам длинным прутом и вспугнул даже целое семейство куропаток.

— Ну что за прелесть! — умилилась птичкам миссис Притчет. — Смотрите, даже птенцы летают!

Жилья вокруг явно не было. Только зеленые волны леса плавно спускались вниз к океану, словно стремясь слиться с синевой воды. Зрелище впечатлило даже Дэвида.

— Вот это да!.. — прошептал он. — Вот это здорово!

Миссис Притчет покрутилась немного и ткнула пальцем в том месте, где надо расстелить одеяло. Открыли корзины с припасами. Салфетки, картонные тарелочки, вилки и чашечки весело расходились по кругу.

Украдкой забравшись поглубже в кусты, Джек лихорадочно принялся готовить «угощение» для старухи. Никто не обращал на него внимания. Джек развернул носовой платок и смочил его хлороформом. Прохладный ветерок отнес дурманящий запах в сторону, его никто даже не почувал. Порция хлороформа предназначалась только для одной особы. Все пройдет быстро, эффективно, а главное — безболезненно.

— Чем ты занимаешься, Джек? — проговорила вдруг неожиданно возникшая рядом Марша.

Застигнутый врасплох, Джек воровато вздрогнул, едва не уронив бутылочку с хлороформом.

— Ничем, — ответил он глухо. — Ступай к остальным и готовь закуску.

— Ты что-то затеваешь! — Марша нахмурилась, а потом ловко глянула Джеку за плечо. — О Боже! Это крысиный яд?

Гамильтон злорадно усмехнулся:

— Лекарство от кашля. У меня катар.

— Ты задумал очередную пакость! — У Марши от гнева округлились глаза. — Я ведь вижу! Ты всегда крутишь, если готовишься что-нибудь выкинуть.

— Просто собираюсь положить конец безумию, — заявил Джек с решимостью фаталиста. — С меня хватит!

Марша цепко схватила мужа за руку: — Джек, умоляю, ради меня...

— Тебе нравится дебильная империя старухи? — Он рывком освободился от тонких пальчиков Марши. — Тебе, Лоузу и Макфифу!.. Вам хорошо и весело, пока ведьма упраздняет людей, животных, насекомых — все, что превосходит ее убогое воображение!

— Джек, ничего не делай, пожалуйста! Обещай мне!

— Извини. Все решено. Жернова завертелись.

Близоруко шурясь в их сторону, миссис Притчет позвала:

— Идите сюда! Тут йогурт с бутербродами — торопитесь, пока все не съели!

Встав на пути у мужа, Марша горячо зашептала:

— Я не пущу тебя! Ты не должен, Джек!.. Неужели тебе непонятно? Вспомни Артура Сильвестра...

— Уйди с дороги! — резко оборвал он ее. — Снадобье испаряется.

К его изумлению, глаза супруги неожиданно наполнили слезы.

— Боже мой... Джек, милый! Что со мной будет? Я не выдержу, если она упразднит тебя. Я умру.

Сердце Гамильтона дрогнуло.

— Ну, не глупи...

— Это правда.

Слезы беспомощно катились по ее щекам; вцепившись в Джека, она толкала его назад. Но все усилия Марши были напрасны. Мисс Рейсс уже переместилась на другое место, и в результате миссис Притчет повернулась к разыгравшейся сцене спиной. Дэвид, отвлекая внимание мамы, возбужденно демонстрировал ей разноцветные камешки, откопанные им где-то поблизости. Нельзя больше ждать ни секунды; другого случая может не подвернуться.

— Стань в сторонке, — мягко попросил Гамильтон жену. — Если не можешь смотреть, отвернись.

Решительным движением он отодвинул Маршу в сторону.

— В конце концов, рискую-то я ради тебя. Ради тебя, и Лоуза, и Прыг-Балды, и всех нас. Даже

ради дурацких сигар Макфифа.

— Я люблю тебя, Джек, — убитым голосом сказала Марша.

— А я спешу! — бросил Джек в ответ. — Понятно?

Она кивнула:

— Понятно. Желаю удачи.

— Спасибо. — И уже двинувшись вперед, добавил: — Рад, что не сердишься из-за Силки.

— А ты на меня?

— Сержусь, — буркнул Джек. — Но, вероятно, перестану, когда увижу девчонку живой и невредимой.

— Надеюсь, что увидишь, — пролепетала виновато Марша.

— Ну, держи пальцы крест-накрест.

Размашисто шагая по упругому дерну, Джек быстро приблизился к Эдит Притчет, рассевшейся как слон на солнце. Миссис Притчет как раз допивала из бумажного стаканчика чай с апельсином. В левой руке она держала половинку вареного яйца. На толстых коленях покоились тарелка винегрета и банка абрикосового компота. Когда Джек уже навис над старухой, мисс Рейсс поспешно проговорила:

— Миссис Притчет, вы не передадите мне сахар?

— Ну конечно, дорогая! — Она положила остатки яйца на салфетку и взялась за бумажный пакет с сахаром.

— Боже!.. — Ведьма вдруг сморщила нос. — Откуда этот противный запах?

И пропитанный хлороформом платок исчез из дрожащих рук Гамильтона. Бутылочка, заткнутая за пояс и слегка давившая в бедро, перестала беспокоить. Миссис Притчет вежливо передала пакетик с сахаром мисс Рейсс и вернулась к трапезе.

Все кончилось. План рухнул — тихо, бесповоротно.

— Восхитительный чай! — заявила миссис Притчет, когда рядом появилась озадаченная Марша. — Вас можно поздравить, дорогая! Вы — прирожденный кулинар!

— Так оно и есть, — подтвердил Джек.

Он уже пришел в себя от неожиданного поражения, уселся на землю и нервно потирал руки:

— Что тут у нас хорошего?

Дэвид широко раскрытыми глазами уставился на него, разинув рот.

— Бутылка пропала! — громко заныл он. — Она пронюхала!

Игнорируя вопли мальчика, Гамильтон спокойно выбирал себе закуску.

— Я, пожалуй, возьму всего понемножку! — жизнерадостно объявил он. — Все так замечательно!

— Берите, угощайтесь! — прошамкала с набитым ртом миссис Притчет. — Попробуйте этот чудный сыр с сельдереем и сливками. Невероятно вкусно!

— Спасибо! — кивнул признательно Гамильтон. — Так и сделаю.

Дэвид Притчет, уже на грани истерики, вскочил на ноги и, гневно указывая на мать пальцем, завизжал:

— Это ты, мерзкая жаба, взяла наш хлороформ! Ты сделала, чтоб он пропал!

— Да, дорогой, — запросто подтвердила миссис Притчет. — Ужасный, отвратительный химикат, и, честно говоря, я не представляю, для чего он тебе. Погулял бы лучше вокруг, посмотрел. Здесь, кстати растут замечательные папоротники. Тебе полезно на них взглянуть.

Раздался звенящий от напряжения голос мисс Рейсс:

— Миссис Притчет, что вы собираетесь делать с нами?

— Господи, — сказала миссис Притчет, накладывая себе еще винегрета, — что за странный вопрос? Ешьте, дорогая. Вы такая худенькая, вам действительно неплохо бы поправиться.

Машинально все продолжали жевать. Но только миссис Притчет ела с видимым удовольствием; она сопела и чавкала, напоминая в эти мгновения экзотическое животное, только что очнувшееся от голодной спячки.

— Здесь так мирно, — промямлила она. — Только ветер шумит в верхушках сосен.

Высоко над лесом послышался слабый рокот самолета — это совершал рейд патруль береговой охраны...

— Что такое?.. — Брови миссис Притчет сошлись у переносицы. — Непрошеное вторжение...

Самолет, как *и вообще все* самолеты в этом мире, выбыл из игры.

— Понятно, — с наигранным безразличием сказал Гамильтон. — Что следующее на очереди?

— Сырость! — Миссис Притчет скорчила брезгливую гримасу.

— Не понял?..

— Сырость! — Она заерзала на подушке. — Я чувствую сырость от земли. Это неприятно.

— А вы можете упразднить даже понятие? — спросила мисс Рейсс.

— Могу, дорогая!

Земля вдруг стала на ощупь, теплой и сухой, как поджаренный тост.

— И ветер немного прохладен, вы не находите?

Ветер стал согревающе ласковым, будто тепло от камина.

— Ну, как вам теперь?

Джека захлестнуло чувство отчаянной бесшабашности. В конце концов, терять уже нечего: все равно безумие уничтожит самое себя. Надо ускорить развязку;

— Вам не кажется, что цвет у океана отвратительный? — спросил он. — Глядеть противно!

Свинцово-синяя ширь океана окрасилась зеленою пастельных оттенков.

— Так гораздо лучше, — высказалась Марша. Она сидела рядом с Джеком, судорожно стиснув ладонь мужа. — О, дорогой... — беспомощно пробормотала она.

Гамильтон привлек жену к себе и указал вдаль:

— Посмотрите, как вон та чайка летает!

— Она охотится за рыбой, — прокомментировала мисс Рейсс.

— Нехорошая птица, — заключил Гамильтон. — Убивает беспомощных рыб.

Чайка растворилась в воздухе.

— Но рыбы сами виноваты, — строила логическую цепочку мисс Рейсс. — Они уничтожают другие формы жизни — маленьких рачков, планктон и водоросли.

— Злобные, алчные рыбы! — подхватил Гамильтон.

По дрогнувшей глади океана пробежала рябь. Рыба, как вид жизни, была списана за ненадобностью. Кстати, со скатерти-самобранки одновременно пропало блюдо копченой селедки.

— Ой!.. — воскликнула Марша. — Это был импорт из Норвегии.

— Должно быть, обошлось недешево, — проворчал Макфиф. — Импорт всегда пожирает изрядные суммы.

— Кому нужны деньги?! — удивленно, будто открыв великую истину, оглядел собравшихся Джек. Достав из кармана горсть мелочи, он швырнул ее вниз по склону. Яркие кружочки металла сверкнули на солнце. — Деньги — грязь и тлен.

Блестеть монеткам пришлось недолго. В кармане у Гамильтона странно хрюкнул бумажник: улетучились банкноты.

— Очаровательно! — хихикнула миссис Притчет. — Как мило, что все вы мне помогаете! Иногда мне идей не хватает.

Вдали на склоне корова щипала траву.. В тот момент, когда взоры обедающей компании обратились на нее, корова поднатужилась и произвела нечто не к столу сказанное...

— Упразднить коров! — закричала мисс Рейсс, но это оказалось излишним. Эдит Притчет

успела почувствовать неудовольствие — и корова испарилась.

Но одновременно у Джека исчез ремень. Туфли Марши. И сумочка мисс Рейсс. Все, что сделано из кожи. А со скатерти пропали йогурт и сливочный сыр.

Мисс Рейсс протянула руку и дернула за ботву сухого бурьяна.

— Какие неприятные растения! — пожаловалась она. — Я укололась...

Упомянутые растения ушли в забвение. Также сдуло почти всю траву на пастбище, где прежде паслись коровы. Теперь вокруг расстилалась лишь голая земля да камень.

Прыжками носясь по кругу, как клоун по манежу, Дэвид кричал:

— Мне попался колючий можжевельник! Ядовитый можжевельник!

— Деревья вообще ядовиты, — сделал открытие Гамильтон. — И репейники, лопухи... сорняки всякие...

От этих слов рощу справа сильно трянуло. Лес вокруг тоже затрепетал, будто по нему прошла гигантская невидимая расческа. После такой «стрижки и укладки» проплешин в растительном мире явно прибавилось.

Марша хмуро пыталась спрятать подальше остатки своей обуви — лохмотья дратвы и металлические заклепки.

— Просто безумие какое-то! — прошептала она Джеку.

— Упразднить обувь! — предложил Гамильтон.

— Неплохая мысль, — согласилась миссис Притчет. Глаза ее горели сумасшедшим огнем: — Обувь жмет ноги!

Остатки туфель исчезли у Марши из рук. Кстати, вместе с обувью остальных присутствующих. Макфиф нервно заерзал своими большими ступнями в желто-красных носках. Не найдя, куда пристроить ноги, он смущенно подтянул их под себя. Тут на горизонте появился дымок океанского сухогруза.

— Алчные торговцы стригут купоны, — констатировал Гамильтон. — Сотрем их с карты морских путей!

Темный дым на горизонте пропал. Торговое судоходство стало достоянием истории.

— Теперь намного чище! — одобрила мисс Рейсс.

По шоссе приближалась машина. Из открытого окна долетели веселые звуки джаза.

— Упраздните радио, — посоветовал Джек.

Шум прекратился.

— Заодно бы и телевизоры, и кино...

Видимых перемен не произошло; но кино и телевидение наверняка завершили свое существование.

— А как же остальная дешевка? Аккордеоны, гармонии, банджо, маракасы!..

Наверное, многие музыканты в мире тотчас получили хороший подарок.

— Рекламу! — закричала мисс Рейсс при виде длинной тяжелой автоцистерны, размалеванной по бокам яркими буквами.

Слова на бортах цистерны увяли.

— Грузовые машины — туда же!

Тягач с цистерной напрямик въехали в небытие, выплюнув ошалевшего водителя в кювет, как косточку от компота.

— Ему больно, — жалобно проговорила Марша.

Водитель, не успев выползти на дорогу, исчез...

— Топливо! — подсказал Гамильтон. — То, что везла цистерна.

В мире не стало больше дизельного топлива.

— Нефть, скипидар, нафталин!.. — внесла свою лепту в дело улучшения реальности мисс

Рейсс.

— Пиво, медицинский спирт, чай! — добавил Гамильтон.

— Повидло, мед и шипучка, — предложила мисс Рейсс.

— Яблоки, апельсины, лимоны, абрикосы, груши... — робко подала идею Марша.

— Изюм и персики, — мрачно проворчал Макфиф.

— Орехи, лакрица и бататы! — продолжил Джек.

Миссис Притчет любезно упразднила упомянутые категории. Стаканчики чая опустели. Скатерть, заставленная едой, заметно обеднела.

— Яйца и сосиски! — вскочив на ноги, закричала мисс Рейсс.

— Сыры! Дверные ручки! Вешалки! — тоже вставая, добавил Гамильтон.

Идиотски хихикая, миссис Притчет продолжала вращать жернова своей адской мельницы.

— В самом деле!.. — колыхая телесами от охватившего ее веселья, задыхаясь от смеха, проговорила она. — Но не слишком ли далеко мы зашли?

— Чеснок, бигуди и зубные щетки! — чуть громче произнесла Марша.

— Сера, карандаши, мел, помидоры! — захваченный общей шизофренией, выпалил Дэвид.

— Трава, автомобили, газонокосилки! — пролаяла мисс Рейсс.

На краю поляны благополучно окончил свои дни «форд» Гамильтона. Склоны холмов будто вытоптало стадо мамонтов.

— Тротуары, — зашел с другого бока Джек.

— Питьевые фонтанчики, часы... — добавила Марша.

— Мебельная политура, — приплясывая, взвизгнул Дэвид.

— Массажные щетки, — отчеканила мисс Рейсс.

— Комиксы, — напомнил Макфиф. — И эти торты с надписями кремом. Французская стряпня.

— Кресла, — неожиданно для себя сказал Гамильтон, и ему стало жарко от собственной смелости, — и диваны!

— Диваны — аморальная вещь! — подтвердила мисс Рейсс, в возбуждении не заметив, что наступила на термос. — Долой их тоже! И стекло! Все стеклянное.

Миссис Притчет послушно упразднила очки мисс Рейсс, как и все стеклянные изделия.

— Металлы! — прокричал изумленный Гамильтон.

У брюк пропала «молния». Металлический корпус термоса тоже исчез. Часы на запястье у Марши... металлические пломбы в зубах... и даже крючки на женском белье.

Потерявший голову Дэвид, прыгая за спинами у взрослых, провизжал:

— Одежду!

В тот же миг все оказались в чем мать родила. Но никто не испытывал и тени смущения, ибо разница полов, как самая страшная скверна, была устранена гораздо раньше.

— Растительность! — сказала Марша и поднялась, чтобы встать рядом с мужем.

На этот раз перемены вышли значительные. Ближние холмы и далекие горы мигом облысели, превратившись в гигантские голые черепа. На них, будто пятна запекшейся крови, темнели лишь небольшие островки жухлой земли.

— Облачность! — с перекосившимся лицом крикнула мисс Рейсс. Несколько белых нежных перышек, пливших по небу, растаяли. — И дымку тоже!

Солнце вспыхнуло слепящим заревом.

— Океаны, — прорычал Гамильтон.

Пастельную зелень, простирившуюся до горизонта, сморгнуло, как соринку на ресницах. Осталась только пропасть без конца и края. Потрясенный Джек замер, и паузой воспользовалась мисс Рейсс:

— Песок!

Колоссальная бездна осела еще глубже...

Низкий зловещий звук пророкотал в потревоженных глубинах — нарушился баланс земной коры.

— Не отставайте! — задыхаясь, подстегнула всех мисс Рейсс; лицо ее исказилось, словно она с головой окунулась в любовный экстаз. — Что дальше? Что осталось?

— Города! — тут же предложил Дэвид.

Гамильтон нетерпеливо отмахнулся.

— Земной рельеф, — рявкнул он.

Все обнаружили себя стоящими на гладкой, как стол, равнине. Шесть голых, бледных фигур равного веса и формы лихорадочно озирались вокруг.

— Всех животных, кроме человека! — выпалила мисс Рейсс.

Сделано.

— Все формы жизни, кроме человека! — превзошел ее Гамильтон.

— Кислоты! — возопила мисс Рейсс.

Невыносимая боль мгновенно скрутила тело. Все, скорчившись, с перекошенными лицами рухнули на колени. Радикально менялись основы химического строения тел: Но люди продолжали биться в судорогах отрицания.

— Соли! — процедил Гамильтон.

И вновь до самых пят всех пронзила невидимая агония клеток.

— Нитраты! — пронзительно взвизгнула мисс Рейсс.

— Фосфор!

— Йод!

— Кальций! — Мисс Рейсс, почти теряя сознание, опустилась на четвереньки. Все остальные выглядели так, будто только что покинули камеру пыток. Разбухшее, пульсирующее тело Эдит Притчет дергалось в конвульсиях.

Из раскрытого рта выползала струйка слюны, но старуха упрямо пыталась сосредоточиться на предлагаемых ей категориях.

— Гелий! — хрипло прокаркал Гамильтон.

— Двуокись углерода... — прошептала мисс Рейсс.

— Азот, — сумел выдавить Джек.

Вокруг все оплывало, словно воск. Теряло краски. Закружил черный вихрь первозданного хаоса.

— Неон! Фреон!

Медленно смыкалось кольцо небытия.

Мисс Рейсс, в последнем судорожном усилии, рванулась и прохрипела:

— Воз-дух!

Атмосферу сдуло в одно мгновение. Легкие обожгла вселенская пустота, и Джек стал погружаться в собственную смерть. В распадающейся картине мира взгляд зафиксировал последнее: тело Эдит Притчет конвульсивно перевернулось и застыло; сознание покинуло ее.

Они победили. Старая ведьма больше не властна над ними. Они покончили с ней и теперь наконец свободны... пусть даже на границе жизни и смерти, но свободны...

Кажется, он пока еще жив. Тело бессильно распростерто, грудь судорожно вздымается, пальцы царапают землю. Но где же он находится?..

Ценой невероятного усилия Джек открыл глаза.

Нет, это явно не мир миссис Притчет... Вокруг глухо пульсировала тьма; она обволакивала и давила. Но взгляд уже лихорадочно нащупал другие фигуры, разбросанные там и тут.

Вот неподалеку Марша, затихшая и неподвижная. За ней виднелся Чарли Макфиф с разинутым ртом и остекленевшим взором.

Сквозь мутную пелену Джек разглядел также Артура Сильвестра, Дэвида Притчета, долговязую фигуру Билла Лоуза, а рядом — бесформенные очертания Эдит Притчет.

Неужели они еще в «Мегатроне»? Мгновенная острая радость пронзила Джека... и тут же пропала. Нет, это не «Мегатрон». Из горла вырвался булькающий стон, надулся пузырем едкой слюны и лопнул на растрескавшихся губах. Джек попытался ползти, но не было сил, чтобы сдвинуться с места. Как же спрятаться от нависшей угрозы, неясной тени, может быть — самой Смерти, а может — гигантского насекомого, собравшегося ужалить... Нечто жуткое склонилось над Джеком, приготовив острое жало...

Сухой, шелестящий, рвущий перепонки шепот проник в уши; ядовитое жало, вибрируя, поразило мозг. И когда Джек перестал кричать, выбившись из сил, то у него осталась возможность только слушать.

— Благодарю вас, — шептал чуть отдающий металлом голос. — Вы очень хорошо сыграли свою роль. Как я и планировала.

— Прочь от меня! — ответил Джек.

— Я уберусь, — пообещал голос. — Я подожду, когда вы займетесь своими делами. Я буду за вами наблюдать. Каждый из вас — интересен. Я давно слежу за вами, но не так, как мне хотелось бы. Я хочу все видеть с близкого расстояния и каждую минуту — все, что вы делаете; быть вокруг и внутри вас, чтобы схватить в любой момент. Мне надо быть в контакте с вами. Мне надо, чтоб вы делали то, что я захочу. Мне необходима ваша реакция, ваши чувства. Мне надо...

Теперь Джек понял, где очутился, в чьей реальности оказался. Он узнал монотонный металлический голос, резавший слух.

Голос Джоан Рейсс.

Глава 12

— Хвала Небу, — воскликнул кто-то рядом, судя по всему — женщина. — Мы вернулись. Мы вернулись в настоящий мир.

Черный вихрь улегся, падение в бездну прекратилось. Взору открылась знакомая панорама — лес и океан. Зелень парка Биг-Сур и лента шоссе у подножия Коун-пика вновь заняли надлежащее им место.

Над головой — чистое послеполюденное небо; золотистые калифорнийские маки искрятся мириадами росинок. На месте оказалась и скатерть-самобранка с баночками, блюдами, с бумажными стаканчиками и тарелочками. По правую сторону чуть шелестит на ветру сочная зелень рощи. «Форд», ослепительно сверкая, стоит точно там, где его оставили, — в конце поляны.

Над океаном кружит чайка. Грузовой дизель проревел вдоль шоссе, оставляя клубы черного дыма. В кустарнике зигзагами шиняет земляная белка, запутывая след к своей норе.

Наконец зашевелились остальные собратья по несчастью. Марша неуверенно поднялась на колени и молча озиралась вокруг. Неподалеку все еще неподвижно покоилась Эдит Притчет. За ней расположились Артур Сильвестр и Дэвид Притчет. Возле самой скатерти ворочался, словно кабан, застрявший в зарослях, Чарли Макфиф. Билл Лоуз отсутствовал. Наверное, где-нибудь в Сан-Хосе оплакивал потерю своего мыловаренного завода.

Рядом с Гамильтоном притулилась хлипкая фигурка — Джоан Рейсс. Она методично собирала свои вещи — сумочку, очки...

Затем, с бесстрастным выражением лица, стала приводить в порядок узел волос на затылке.

— Хвала Небу, — повторила она, — кошмары уже позади. Все кончено.

Несомненно, именно ее голос и вернул Джека к сознанию. Макфиф только приподнял голову и, поглядев вокруг мутным взором, тупо повторил:

— Позади... Кончено...

Мисс Рейсс деловито констатировала:

— Мы вернулись в реальный мир. Это замечательно! Повернувшись к неподвижному грузному телу на сырой траве, она произнесла:

— Вставайте, миссис Притчет. Мы ускользнули от вас! Ничего вы нам теперь не сделаете!

Она склонилась и ущинула пухлую руку старухи:

— Все теперь будет как положено!

— Слава Тебе, Господи! — набожно пробормотал Сильвестр, пытаясь подняться. — Но что это за ужасный голос?

— Неужели прошло... — прошептала Марша. В глазах ее светился огонек некоего странного чувства — смесь отчаяния и надежды. Кое-как она сумела подняться на дрожащие, подгибающиеся ноги. — Какая жуть явилась под конец! Я запомнила только кусочек...

— А что это было? — спрашивал испуганный Дэвид Притчет. — Страшное место и чей-то голос, такой неприятный...

— Все прошло, — слабым голосом успокаивал его Макфиф, молитвенно поднимая взор. — Мы в безопасности.

— Я помогу вам, мистер Гамильтон! — воскликнула мисс Рейсс, приближаясь к Джеку. Протянув свою худенькую, костлявую руку, она улыбалась бесцветной улыбкой. — Как чувствуете себя в реальном мире?

Джек не нашел что ответить. Конечно, можно было соврать, но от одной мысли об этом накатывала волна ледящего ужаса.

— Ну, ну, придите же в себя! — успокаивающим тоном проговорила она. — Рано или поздно вам придется встать. Отвезите нас обратно в Белмонт. Чем раньше каждый из нас вернется целым и невредимым домой, тем лучше я буду себя чувствовать.

Без малейшего следа сентиментальности на остром личике она добавила:

— Я хочу видеть вас возвратившимися к прежней жизни. И до тех пор я не успокоюсь.

Джек вел машину, будто робот, — механически, чисто рефлекторно. Впрочем, все остальное в тот день он делал точно так же. Вперед убегало ровное полотно шоссе, прорезая серые склоны холмов. Время от времени мимо проносились другие машины: чувствовалась близость прибрежной трассы.

— Уже скоро, — нетерпеливо повторяла мисс Рейсс. — Мы почти в Белмонте.

— Послушайте!. — хриплым голосом проговорил Джек. — Бросьте прикидываться наивной дурочкой. Прекратите свою садистскую игру!

— Какую игру? — мягко переспросила мисс Рейсс. — Я вас не понимаю, мистер Гамильтон.

— Мы не вернулись к реальности. Мы находимся в вашем мире — злом и параноидальном...

— Но я *создала* для вас настоящий мир, — просто ответила мисс Рейсс. — Неужели вы не видите? Посмотрите вокруг. Разве я плохо постаралась? Это было давно предусмотрено. Вы обнаружите, что все происходит как надо. Я ничего не забыла!

Вцепившись в руль так, что побелели костяшки пальцев, Гамильтон спросил:

— Вы ждали этого? Вы знали, что после миссис Притчет настанет ваш черед?

— Разумеется, — спокойно ответила мисс Рейсс. — Вы просто не дали себе труда подумать хорошенько, мистер Гамильтон. Почему Артур Сильвестр первым среди нас овладел ситуацией?

Потому что после аварии не потерял сознание. А почему за ним пришла очередь Эдит Притчет?

— Она шевелилась. Там, в «Мегатроне», — тихо сказала Марша. — Я видела, мне это снилось...

— Следует быть внимательней к тому, что вам снится, миссис Гамильтон! — заметила мисс Рейсс. — Вы помните, в каком порядке мы лежали? Я была следующей на очереди... к пробуждению.

— А кто после вас? — спросил Гамильтон.

— Кто за мной — не важно, мистер Гамильтон, потому что я последняя. Вы вернулись... то есть завершили странствие. Вот ваш мир — разве он плох? Для вас он и создан, чтобы все было так, как вы хотите.

— Я думаю, — проговорила Марша после долгого молчания, — нам ничего другого не остается.

— А почему бы вам нас не отпустить? — задал бесполезный вопрос Макфиф.

— Я не могу вас отпустить, мистер Макфиф. — Мисс Рейсс вздернула сухой подбородок. — Мне пришлось бы для этого *исчезнуть* самой.

— О нет, что вы! — торопливо возразил Макфиф, слегка заикаясь. — Просто мы могли бы как-нибудь отключить вас на время. Тот же хлороформ, например...

— Мистер Макфиф, — спокойно прервала его мисс Рейсс, — я слишком много трудилась для этого. Планировала тщательно и долго — сразу же после катастрофы. Как только поняла, что наступит и моя очередь. Позволительно ли теперь от этого отказываться? Может, другого случая уже не представится... Нет, это слишком редкий шанс, чтоб упускать его. Слишком редкий!

Через несколько минут Дэвид Притчет показал рукой:

— Это уже Белмонт!

— Как приятно снова оказаться дома, — дрожащим, неуверенным голосом заметила Эдит Притчет. — Наш городок очень мил.

Следуя указаниям мисс Рейсс, Джек развез всех по домам. Последними остались они с Маршей. Остановившись у дома мисс Рейсс, они молча наблюдали, как она ловко собрала свои вещи и юркнула из машины.

— Вы поезжайте! — крикнула она с тротуара. — Горячая ванна и постель — лучшее, что можно вам пожелать.

— Спасибо, — еле слышно отозвалась Марша.

— Попытайтесь расслабиться и приятно провести время, — наставляла мисс Рейсс. — И, пожалуйста, постарайтесь забыть все, что произошло. Все теперь позади. Я имею в виду неприятности.

— Да, конечно, — машинально кивнула Марша, — мы постараемся.

Шмыгнув через тротуар к подъезду многоквартирного дома, мисс Рейсс обернулась. В длинном вельветовом пальто, с сумочкой, перчатками под мышкой и экземпляром «Нью-Йоркер», купленным по пути, она могла показаться обыкновенной мелкой служащей, вернувшейся домой из конторы. Во всяком случае, она производила впечатление ничем не примечательной серой городской мышки. Холодный вечерний ветер растрепал ее жидкие волосы. Толстые очки в роговой оправе неестественно исказили и увеличивали глаза, делая их похожими на жабы.

— Может, я заскочу к вам на днях, — вкрадчиво проговорила она. — Мы могли бы вместе скоротать вечерок.

— Это... было бы замечательно, — выдавила Марша.

— Доброй ночи! — поставила точку мисс Рейсс. Коротко кивнув на прощание, она повернулась, взбежала вверх по ступенькам, отперла массивную дверь и исчезла в сумерках.

— Домой!.. — простонала Марша. — Джек, поехали домой поскорей!

Джек гнал машину так быстро, как только мог. Подъехав к дому, резко дернул ручной тормоз, выключил мотор и рывком распахнул дверь.

— Приехали!

Марша сидела неподвижно. Лицо ее сейчас больше всего, напоминало восковую маску. Джек бережно обхватил жену и вывел из машины; здесь он поднял Маршу на руки и понес по дорожке вдоль боковой стены и вверх по ступенькам крыльца.

— Во всяком случае, — дрожа, прошептала Марша, — Прыг-Балда, должно быть, вернулся. И секс тоже. Все вернется, правда? Все будет хорошо?

Джек не ответил. Он сосредоточенно отпирал дверь.

— Она желает власти над нами, — продолжала, словно в бреду, Марша. — Ну и что?.. В конце концов пусть. Она создала для нас реальный мир. Для меня он все тот же... Ты видишь разницу? Джек?.. Ради всего святого, скажи хоть что-нибудь!

Плечом он толкнул дверь и надавил на выключатель, зажигая в гостиной свет.

— Мы дома, — сказала, робко озираясь, Марша, когда муж осторожно поставил ее на пол.

— Да, дома! — Джек захлопнул дверь.

— Наш старый дом. Такой же, как всегда...

Расстегнув пальто. Марша, словно в трансе, прошлась по гостиной, разглядывая занавески, покрывала, книги, мебель, картины...

— Правда, замечательно? Все знакомое, родное... Никто не сыплет на тебя саранчу, никто не упраздняет вещи... Это здорово!

— Да уж, сенсация высшей пробы, — с горечью ответил Гамильтон.

— Джек... — Она подошла и встала рядом. — Не надо о ней дурно думать. Все будет не так, как у миссис Притчет. Она слишком умна для откровенного маразма и рассчитывает каждый шаг далеко вперед.

— Как минимум, на миллион лет вперед! — согласился Джек. — У нее появился шанс подмять нас под себя, и она им умело воспользовалась.

Ни с того ни с сего Джек нашупал у себя в кармане твердый цилиндрический предмет; в припадке неизъяснимой злобы он запустил им в стену. Бутылочка из-под хлороформа упала на коврик, покатилась и уткнулась, целехонькая, в ножку кресла.

— Отравы больше не поможет, — мрачно заметил он. — Пора признать поражение. На этот раз мы вляпались основательно, по самые... в общем, вляпались.

Марша достала из шкафа плечики и повесила пальто.

— Биллу Лоузу придется плохо.

— У него, наверное, так и чешутся руки начистить мне физиономию.

— Нет, — испугалась Марша. — Ты тут ни при чем.

— Как я посмотрю ему в глаза? Как я посмотрю в глаза любому из вас? Ты хотела остаться у миссис Притчет — а я тебя затащил сюда... попался на удочку этой психопатки!

— Не терзай себя, Джек. Это ничего не даст.

— Нет конечно. Ничего не даст.

— Я сварю кофе.

С порога кухни она повернула к мужу грустное лицо:

— Тебе кофе с коньяком?

— Да, да. Прекрасно!..

Вымученно улыбнувшись, она ушла на кухню. И какое-то время было тихо.

Затем раздался пронзительный визг.

Джек в тот же миг был на ногах; пулей пролетев коридор, он замер на пороге кухни.

Сначала он ничего не смог разобрать; Марша, прислонившись к столу, частично закрывала обзор... И только подойдя к ней вплотную, он разглядел — зрелище впилося в его мозг, как раскаленное шило в маргарин. Джек закрыл глаза, вцепился в Маршу и потащил ее прочь. Он зажал ей рот ладонью, визг женщины перешел в тихий стон. Джек и сам едва не орал от ужаса, собрав всю волю в кулак и балансируя на грани истерики.

Мисс Рейсс терпеть не могла котов и кошек, считая их тварями злокозненными и вредными.

В кухне на полу издыхал Прыг-Балда. Неведомая сила вывернула бедное животное нутром наружу... но кот все еще оставался жив. Кошмарное месиво продолжало функционировать; милая дама конечно же позаботилась об этом. Она не собиралась дарить своим врагам легкую смерть.

Дрожа и пульсируя обнаженными сосудами, сверкая влажными внутренностями, кровавый ком костей и мяса слепо тащился через кухню. Наверное, этот шизоидный путь изувеченного кота продолжался довольно долго — с момента возникновения реальности мисс Рейсс. За три с половиной часа агонизирующий комок плоти прополз полкухни.

— Но он не должен, — сквозь рыдания выла Марша, — он не может быть живым!..

Метнувшись во двор, Джек схватил совковую лопату, подцепил страшный груз и вынес его на задворки. Моля Бога о скорейшем избавлении от мук несчастного животного, Джек наполнил водой большое ведро и опустил туда дрожащую массу.

Даже в столь плачевном состоянии кот упорно пытался выбраться из воды. Но в конце концов с последней конвульсией погрузился на дно и расстался с жизнью.

Гамильтон сжег останки, торопливо вырыл яму и закопал их. Спрятав инструменты и умывшись, он вернулся в дом.

Прошло всего несколько минут, но Джеку показалось, что минула целая вечность. Марша тихо сидела в гостиной, обхватив руками колени, и отрешенно смотрела куда-то в пространство. Когда Джек оказался рядом, она не подняла глаз.

— Милая... — позвал он.

— Кончено?

— Кончено. Он умер. Можно только радоваться, он теперь недосыгаем. Никто больше не причинит ему боли.

— Даже завидно. За нас-то она еще не принималась.

— Она ведь кошек ненавидит, а к нам, надеюсь, подобных чувств не питает.

Марша повернулась к мужу.

— Вспомни, что ты ей сказал тогда ночью! Ты испугал ее. И она это наверняка запомнила.

— Да, верно. Она ничего не забывает.

Джек вернулся на кухню и сам приготовил кофе. Он уже разливал его по чашкам, когда тихо вошла Марша и стала доставать сливки и сахар.

— Вот в этом и заключается ответ, — проговорила она.

— На какой вопрос?

— На вопрос, можно ли нам жить. И. ответ — отрицательный. Хуже чем отрицательный.

— Хуже отрицательного ничего не бывает, — вяло возразил Джек, сам прекрасно понимая, насколько неубедительно звучат его слова.

— Она нездорова, да?

— По-видимому. Паранойя плюс мания преследования. Все, что зацепит ее лягушачий взгляд, тут же становится звеном в цепи всеобщего заговора.

— Но теперь, — вздохнула Марша, — ей не о чем беспокоиться. Потому что она, впервые в жизни, может сокрушить любой заговор.

Прихлебывая обжигающий кофе, Гамильтон рассуждал:

— Думаю, она действительно верит, что создала копию истинного мира. По крайней мере своего. Боже правый, ее *истинный мир* запросто переплюнет самый лютей бред алкоголика или наркомана!

Он с минуту помолчал, затем продолжил:

— То, что она сотворила с котом... Маньячка, очевидно, решила, что с ней проделали бы то же самое, попадись она в лапы воображаемых врагов. Натуральная фобия. Она свято верит, что все решается именно таким способом.

Поднявшись, Джек обошел комнаты и занавесил окна. Солнце уже село. Пустынные улицы окутала темнота.

Джек открыл ящик стола, достал пистолет 45-го калибра и принялся набивать обойму.

— Она глубоко заблуждается в собственном всевластии.

Он сунул оружие во внутренний карман пальто. Пальто оттопырилось бугром на груди.

Марша грустно улыбнулась:

— Ты похож на бандита.

— Я частный детектив.

— А где твоя секретарша с шикарным бюстом?

— Это ты, — улыбнулся Джек.

Марша застенчиво подняла руки.

— А я все гадаю: заметит муженек, что жена... в норме?

— Уже заметил.

— И как?.. — лукаво спросила она.

— Придется терпеть. Как в старые добрые времена.

— Так странно... Чувствую себя почти толстухой.

Плотно сжав губы, Марша прошлась по кругу.

— Тебе не кажется, что я снова привыкну? Но все равно ощущение странное... Эдит Притчет здорово заморочила мне голову.

Гамильтон с иронией ответил:

— Это в прошлом. Теперь нас несет по другой колее.

Стыдливо пряча свою радость. Марша предпочла не расслышать последнюю фразу.

— Давай, Джек, спустимся вниз! В нашу музыкальную комнату. Там можно... расслабиться и послушать музыку.

Подойдя вплотную к Джеку, она положила свои маленькие ладошки мужу на плечи:

— Пойдем?

Джек резко отстранился:

— В другой раз.

Оскорбленная и удивленная. Марша опустила руки:

— В чем дело?

— А ты не помнишь?

— О!.. — Она кивнула. — Та девица, официантка... Но ведь она исчезла! Когда вы с ней были там.

— Она не официантка.

— Вероятно, да.

Лицо Марши посветлело:

— В конце концов она же вернулась! Так что все в порядке. Разве нет? И знаешь, Джек... — Она с надеждой заглянула ему в глаза. — Я не обижаюсь из-за нее. Я понимаю...

Джек так толком и не понял, раздражает или забавляет его это странное признание.

— Что же именно ты понимаешь?

— Ну, как... ты чувствовал себя тогда. В том смысле, что к ней это не имело никакого отношения; она была всего лишь предлогом. Ты выражал *протест*.

Гамильтон привлек Маршу к себе:

— Ты невероятно широко мыслящая натура!

— Я считаю, что на вещи надо смотреть по-современному, — важно заявила Марша.

— Рад это слышать.

Высвободившись из объятий. Марша игриво потянула Джека за ворот рубашки.

— Ну, пойдем?.. Ты так давно не крутил для меня пластинки... Я жутко ревновала, когда вы вдвоем отправились вниз... Давай послушаем что-нибудь из наших любимых!

— Ты имеешь в виду Чайковского? Ты всегда ставишь его, когда говоришь о «наших любимых».

— Иди включи свет и отопление. Чтоб было светло, тепло и уютно. Тогда я и приду.

Джек склонился и поцеловал ее в губы.

— Все будет просто излучать эротику, — пообещал он.

Марша наморщила носик.

— Излучать? Эх, вы, физики!..

На лестнице было темно, тянуло холодом. Осторожно ступая, Гамильтон спускался во тьму. Хорошее настроение понемногу возвращалось к нему вместе с предвкушением привычного ритуала любви. Беззвучно напевая про себя, он спускался медленным шагом, по долгому опыту прекрасно зная, куда поставить ногу, где сделать поворот...

Вдруг что-то жесткое и липкое задело за штанину и прицепилось к ней. Тяжелое, волокнистое, сочащееся слизью. Джек бешено отдернул ногу. Внизу, с последней ступеньки, нечто большое и волосатое метнулось в музыкальную комнату и затаилось там.

Застыв на месте, Джек прислонился к стене. Вытянув руку, он нащупал внизу выключатель; резко шаркнув ладонью по стене, включил освещение и поспешно разогнулся. Лампа замигала и вспыхнула желтоватым светом...

Над лестницей висела паутина: множество нитей, грубо сплетенных и перепутанных, бесформенное кружево какого-то уродливого монстра. Ступеньки покрывал толстый слой пыли; потолок испоганен пятнами бурой слизи, будто чудовище ползало повсюду, забиралось во все углы, в каждую щель.

У Джека задрожали колени. Он со стоном опустился на ступеньку. Нет сомнений, тварь там, внизу, поджидает его в затхлой темноте. Ворвавшись в неоконченную сеть, Джек спугнул гадину. Паутина еще недостаточно крепка, чтобы удержать взрослого человека. Значит, можно попробовать вырваться...

Джек стал высвобождаться — медленно и тщательно, стараясь как можно меньше тревожить гнусные тенета. Нити и волокна кое-как распутались и отлипли, нога высвободилась из плена. Штанина оказалась загажена тягучей клейкой массой, словно по ней прополз гигантский слизняк. Дрожь омерзения сотрясла Гамильтона; он вцепился в перила и стал медленно подниматься вверх.

Джек успел одолеть только две ступеньки, как вдруг ноги отказались повиноваться. Тело уже поняло то, что еще не мог признать разум. Он возвращался не вверх, а вниз. В музыкальную комнату.

Охваченный ужасом, Джек развернулся кругом и стал карабкаться в противоположном направлении. И вновь произошло нечто чудовищное — он двигался по-прежнему вниз... туда, где корчились зловещие тени и блестела ловчая сеть паутины.

Он был в западне.

Согнувшись, Джек вглядывался в тягучую, неотвратимо-влекущую тьму. И тут услышал

посторонний звук; сзади, на верхней площадке, появилась Марша.

— Джек?... — раздался голос жены.

— Не ходи сюда! — прорычал он, выворачивая шею, пока не увидел очерченный светом женский силуэт. — Держись от лестницы подальше!

— Но...

— Оставайся на месте, я сказал!

Схватившись за поручень, как утопающий за соломинку, Джек кое-как перевел дух и собрал расплывающиеся мысли. Надо двигаться медленно, не поддаваясь соблазну вскочить повыше или отчаянно ринуться к ярко освещенному дверному проему, где виднелась фигурка жены.

— Скажи, что там? — резко спросила Марша.

— Не могу.

— Скажи немедленно, или я спускаюсь! — В голосе Марши звучала решимость.

— Послушай, — Джек сорвался на хрип, — я, кажется, не могу подняться.

— Ты ранен?

— Нет, цел пока. Но что-то случилось... Когда я хочу подняться... — он судорожно перевел дух, — оказывается, что я спускаюсь.

— Что же мне делать? И почему ты спиной ко мне? Повернись, пожалуйста!..

Смех Гамильтона напоминал больше похоронное карканье.

— Конечно, я повернусь к тебе!

Держась за поручень, он осторожно повернул голову... и продолжал видеть только нижний конец лестницы.

— Джек, прошу тебя! — умоляла Марша. — Повернись, пожалуйста, посмотри на меня!

Гнев поднялся горячей волной... Невыразимая ярость полного бессилия. Подавив готовое вот-вот сорваться грязное ругательство, Джек съехал ниже еще на одну ступеньку.

— Проклятие! — выпалил он. — Проклятие!.. Из глубины дома послышалась трель дверного звонка.

— Кто-то пришел! — в страхе закричала Марша.

— Ну, иди впусти!

Джек тяжело вздохнул и поморщился, всем видом показывая: от судьбы не уйдешь. Получается так, что он малодушно капитулировал...

Несколько секунд Марша раздумывала, принимая решение. Затем, молниеносно развернувшись, исчезла. И только свет из прихожей отбрасывал на лестницу длинную тень. Его, Джека, собственную тень — дурную, искаженную...

— Боже праведный! — зазвучал где-то рядом резкий мужской голос — Что ты делаешь там, Джек?

По-обезьяньи раскорячившись и выгнув до боли шею, Джек рассмотрел долговязую фигуру Билла Лоуза.

— Помоги мне, — тихо проговорил Гамильтон.

— Конечно!

Лоуз обернулся к Марше:

— Оставайтесь здесь и держитесь покрепче за что-нибудь. Схватив ее руку, он показал Марше, как надо ухватиться за угол стены.

— Удержитесь?

— Думаю, что да, — кивнула Марша.

Взяв женщину за другую руку, Лоуз стал на цыпочках спускаться по ступенькам. Спустившись как можно ниже, он присел на корточки и протянул открытую ладонь вниз.

— Ну как, дотянешься? — спросил он Гамильтона.

Джек, не в силах обернуться, вывернул руку назад, навстречу Лоузу. Видеть-то он его не мог, но чувствовал, что негр где-то рядом, слышал даже его хрипкое частое дыхание.

— Ничего не выйдет, — после нескольких тщетных попыток констатировал Лоуз. — Ты слишком далеко.

Джек опустил онемевшую от напряжения руку и с обреченностью висельника присел на ступеньку.

— Жди и не двигайся! — крикнул Лоуз. — Я сейчас!..

Он с грохотом побежал наверх, увлекая с собой Маршу.

Когда он вернулся, с ним был Дэвид Притчет.

— Держись за руку миссис Гамильтон, — велел он мальчику. — Не спрашивай ни о чем — делай, как говорят.

Ухватившись за угол на верхней площадке. Марша другой рукой сжала ладошку мальчика. Лоуз отвел Дэвида чуть ниже по лестнице, затем спустился сам. Получилась своеобразная живая цепочка.

— Я иду, — буркнул Лоуз. — Ты готов, Джек?

Держась за перила, Джек вновь вывернул руку назад. Хрипкое дыхание Лоуза раздавалось совсем близко; Джек ощущал, как дрожит лестница под сильными шагами негра. Затем — о, чудо! — жесткая потная ладонь обхватила руку. Мощным рывком Лоуз сорвал Гамильтона с места и натужно потащил наверх.

Задыхаясь, они оба вывалились на площадку. Дэвид в испуге убежал; Марша, подымаясь с коленей, потянулась к спасенному мужу. Джека бил озноб.

— Что произошло? — спросил Лоуз, немного отдышавшись. — Какая пакость там внизу?

— Я... — Джек едва мог говорить. — Я не мог выбраться наверх. Как ни изворачивался... Оба направления вели туда же — вниз.

— Там кто-то прячется, — хмуро заметил Лоуз. — Я видел.

Гамильтон кивнул:

— Она все это время поджидала меня.

— Она?

— Мы расстались на том месте... Она стояла на лестнице, когда Эдит Притчет упразднила ее.

Марша издала болезненный стон:

— Он говорит об официантке.

— Она вернулась, — пояснил Гамильтон. — Но она не официантка. Во всяком случае не в этом мире.

— Мы можем заколотить лестницу, — предложил Лоуз.

— Да, — согласился Джек. — Обязательно заколотите. Чтобы она не добралась до меня.

— Мы это сделаем, — заверил его Лоуз. Он и Марша тесно обступили Джека, пока он стоял на площадке, глядя в затянутый паутиной полумрак лестницы.

Глава 13

— Нам надо поймать мисс Рейсс, — заявил Гамильтон, когда остальные «странники по мирам» появились в гостиной. — И прикончить. Быстро — и в полном смысле этого слова. Без колебаний. Как только она окажется в наших руках.

— Она сама нас прикончит, — проворчал Макфиф.

— Не всех. Но, возможно, многим из нас достанется...

— Все равно так будет лучше, — заметил Лоуз.

— Это точно, — кивнул Джек. — По крайней мере, намного лучше, чем просто сидеть и ждать. Этому миру надо положить конец.

— Есть несогласные? — обвел собравшихся ястребиным взором Артур Сильвестр.

— Нет, — пискнула Марша. — Никто не спорит.

— А как вы, миссис Притчет? — спросил Гамильтон. — Что скажете?

— Конечно, ее надо усыпить, — откликнулась миссис Притчет. — Бедняжка!

— Бедняжка?!

— В этом мире ей приходится жить. Ужасный, безумный мир. Представьте себе... Год за годом. Мир, полный иллюзорных врагов, каждодневный, непрекращающийся кошмар.

Не сводя глаз с заколоченной двери в полуподвал, Дэвид Притчет жалобно спросил:

— А та штуковина не доберется до нас?

— Нет, — успокоил его Лоуз. — Не сможет. Она останется там, пока не подохнет с голоду. Или до тех пор, пока мы не прихлопнем мисс Рейсс.

— Значит, все согласны! — попытожил Гамильтон. — Это уже хорошо. Единственный мир, в котором не хочет оставаться никто.

— Решить-то мы решили, — сказала Марша, — но как задуманное осуществить?

— Неплохой вопрос, — хмыкнул Артур Сильвестр. — Это будет непросто.

— Ничего невозможного нет, — пожал плечами Джек. — Ведь справились же мы с вами. Да и с Эдит Притчет разобрались в конце концов.

— А вы обратили внимание, — задумчиво произнес Сильвестр, — что всякий раз выбираться становится труднее? Теперь мы не возражали бы вновь очутиться в мире миссис Притчет...

— Когда мы были у нее в гостях, — мрачно заключил Макфиф, — то хотели вернуться к вам.

— К чему вы клоните? — с беспокойством спросил Гамильтон. — Не исключено, что у нас опять возникнет подобное желание, — ответил старый ветеран, — когда попадем в следующий мир.

— Следующий будет настоящим! — воскликнул раздраженно Джек. — Рано или поздно мы выскочим из этой крысиной гонки.

— Но только не сейчас, — покачала головой Марша. — Нас всего восемь, а мы побывали лишь в трех... Значит, нам предстоит еще пять раз окунаться в безумие?

— Да, мы в самом деле три раза прогулялись по Дантову аду, — вздохнул Джек, искоса глянув на жену. — Это три герметических мира, никак не соприкасающихся с действительностью. До сих пор нам не везло, мы были не больше чем пленники. Однако не все же из нас шизоиды? Надеюсь, остальные не блуждают по темным лабиринтам своих фобий и кошмаров. Или, по крайней мере, не возводят их в абсолют.

После долгой паузы Лоуз заметил:

— Ну и ловкий же ты сукин сын!

— Я попытался обрисовать примерный расклад, не более того...

— Возможно.

— Это, кстати, касается и тебя.

— Ну уж нет!

— Ты, — бросил ему Джек, — невротик и циник, но в то же время — реалист. Как и я, как Марша, Макфиф, Дэвид... Все мы существуем вне пределов собственных иллюзий, не переносим их на окружающую реальность.

— О чем вы говорите, мистер Гамильтон? — обеспокоенно заерзала миссис Притчет. — Я не понимаю.

— Я и не ждал, — отмахнулся Джек. — Это не обязательно.

— Интересно, — оживился сидевший до этого с видом упившегося удава Макфиф. — Ты,

возможно, и прав. Я соглашусь насчет тебя, себя и Лоуза, а также мальчишки. Но что касается Марши — нет. Простите, миссис Гамильтон.

Марша побледнела.

— Вы ничего не забыли, да?

— Я представляю себе мир ваших фантазий.

— Я, заметьте, тоже!

Побелевшие губы Марши дрожали, вместо слов с них срывались нечленораздельные звуки:

— Вы... человек... вроде... грязи..

— О чем они? — резко спросил у Гамильтона Лоуз.

— Не важно, — дернул плечом Джек.

— Может, и важно! В чем дело?

Марша посмотрела на мужа:

— Я не боюсь — пусть уж все знают. Если Чарли так хочется поднять всю муть со дна.

— Называйте как угодно. Пусть даже и «муть». Все равно надо обсудить, — упрямо гнул свое Макфиф. — От этого зависят наши жизни.

— Маршу обвинили, что она якобы коммунистка. — Голос Джека дрогнул. — Донос обнародовал Макфиф. Разумеется, абсурд полный.

Лоуз поскреб подбородок, пожевал губами, раздумывая.

— Вещь довольно серьезная. Нет особого желания очутиться в очередном кошмаре.

— А ты и не очутишься, — заверил его Гамильтон.

Гримаса исказила темнокожее лицо Лоуза, будто ему только что врезали под дых.

— Однажды ты уже подставил меня, Джек.

— Я сожалею.

— Не стоит. Наверное, ты был прав. Я недолго бы наслаждался ароматами мыловарни. Но... — Он пожал плечами. — Но в принципе ты редкостная сволочь. Прежде чем мы выберемся... — Он оборвал себя: — Ладно, хватит о прошлом. Надо думать о том, где мы сейчас. Нас тут явно не клубникой собираются кормить.

— Погоди, осталась одна вещь...

— Что еще?

— Спасибо, что вытащил меня.

Лоуз кисло улыбнулся:

— Все в порядке. Вид у тебя был неважный, когда ты там сидел на ступеньке. Я в любом случае спустился бы, даже если б точно знал, что меня ожидает. С той мерзостью внизу одному не справиться.

Марша поднялась и направилась в кухню, бросив на ходу:

— Я поставлю кофе. Кто-нибудь хочет есть?

— Я здорово проголодался, — сразу отозвался Лоуз. — Мчался сюда прямо из Сан-Хосе, когда исчезла мыловарня.

— Что осталось на ее месте? — не без сарказма спросил Джек, когда все побрели на кухню вслед за Маршей.

— Что-то непонятное. Похожее на инструментальный завод. Щипцы, пинцеты, все звякает и блестит, как в хирургическом кабинете. Я прихватил пару штук посмотреть на досуге, но так ничего и не понял.

— Несуществующие изделия?

— По крайней мере, несуществующие в подлинном мире. Вероятно, мисс Рейсс видела нечто подобное издали, но не смогла толком разглядеть.

— Орудия пыток, — предположил Джек.

— Очень может быть. Я бежал оттуда, как кот с наскипидаренной задницей. Пока не догадался сесть в автобус.

В это время, встав на невысокую стремянку, Марша открывала кухонный шкафчик над раковиной.

— Что скажете насчет консервированных персиков?

— Чудесно! — ухмыльнулся Лоуз. — Все что пожелаете.

Когда Марша: сунула руку в шкафчик, оттуда вывалилась банка и острым ребром ударила ей по ноге. Задохнувшись от боли, Марша соскочила со стремянки. Загремела вторая банка, на миг задержалась на краю шкафчика и упала... Выгнувшись в сторону, Марша едва увернулась от импровизированного снаряда.

— Закрой шкаф! — закричал Джек, бросаясь на помощь. В каком-то невероятном прыжке он умудрился одним махом захлопнуть обе дверцы. Стало слышно глухое биение металлических банок о деревянные створки; и стук этот прекратился не сразу.

— Случайность, — бездумно высказалась миссис Притчет.

— Если рассуждать рационально, — спокойно проговорил Лоуз, — то подобное может случиться с кем угодно.

— Вы забыли — это не рациональный мир, — напомнил Артур Сильвестр. — Это фантазм мисс Рейсс.

— Да, — согласился Джек, с трудом сдерживая охватившую его панику. — Случись с ней такое, она не сочла бы это случайностью.

— Получается, все вышло преднамеренно? — жалобно спросила Марша, потирая место ушиба. — Чтобы банка персиков...

Джек поднял банку и поднес ее к механической открывалке, встроенной в стену.

— Нам надо быть начеку. Теперь от самых безобидных предметов следует ожидать пакости. Вещи будто мстят нам.

Едва сунув в рот большой аппетитный персик, Лоуз с перекошенной физиономией отпрянул от тарелки:

— По-по-нятно.

Джек осторожно попробовал свою порцию... Вместо обычного мягкого вкуса консервированных фруктов язык обожгла какая-то дрянь, отдающая металлом. Джека замутило, на глаза навернулись слезы. Он выскочил из-за стола к раковине и подставил губы под струю холодной воды.

— Кислота!..

— От-рава. — Лоуз сидел с открытым ртом, как ворона, проглотившая шуруп. — З-з-значит, тут еще и ядами все пропитано. Понятно...

— Может, стоит провести инвентаризацию, — вымученно предложила миссис Притчет. — Посмотреть, как теперь себя ведут вещи.

— Это идея, — согласилась Марша. — Тогда можно не опасаться веселых сюрпризов.

Она с трудом надела туфлю на ушибленную ногу и, хромая, подошла к мужу:

— Железки и деревяшки зажили собственной жизнью. И у них одно желание — вредить...

Компания отправилась обратно в гостиную. Там их поджидал еще подарок — погас свет.

— Вот, — сказал тихо Гамильтон, — очередная случайность. Перегорели лампочки. Может, кто-нибудь хочет пойти заменить?

Отважных не оказалось.

— Пусть остается так, — решил Джек. — Не стоит возиться. Завтра днем я этим займусь.

— А если опять перегорят? — спросила Марша.

— Хороший вопрос, — признал Джек. — Только ответ на него найти будет трудно. Наверно, придется срочно разыскивать свечи. Или полностью автономные источники света вроде батареек и зажигалок.

— Бедная сумасшедшая, — пробормотала Марша. — Подумать только, всякий раз, когда в доме гаснет свет, она сидит впотьмах и ожидает прихода чудовищ. А в голове крутится: «Заговор... заговор... заговор...»

— Примерно как мы сейчас, — уныло заметил Макфиф.

— Но это и есть заговор, — проворчал отдышавшийся Лоуз. — Мир свихнувшейся дуры. Здесь, когда гаснет свет...

В полутемной гостиной, как удар бича, хлестнул по нервам телефонный звонок.

— Ага, это нам для полного комплекта! — оскалился Джек. — Что, по-вашему, она воображает в таких случаях? Лучше бы нам знать заранее: что значит для параноика телефонный звонок?

— Это зависит от личности параноика, — ответила Марша.

— Очевидно, что в данном случае звонок должен завлечь ее в неосвещенную комнату. Поэтому мы остаемся на месте.

Они стали ждать. Вскоре телефон умолк. Компания облегченно вздохнула.

— Может, остаться здесь? — Лоуз сделал круг по кухне и вернулся к столу. — Это нам не повредит: тут хорошо, уютно...'

— Да, уютная и неприступная цитадель, — мрачно пошутил Джек.

Марша попыталась поставить вторую банку персиков в холодильник, но агрегат не желал открываться. Женщина растерянно дергала ручку, придерживая банку возле груди, пока Джек не подошел и не попросил жену прекратить делать глупости.

— Я просто нервничаю, — вяло отозвалась Марша. — Тут что-то заело, это бывает.

— Кто включил тостер? — истерично вскрикнула миссис Притчет. Тостер на столике для десерта работал в полную силу подобно небольшой сталелитейной домне. — Посмотрите, он весь аж раскалился!

Джек пришел испуганной даме на помощь. После безуспешных попыток отключить распоясавшийся прибор, Джек просто выдернул штепсель из розетки. Набрякшие алым жаром спирали постепенно утратили яркость.

— Неужели ничему больше нельзя доверять? — сдавленно голосила миссис Притчет.

— Ничему, — развел руками Гамильтон.

— Но это же... нелепо! — возмутилась Марша.

Лоуз задумчиво потянул ящик кухонного стола:

— Нам нужно защищаться.

Он порывлся в кухонной утвари и выбрал здоровенный нож — секач с тяжелой ручкой. Не успел Лоуз как следует прихватить свое оружие, как Джек рванулся вперед и стукнул негра по руке:

— Поосторожней! Вспомни, как вела себя банка.

— Нет уж, он останется у меня! — окрысился Лоуз.

Он оттолкнул Гамильтона и вновь схватился за нож:

— Пусть будет что-нибудь под рукой. У самого-то вон пистолет за поясом.

Сначала нож мирно покоился у Лоуза в ладони. А потом вдруг вырвался, описал дугу и полетел изумленному негру прямо в живот. Лоуз чудом успел отскочить. Широкое лезвие с отвратительным хрустом вонзилось в деревянную стенку мойки. Лоуз, недолго думая, вскинул ногу и подошвой тяжелого ботинка припечатал взбесившийся секач. Послышался звук, очень похожий на стон. Рукоять у ножа отломилась. Лезвие глубоко увязло в дереве и какое-то время продолжало дрожать, будто в агонии слепой ярости.

— Видал? — коротко бросил Джек.

Миссис Притчет, издав слабый хлюпающий звук, сползла в кресло возле стола:

— Боже мой, что же делать? О!..

Глаза ее закатились. Было понятно, что она близка к обмороку. Марша схватила чистый стакан и подставила под кран.

— Выпейте воды, миссис Притчет!

Но из крана потекла отнюдь не вода. И даже не отравка. Водопроводная труба выдавила густую, теплую струю.

Кровь!

— Дом! — взвизгнула Марша, быстро перекрывая кран. — Вы видите, это сам дом! Он живой!

Липкая красная лужа медленно стекала в водослив.

Джек стал пепельно-серым, горло у него перехватил спазм, но он все-таки проговорил:

— Ты права. И что самое смешное — мы у него в утробе.

После инцидента с водопроводом все долгое время подавленно молчали. Наконец подал голос старый вояка:

— Думаю, нам лучше поскорее выбраться наружу. Вот только неизвестно — выпустят ли нас?

Терзаемый дурными предчувствиями, Джек пробрался к двери черного хода. Проверил запор. Тот плотно сидел в гнезде.

Джек изо всех сил попытался сдвинуть его с места, но запор не поддавался.

— Только не через эту дверь, — сообщил он остальной компании.

— Замок там и раньше барахлил, — неуверенно заметила Марша. — Попробуй переднюю.

— Но туда можно попасть только через гостиную, — напомнил Лоуз.

— А ты что предлагаешь?

— Ничего, — признался Лоуз. — Только то, что надо все делать быстро.

Построившись гуськом, все семеро осторожно двинулись через темный коридор, сквозь обволакивающую тишину гостиной. Джек шел первым. От мысли, что он крадется, как вор, по своей же частной собственности Джека покорило. Но и прибавило толику смелости. В глубине души теплился слабый огонек надежды, что дом не посмеет умертвить своего хозяина.

Из калорифера в передней послышалось что-то вроде ритмичного сопения. Гамильтон настороженно замер и прислушался. Выползающий из решетки калорифера теплый воздух нес весьма странные запахи. Нет, это была не горячая затхлость машинного нутра, а скорее дыхание живого организма. Боже правый! Такое надо еще вообразить: печь, работавшая в полуподвале, дышала. Поток воздуха перемещался то в одну, то в другую сторону: дом вдыхал и выдыхал.

— Интересно, какого оно пола? — прошептала Марша.

— Самец, — тут же отозвался опытный Макфиф. — Мисс Рейсс чертовски боится мужчин.

В дыхании фантастического существа отчетливо присутствовали сигарный дым и пивной перегар. Тяжелая смесь, от которой мисс Рейсс наверняка дурела в автобусах, лифтах, ресторанах... Плюс резкий чесночный выдох пожилого мужчины.

— Так, вероятно, пахнет ее приятель, — высказал предположение Джек, — когда сопит ей в ухо.

Маршу передернуло:

— И как она все это терпит...

Джек попробовал мысленно восстановить полную картину ожившей недвижимости. Наверное, электропроводка теперь стала нервной системой существа. А почему бы и нет? Водопровод превратился в кровеносную систему; отдушины гнали воздух от печки в легкие. Волосы монстра не нужно было даже представлять. Джек бросил взгляд в окно и увидел изгибы вьющейся лианы

— любимого детища Марши. Жена заботливо ухаживала за вьюном, так что он вырос до самой крыши. Сейчас веселые зеленые колечки и усики с небольшими желтыми цветами трансформировались в буро-коричневые лохмотья.

Как растрепанные, давно не мытые и не стриженные волосы уличного бродяги, они зловеще шевелились на ветру, роняя мертвые стебли и листья на газон.

Джек не успел толком удивиться или испугаться представшему зрелищу и собственным догадкам, как под ногами неожиданно дрогнул пол. Джек сначала даже не почувствовал толчков; только испуганные причитания миссис Притчет привлекли его внимание.

Нагнувшись, он тронул пол ладонью. И не поверил своим ощущениям — пол был теплый, как человеческая плоть.

Джек шагнул к стене. Эффект тот же самый. Обои, краска, штукатурка утратили свои обычные свойства. Поверхность стены удивительным образом податливо прогибалась под пальцами.

— Пошли, — нетерпеливо сказал Лоуз. — Надо поскорее уносить отсюда ноги.

Словно затравленные охотниками звери, семеро человек в порыве отчаяния шагнули в гостиную, окунувшись в торжественное всевластие темноты. Под ногами у них беспокойно задергался ковер. И тотчас люди почувствовали вокруг себя чье-то присутствие — раздраженное и агрессивное...

Путь получился мучительно долгим. В гостиной творилось явно что-то неладное; со всех сторон доносились загадочные звуки: какой-то шелест, скрежет, шебуршание. Это плотоядно шевелили страницами книги; ерзали на своих местах вазы, похожие в темноте на раздувшихся упырей; стулья дергали ножками, как гигантские пауки, приготовившиеся к броску.

Внезапно миссис Притчет издала короткий вопль — шнур от телевизора обвился вокруг ее лодыжки. Билл Лоуз резким движением подхватил новоявленную гадину и, разорвав пополам, отшвырнул с омерзением в угол. Куски синтетического тела бешено забились в агонии — точь-в-точь изрубленная змея.

— Осталось совсем немного, — бросил Джек идущим позади. Он уже различал дверную ручку, еще усилие — и он дотянется до нее... Три шага, два... последний шаг...

Тут Джек почувствовал, что пространство несколько изменилось. Впечатление было такое, будто поднимаешься по крутому склону.

Очень странно... Джек с удивлением обнаружил, что стоит на наклонной плоскости. И не просто стоит, а с каждой секундой соскальзывает назад. Он взмахнул руками, пытаясь найти хоть какую-нибудь опору, но потерял равновесие и завалился на спину. То же самое произошло и с остальными. Все семеро, единым комом повалившихся друг на друга тел, за несколько мгновений перекатились из гостиной в коридор, а оттуда — в кухню. Здесь, хорошенько ударившись о стену, живой ком распался, и люди застыли в самых нелепых позах. Со стенами и проклятиями компания кое-как разобралась, на месте ли руки-ноги и живы ли все.

На кухне царил тьма. Только за окнами мерцали звезды, крохотные точки далекого небесного света.

Один за другим несчастные поднимались, отряхивались, оправляли одежду.

— Это ковер!.. — раздался шепот потрясенного Лоуза. — Он... слизнул нас. Скорее к выходу, пока не поздно.

Ковер продолжал выделять дикие выкрутасы. Губчатая поверхность его стала горячей и влажной. Споткнувшись, Гамильтон ударился о стену и отшатнулся. Стена покрылась обильной влагой — алчущая и жадная, она в нетерпении выделяла голодную слюну.

Дом собирался поужинать.

Прижимаясь к отвратительно склизкой стене, Джек старался двигаться, не задевая ковра. Острый кончик «языка» вытягивался вверх и в стороны, стараясь поймать ускользающую

добычу. Джек трясся, как в лихорадке, обливался потом, но все же упрямо пробирался к передней. Шаг. Второй. Третий. Четвертый. За Джеком последовали другие, но не все.

— Где Эдит Притчет? — тревожно спросил Гамильтон.

— Пропала, — отозвалась Марша. — Помнится, она покатила в коридор...

— В пищевод, — прохрипел Лоуз.

— А мы у *него* во рту, — пискнул идущий позади Дэвид Притчет.

Горячие влажные стены пульсировали рядом. Спазм подкатил к горлу, Джека чуть не вырвало. Он судорожно вытянул вперед руку, стараясь не потерять из виду слабо блестящую искорку дверной ручки. На этот раз он сумел ее схватить и отчаянным рывком распахнул дверь. Фигуры позади единодушно ахнули, неожиданно увидев звездное ночное небо. И темные дома на дальней стороне улицы, и деревья, качавшиеся на ветру... Щеки обожгла восторженно-ледяная струя свежего воздуха.

Вот и все.

Прямоугольник дверного проема сломался, непостижимым образом нарушив привычную геометрию. Будто стены с потолком резко сдавили переплет — и губы чудовища плотно сжались, окончательно закрыв выход.

Сзади опять накатило чесночно-затхлое дыхание дома. «Язык» жадно рыскал в «пасти», нащупывая вождленную трапезу. Стены сочились слюной. И тут нервы у людей не выдержали. Страх, так долго подавляемый усилием воли, вырвался наружу. Это был общий вопль безнадежного отчаяния. Истошно кричали все — на разные голоса, но в едином порыве захлестнувшего разум ужаса.

Джек до боли зажмурил глаза. Не поддаваться панике! Пусть случится самое жуткое, самое невероятное — не обращать внимания! Пусть они вопят сколько влезет, надо действовать. И чем быстрее, тем лучше. Джек ринулся в атаку на смыкающиеся «губы» монстра. Нужно успеть хоть немного раздвинуть оставшуюся щель, пока потолок и пол не слились воедино. Тогда уже будет поздно что-то предпринимать. Останется только действительно сесть на пол и завывать похоронный марш.

— Оно жует!.. — всхлипнула где-то рядом Марша.

Гамильтон изо всех сил размахнулся и пнул слюняво-липкое подобие стены. Потом уперся плечом туда, где по логике вещей раньше находилась дверь, и стал остервенело бить, царапать и рвать мягкую псевдоплоть. Живая ткань облепила руки мерзкими клочьями; глубоко вонзая пальцы, он вырывал большие трепещущие куски.

— Помогите мне! — рявкнул Джек в темноту гостиной.

Подскочили уже пришедшие в себя Лоуз и Макфиф. Сообразив, что нужно делать, они бешено заработали в четыре руки. После нескольких удачных атак в стене плоти образовалась приличная дыра.

— Все вон! — прорычал Гамильтон, выталкивая Маршу. Она упала на крыльцо и скатилась по ступенькам.

— Теперь вы! — приказал Джек Сильвестру. Старика бесцеремонно выпихнули сквозь кровоточащую дыру; за ним выскочили Лоуз и Макфиф. Гамильтон покрутил головой, всматриваясь во тьму, но больше никого не увидел, кроме парнишки Притчета. Потолок и пол почти сомкнулись; времени на бестолковую суету уже не оставалось.

— Давай! — крикнул Джек и выпихнул мальчишку в пульсирующую рваную рану. Затем ласточкой вылетел сам. Он еще не успел приземлиться, как «рот» чудовища сжался. Послышался плотоядный хруст...

Миссис Притчет, не сумевшая спастись, стала *добычей*.

Уцелевшие погорельцы сгрудились на безопасном расстоянии и молча наблюдали, как

огромное «тело» методично сокращается и расширяется. Пошел процесс пищеварения. Наконец движение прекратилось. Прокатилась последняя спазматическая волна, и чудовище застыло.

С глухим стуком опустились оконные шторы, затянув окна непроницаемой пеленой.

— Уснуло, — тихо проговорила Марша. Всю компанию на какое-то время накрыл плотный колпак тишины — криков, проклятий и жалоб было уже предостаточно. Люди удрученно молчали. И лишь холодный ночной ветер печально шептался о чем-то с листьями в темных кронах.

Внезапно у Джека мелькнула совершенно идиотская мысль: что скажут мусорщики, обнаружив на заднем крыльце горку объединенных до блеска человеческих костей. И вдобавок, вероятно, несколько пуговиц и металлических заклепок. Нет, лучше об этом не думать...

Тут подал признаки жизни Лоуз. Он мрачно подвел итог:

— Вот и все!

Джек стряхнул оцепенение и решительно направился к машине, заметив на ходу:

— Пристрелить эту припадочную — огромное наслаждение!..

— Оставь машину! — предостерег Лоуз. — Сейчас доверять технике нельзя.

Остановившись, Гамильтон раздумывал.

— Мы пойдем к ней на квартиру пешком. Я попробую вызвать ее на улицу. Если удастся схватить мерзавку, не заходя в дом...

— Вряд ли она сидит дома, — заметила Марша. — Скорее всего бродит по улице. А может, она уже мертва? Вот было бы здорово, если б ее сожрала собственная квартира.

— Она не могла умереть, — криво усмехнулся Лоуз. — Иначе нас самих бы здесь не было.

Из глубокой тени от стены гаража отделилась фигурка...

— Верно, — прозвучал сухой бесцветный голос. — Я пока еще жива.

Не успев даже как следует разглядеть возникшую из темноты шизофреничку, Джек уже выхватил из кармана пистолет. Когда его пальцы нащупали спусковой крючок, Джек вдруг явственно осознал непреложный факт: он никогда еще в жизни не пользовался оружием. Мало того, близко даже не видал пистолета. В истинной реальности у него никогда не было оружия, 45-й калибр появился вместе с миром мисс Рейсс; это ведь неотъемлемая часть ее фобий.

— Вы уцелели? — проямлил Лоуз.

— У меня хватило сообразительности не подниматься по лестнице. — Женщина гордо вскинула голову. — Ваши козни стали известны мне, как только я ступила на ковер в прихожей. — В ее голосе зазвучало возбужденное торжество: — Ваши пресловутые хитрости не стоят и выеденного яйца!

— Боже мой!.. — Марша съежилась и прикрыла лицо ладошкой. — Мы никогда...

— Да, да! Вы хотите убить меня, не так ли? — Мисс Рейсс растянула губы в злорадной усмешке. — Вас тут целая банда! Вы давно уже строите козни.

— Это правда! — неожиданно выпалил Лоуз.

Смех мисс Рейсс напоминал резкие удары молотка по куску жести.

— Я уже догадалась... А вам не страшно в этом признаться?

— Мисс Рейсс, — вступил в разговор Джек, — мы, конечно, обсудили все варианты, как вас убрать. И пришли к выводу, что это невозможно. В этом безумном мире нет ни одного человека, кто мог бы тронуть вас хоть пальцем. Все ужасы и страхи лишь плод вашей большой фантазии...

— Когда речь идет о людях, то это верно, — перебила его мисс Рейсс. — Но вы ведь не люди.

— Что? — возмутился Артур Сильвестр.

— Конечно нет. Я поняла это с первого взгляда, тогда, в «Мегатроне». Вот почему вы пережили аварию и не погибли. Вам так хотелось затащить меня туда и столкнуть с платформы

прямо в адскую бездну. Но я, как видите, жива и невредима. — Мисс Рейсс вновь улыбнулась своей страшной улыбкой. И добавила: — У меня имеются собственные пути и средства.

— Если мы не люди, — медленно произнес Гамильтон, — то кто же тогда?

Вопрос так и не нашел ответа. Точнее, нашел, но уже не словесный, а материальный. Поскольку Билл Лоуз решил действовать.

С гортанным криком он взвился над сырой травой и обрушился на тщедушную фигурку мисс Рейсс. Раскрытые крылья, как старый пергамент под ножом, с сухим треском застрекотали в ночной тишине. Он точно попал в цель, рухнув сверху на голову мисс Рейсс, прежде чем бедная сумасшедшая смогла двинуться или крикнуть.

То, что прежде было человеческим существом, теперь оказалось членистоногим: покрытое хитиновым панцирем тело, хищно выставленные жвала, громкое жужжание мощных крыльев. Гигантское насекомое в одно мгновение сломало слабое сопротивление мисс Рейсс. Задняя продолговатая часть брюха извивалась, будто прицеливаясь. Резким движением оборотень вонзил жало в трепыхающееся тело жертвы, чуть задержал внутри, выпуская яд, и затем удовлетворенно вытащил обратно. Злобно ощеренные, скребущие челюсти отпустили женщину. Качнувшись пару раз, как пьяная, мисс Рейсс рухнула на четвереньки и осталась лежать ничком в траве.

— Она может уползти! — крикнул Сильвестр.

Диким прыжком он подскочил к корчащемуся телу и быстро перевернул его. Тут со старым воякой произошла странная метаморфоза: у него на животе выросло несколько ворсистых трубочек. Густой струей брызнула вязкая, как цементный раствор, жидкость, заливая тощие бедра поверженной женщины. Жидкость мгновенно застывала, превращаясь в упругие нити. Вращая туловищем, Сильвестр обмотал жертву несколькими слоями жестких волокон. Когда он закончил, то насекомое, прежде бывшее Лоузом, снова сдавило мисс Рейсс челюстями. Придерживая дергающийся кокон, он помог Сильвестру произвести длинный волокнистый канат и забросить его на сук ближайшего дерева. Через минуту парализованная мисс Рейсс, закатив глаза и разинув рот, свисала вниз головой, спеленутая в коконе.

— Теперь она не вырвется, — удовлетворенно кивнул Гамильтон.

— Я рада, что вы ее оставили в живых, — кровожадно заметила Марша. — Можно хорошо провести время... Она ничего уже не сделает.

— Но прикончить стерву все равно придется, — напомнил Макфиф. — Конечно, после того, как вдоволь позабавимся.

— Она убила мою мамочку! — дрожащим голосом выкрикнул Дэвид Притчет.

И прежде чем кто-нибудь смог его остановить, парнишка взобрался на качающийся кокон. Отрастив себе длинный хоботок, мальчонка раздвинул волокнистую оболочку, оторвал у женщины клочок платья и жадно впился в бледную плоть. Не прошло и минуты, как он заполз в кокон чуть ли не с ногами, жадно высасывая влагу. Вскоре все было кончено. Маленький хищник сыто рыгнул, отвалился и упал на землю, оставив висеть похлужую обезвоженную оболочку.

Однако Джоан Рейсс все еще жила; крохотная искра сознания тлела в искалеченном, растерзанном теле. Затуманенные болью глаза глядели со злобной ненавистью, но несчастная жертва насилия уже мало что понимала в происходящем. Компания с нескрываемым удовольствием наблюдала за последними секундами ее агонии.

— Она заслужила это, — тихо проговорил Джек. Теперь, когда возмездие свершилось, он вдруг усомнился в содеянном.

Рядом с ним, огромное колючее насекомое — Билл Лоуз — кивнуло в знак согласия.

— Конечно, заслужила, — проскрежетал оборотень. — Помните, что она сделала с Эдит

Притчет!

— Хорошо бы поскорее убраться из этого мира, — вздохнула Марша. — В наш собственный, обратно.

— И в наши собственные тела, — добавил Гамильтон, красноречиво взглянув на Сильвестра.

— Что ты имеешь в виду? — возмущенно прострекотал Лоуз.

— Он не понимает! — насмешливо бросил Лоузу ветеран. — Это и есть наши тела, Гамильтон. Просто раньше их никто не мог увидеть.

Лоуз выдал жуткую скрипучую трель, означающую, наверное, смех:

— Вы только послушайте его! Ну ты даешь, Джек, надо ж такое придумать!

— Может, заглянуть, что у него еще там в черепушке? — заискивающе предложил Сильвестр.

— Давай, — согласился Лоуз. — Подберишься к нему поближе. Посмотрим, как он дальше запоеет!..

Джек с криком отпрянул в сторону:

— Убейте сумасшедшую — и делу конец! Вы всего лишь фрагменты ее бреда и даже не догадываетесь об этом.

— Интересно, быстро ли он бежит? — гадал Сильвестр, медленно подбываясь к Гамильтону.

— Не подходи ко мне! — рявкнул Джек, хватаясь за пистолет.

— И его жена тоже!.. — продолжал зачарованно ветеран. — Давай погоняем ее!

— Она моя! — алчно заверещал Дэвид Притчет. — Отдайте ее мне. Если хотите, можете, ее поддержать. А то еще убежит!..

Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы мисс Рейсс, дернувшись последний раз в кокон, не испустила дух.

И тут же окружающий мир рассыпался в пыль.

Еще не веря свалившемуся счастью, Джек ошеломленно озирался по сторонам. Увидев испуганное личико жены, он кинулся к Марше и прижал дрожащую женщину к себе.

— Слава Богу, — хрипел Джек. — Мы наконец-то выбрались.

Марша тесно прильнула к мужу. — Едва успели, а то бы нам не поздоровилось!..

Выскользнули из небытия и закружились вокруг серые тени. Стиснув зубы, Джек терпеливо ждал, когда нахлынет обжигающая боль. А потом появится засыпанный обгорелыми ошметками бетонный пол «Мегатрона». Вся группа экскурсантов угодила в адское пекло; всем пришлось пройти сквозь невыразимые страдания. А потом в течение мучительно долгих дней выкарабкиваться к жизни, лежа на больничных койках. Но будущее стоит того. Еще как!..

Тени рассеялись.

Нет! Не может быть! Это опять не «Мегатрон»...

Из глотки Макфифа вырвался клекот — так, наверное, кричит хищная птица, у которой из-под самого клюва утащили добычу.

— Снова началось!..

Он прошлепал по мокрому газону к крыльцу и взялся за перила.

— Но это невозможно, — тупо пробормотал Джек. — Ведь психов больше не осталось. Мы же всех проверили.

— Ошибаешься. — Макфиф покачал головой. — Извини, Джек, но я уже говорил тебе. Я предупреждал, а ты не послушался.

Гамильтон хотел было сказать Чарли какую-нибудь гадость, но вдруг заметил, что у тротуара перед домом стоит зловещего вида черный автомобиль. Двери широко распахнуты, а с заднего сиденья неуклюже выбирается громадных размеров детина. Вот он вылез из машины и вперевалку зашагал через темный двор.

За толстяком последовали какие-то мрачные типы в длинных пальто и широкополых шляпах. Карманы у ребят подозрительно оттопыривались.

— Вот ты где, Гамильтон, — пропыхтел детина, подойдя поближе. — Отлично, поедешь с нами.

Сначала Джек не узнал толстяка. Лицо странного господина напоминало комок свежезамешенного теста, в который воткнули маленькие пороссячьи глазки. Похожие на сардельки пальцы больно сдавили Джеку локоть. К тому же от толстяка исходил тяжелый запах дорогого одеколona... и крови.

— Почему тебя сегодня не было на работе? — грозно зарычал детина. — Мне жаль тебя, Джек! А я ведь был знаком с твоим отцом...

— Нам все известно про ваш пикник, — вставил один из сопровождающих.

— Тиллингфорд... — ошеломленно произнес Гамильтон. — Это в самом деле вы?

Окинув Джека презрительным взглядом, доктор Тиллингфорд — раздувшийся кровосос-капиталист — повернулся и пошел, волоча ноги, обратно к черному «кадиллаку».

— Взять его, — приказал он своей банде. — Мне пора возвращаться в агентство. Предстоят испытания новых бактериальных ядов. Из него выйдет хороший подопытный кролик.

Глава 14

Промозглый ночной воздух, казалось, под завязку был пропитан смертью. Незримое присутствие курносой леди ощущалось во всем, каждый фрагмент реальности был обласкан ее жесткой ладонью.

Джек, затаив дыхание, наблюдал редкостное зрелище: прямо на глазах разрушался огромный механизм. Будто какие-то невидимые грызуны уничтожали железный остов машины. Кузов корчился, скрежетал, дергался, как горячечный больной. По асфальту растекалась лужа темной, пузырящейся жидкости.

Гамильтон не сразу понял, что происходит. Абрис предмета искривился до неузнаваемости; он расплзлся, как старая мочалка в руках десантника. Голые луковицы звезд слабо дрожали на осколках оконных стекол. Будто прогнившее дерево, кузов машины просел и рассыпался. Гнилым яйцом лопнул капот. Во все стороны полетели стальные потроха; как кровь, хлынула вязкая смесь масла, воды, бензина и тормозной жидкости.

На какой-то миг высветилась массивная рама. Затем и она, с протестующим стоном, уронила на асфальт останки двигателя. Движок раскололся пополам. И прямо на тротуаре стал разлагаться на составные элементы. Выглядело это так, будто на экране в бешеном темпе прокручивают сцену с гниющим трупом животного.

— Ну вот, — глухо произнес шофер Тиллингфорда, — машины как не бывало!

Тоскливо взирал Тиллингфорд на скорую гибель своего «кадиллака». Потом уныние сменил гнев.

— Все разваливается!.. — Он со злостью пнул бесформенный кусок железа. Груда металла еще больше оплыла и почти растворилась во тьме.

— Не поможет, — заметил один из его громил. — Лучше бросить этот хлам здесь.

— А как мы доберемся до агентства? — воскликнул Тиллингфорд, тщетно пытаясь стряхнуть с брюк жирные капли масла. — Между нами и лабораторией — целый рабочий район!

— Да, они, наверное, перекрыли баррикадой шоссе, — согласился водитель.

Боевики Тиллингфорда в полутьме были неразличимы друг от друга; каждый казался Гамильтону стандартным, крепко сбитым великаном-эсэсовцем, бесстрастным и жестоким.

— Сколько с нами людей? — требовательно спросил Тиллингфорд.

— Тридцать, — отчеканили ему.

— Надо пустить осветительную ракету, — не особо уверенно заметил другой боец. — Слишком темно: мы можем прозевать, когда они полезут.

Джек протолкался к Тиллингфорду:

— Неужели все это серьезно? Вы в самом деле полагаете...

Договорить он не успел, так как в кучу железного лома, бывшего когда-то шикарным «кадиллаком», тяжело ухнул кирпич. В темноте стала заметна какая-то возня; под прикрытием деревьев из-за дальних домов перебежками приближались чьи-то смутные фигуры.

— О!.. — выдохнул Джек. — Теперь я вижу!

Он все понял.

— Боже мой. — Голос Марша дрожал. — Неужели мы это переживем?

— Может, и не переживем, — ответил Гамильтон. В воздухе просвистел еще один кирпич. Марша присела от страха, потом бросилась к мужу.

— Чуть в меня не попали! Джек, мы в гуще какой-то потасовки, они собираются перебить друг друга!

— Жаль, что не попали, — тихо процедила Эдит Притчет. — Тогда бы мы освободились от этого кошмара.

Потрясенная Марша вскрикнула. Оглядевшись вокруг в поисках поддержки, она увидела жесткие, отчужденные лица — неестественно бледные, будто припорошенные мелом. Бесчувственные маски в колеблемом, неверном свете зажженного факела.

— Вы все-таки поверили!.. Думаете, что я — коммунистка!

Тиллингфорд резко обернулся. Его мерзкая рожа сделалась еще более уродливой, исказившись до неузнаваемости от приступа истерического гнева.

— Точно!.. Я и забыл! Вы же все выезжали на партийную сходку.

Джек до боли стиснул кулаки и хотел было ответить потоком отборных ругательств, но потом вдруг передумал и лишь закрыл на мгновение глаза, отдаваясь во власть охватившей все тело апатии. Наплевать на все! Какая разница, что он сейчас скажет свихнувшемуся толстяку? Может, в этом мире они на самом деле ездили на коммунистическую маевку. Горланили идиотские гимны, плясали вприсядку, произносили лозунги и речи, собирали подписи.

— Ну что ж, — мягко заметил он жене. — Дорога у нас получилась длинная. Протащились через три мира, чтобы угодить вот в этот.

— Что ты имеешь в виду? — пролепетала Марша.

— Жаль, что ты не призналась мне раньше.

Глаза ее вспыхнули, как два маленьких окошка в охваченном пожаром доме.

— Ты тоже мне не веришь?

Мелькнула в темноте тонкая белая рука... щеку обжег не сильный, но хлесткий удар... взметнулись разноцветные искры и рассыпались колючим фейерверком.

Дав пощечину, Марша безвольно обмякла, выплеснув в одном порыве всю горечь и обиду.

— Это неправда, — произнесла она жалким голосом.

Гамильтон потер горящую щеку:

— И все-таки интересно... Помнится, мы говорили, что необходимо исследовать психику каждого из нашей компании. Так вот: мы побывали в фантазмах Сильвестра и Эдит Притчет, чуть не погибли в кошмарах мисс Рейсс...

Ровным голосом Сильвестр заявил:

— Надо убить ее и спокойно отправиться домой.

— Обратно в наш собственный мир! — добавил Макфиф.

— Не приближайтесь к ней! — прорычал Гамильтон. — Не прикасайтесь к моей жене!

Вокруг Марши и Джека образовалось плотное кольцо горящих ненавистью глаз, искаженных безумием лиц.

Никто не двигался; шесть фигур напряженно застыли, выжидая. Джек буквально кожей ощутил ледяные иглы чужой злобы. Затем Лоуз дернул плечом, как бы отгоняя морок, повернулся и медленно побрел прочь.

— Хватит! — бросил он через плечо. — Пускай Джек сам разбирается. Это его проблемы.

Марша задыхалась, будто кто-то невидимый сдавил ей горло.

— Это ужасно... Я не понимаю... — Она в отчаянии затрясла головой. — Просто абсурд какой-то!

В опасной близости шлепнулось еще несколько увесистых булжников. Оттуда, где мелькали смутные тени нападающих, несло неразборчивое подвывание. Звуки имели свой определенный ритм и вскоре переросли в громкое скандирование.

Тиллингфорд болезненно сморщился, словно в рот ему попало что-то мерзкое.

— Слышал? — окликнул он Джека. — Вон они — прячутся в темноте...

Он с отвращением сплюнул:

— Зверье!

— Доктор! — возопил Гамильтон. — Неужели вы верите во всю эту муть? вспомните наконец, кто вы на самом деле!

Даже не глянув в его сторону, Тиллингфорд промычал:

— Убирайся к своим краснопузым друзьям.

— Прекратите валять дурака! Ведь это только иллюзия, не более.

— Ты — коммунист, — утробным голосом ответил Тиллингфорд. — И жена твоя — тоже. Вы — отбросы человечества. Тебе нет места на моем предприятии и вообще в приличном обществе. Проваливай! — Помолчав, он добавил: — Ступай на ваш бесовский праздник.

— Вы будете драться с ними?

— Естественно.

— И убивать?

— Если не мы их, — пояснил Тиллингфорд с негибавшей логикой, — то они нас. Не моя вина, что именно так все обстоит.

— Этот бред долго продлится, — хмуро проговорил Лоуз. — Они всего лишь манекены в дешевом театре. Грубая пародия на жизнь в обществе. Слишком явно просвечивает сквозь нее подлинный мир...

Последние слова Лоуза утонули в шуме разразившейся перестрелки. Палили беспорядочно и суматошно, так что понять, откуда летят пули, было трудно. Джек заметил, как на крыше одного из соседних домов какие-то личности торопливо устанавливали пулемет.

Длинная очередь вспорола пространство, подняв в воздух цементную крошку и комья грязи. Тиллингфорд неуклюже упал на четвереньки и пополз, стараясь укрыться за обломками «кадиллака». Его охранники, перебегая с места на место, открыли ответный огонь. Яркая вспышка на миг разогнала ночную мглу — кто-то додумался бросить гранату. Свет резанул по глазам. Уши будто заложило ватой. Джека подбросило, перевернуло и он со всего маху полетел лицом в траву. Когда взметнувшийся фонтан сырой земли, камней и сорванных листьев улегся, вокруг свежей воронки распласталось несколько изувеченных тел бойцов Тиллингфорда.

Джек очнулся, протер глаза и со стоном сел. Увидев раскоряченные позы мертвецов, он оторопело уставился на разодранное человеческое мясо, не в силах отвести взгляд. И тут услышал горячий шепот Лоуза:

— Они тебе кого-нибудь напоминают? Смотри повнимательней!

В наступившем вновь сумраке Джек вряд ли мог разглядеть что-то конкретное. Но одна

неподвижная фигура зацепила уж больно знакомой внешностью. Гамильтон озадаченно пытался разобрать, кто этот человек, полузасыпанный обломками бетона и дымящейся золой.

— Это же ты!.. — прохрипел Лоуз.

Так оно и было.

Размытые контуры реальности дрожали, то проступая, то исчезая. Словно дымовые эффекты в театре безумия, пеленой напоздали туманные полосы извращенных фантазмов. Как если бы сам автор этого действия с трудом понимал смысл придуманной им же пьесы.

Выходило нечто странное... Засыпанный мусором тротуар, развороченная грязь газонов, мешанина битого асфальта и мокрой листвы больше напоминали останки «Мегатрона». Тут и там лежали подозрительно знакомые фигуры людей. Слабо шевелясь, они потихоньку царапались в заветную дверцу с убедительной табличкой «ЖИЗНЬ».

Среди клокочущих, как в последнем приступе чахотки, развалин осторожно, дюйм за дюймом, двигались спасатели. Пробирались они мучительно медленно, беспокоясь, наверное, больше за собственные шкуры, нежели за жизни пострадавших. Спасатели боязливо спускались со... стен стоящих рядом домов... они аккуратно спрыгивали на опустевшую мостовую... Что за бред? Какая мостовая? Ведь это покосившиеся руины «Мегатрона»! Вот скользнули вниз пожарные лестницы. На рукавах спасателей можно было явственно различить знак Красного Креста. Мысли Джека спутались, и он бросил попытки разгадать монтаж места действия и персонажей.

— Все скоро закончится, — прошептала мисс Рейсс. С тех пор как сгинул ее жестокий фантазм, она возродилась в прежнем виде: в мешковатом вельветовом пальто, в тех же нелепых роговых очках. Будто ящерица, поймавшая кузнечика, она прижимала к тощей груди свою драгоценную сумочку. — Сегодня заговор не до конца удался. Прошлому он и в подметки не годится.

— Вот как! Ваш собственный вы находите более убедительным? — ледяным тоном осведомился Гамильтон.

— О да! В самом деле было остроумно! — Рот ее исказила лютая улыбка фанатика. — Я почти поверила, что это именно *мой* мир. Но когда вошла в вестибюль своего дома, то поняла правду... Эти письма с угрозами расправы на журнальном столике...

Стоя на коленях рядом с мужем, Марша выговорила дрожащим голосом:

— Что происходит? Вокруг какой-то туман... И тени...

— Собственно говоря, ничего интересного, — менторским тоном заметила мисс Рейсс.

Марша с трепетом схватила Джека за руку, словно он держал ключи от рая:

— Значит, мы скоро проснемся? Правда?

— Возможно, — буркнул Гамильтон. — По крайней мере, кое-кто так считает.

— Замечательно!

— Неужели?

По лицу Марши скользнула тень затаенного где-то в глубине души панического страха.

— Конечно, замечательно. Мне здесь все ненавистно... Здесь так страшно. Так подло и страшно.

— Давай обсудим это позже.

Сейчас внимание Джека сосредоточилось на Тиллингфорде. Толстяк-босс собрал свою банду, и что-то втолковывал громилам — тихо и размеренно.

— Бандиты еще свое не получили, — мрачно проговорил Лоуз. — Мы попадем в потасовку, прежде чем унесем ноги отсюда.

Тиллингфорд закончил бубнить и, ткнув пальцем в Лоуза, приказал:

— Свяжите его. Ему с нами не по пути.

Лоуз вымученно осклабился:

— Еще одного ниггера будут линчевать. Буржуя могила исправит!

Вот это да! Гамильтон чуть не зашелся в хохоте. Однако Тиллингфорд был настроен весьма решительно.

— Доктор, — торопливо вмешался в опасный разговор Джек, — не принимайте происходящее всерьез. И ваша идиотская роль, и уличные сражения — все это дикая фантазия моей жены. Смотрите! Реальность едва не распадается. Марша вот-вот откажется от своих иллюзий. Послушайте же меня!

— И этого красного — тоже, — устало добавил Тиллингфорд. Он утер вспотевший лоб шелковым платком. — И эту красную сучку. Когда перестанут трепыхаться, облейте бензином... Нам надо было оставаться в агентстве. Там бы мы смогли устроить оборону!

Как посланцы с того света, рабочие-повстанцы подползали все ближе. Рванула еще пара гранат. По улице прокатилась тяжкая, режущая глаза и залезающая в горло волна пыли.

— Смотрите! — воскликнул Дэвид Притчет.

В ночном небе вспыхнули и заплясали яркие световые пятна, постепенно принимая форму гигантских букв. Буквы складывались в слова — неразборчиво-кривые послания:

МЫ НА ПАДХОДИ !

ДИРЖИТЕСЬ !

ВПЕРЕД БАРЦЫ ЗА МИР !

— Весьма ободряет, — с отвращением прокомментировал Гамильтон.

Несущееся из темноты ритмичное завывание стало тоном выше. Холодный ветер швырял бессмысленные обрывки фраз.

— Может, они еще спасут нас... — неуверенно проговорила миссис Притчет. — Но эти ужасные слова вверху... от них становится не по себе.

Вокруг снова засуетились бойцы Тиллингфорда. Они спешным ходом сгребали щебень, таскали обломки бордюра и куски асфальта, сооружая нечто вроде баррикады. Сквозь пыль и дым трудно было разглядеть их лица. Только на миг перед Джеком мелькнула грубая, костлявая физиономия. И тут же пропала во мраке. Кого же они напоминают?.. Джек силился вспомнить. Низко надвинутые шляпы, похожие на клюв носы...

— Гангстеры... — подал голос Лоуз. — Чикаго тридцатых годов.

Гамильтон кивнул:

— Точно.

— Все как по-писаному. Она, вероятно, зубрила наизусть свои книжки.

— Оставь ее в покое, — вяло предупредил Джек..

— Что теперь на очереди? — иронически обратился Лоуз к съжившейся в комок Марше. — Пособники империалистов сходят с ума от отчаяния? Так, наверное, по-вашему?

— Думаю, им до этого недалеко, — резонно заметил Артур Сильвестр.

— Какие неприятные типы, — затрепетала миссис Притчет. — Не думала, что подобные водятся на свете!

В это время в небесах взорвался один из пламенных призывов. Ошметки огненных букв полетели вниз, мимоходом зажигая кучи хлама и мусора. Изрыгая проклятия, Тиллингфорд неохотно отступил; его пальто тлело от сыплющихся горящих словес. Половину его бойцов похоронил под собой сверзившийся с неба громадный светоконтурный портрет советского Генерального секретаря...

— Прихлопнуло, как мухобойкой, — удовлетворенно хмыкнул Лоуз.

Джек увидел, как на крышу его дома со зловещим шипением упали огненные зигзаги — по горькой иронии это было слово «МИР». Крыша мгновенно занялась, потом пламя перекинулось на гараж и сарай. С нестерпимой болью в душе Джек смотрел на жадно взметнувшиеся пурпурно-желтые языки пламени. Как и следовало ожидать, тьму городских улиц не огласил рев пожарной сирены. Дома и проспекты хранили враждебное молчание.

— Господи Боже, — промолвила Марша. — Похоже, что вон то здоровенное «ДИРЖИТЕСЬ» сейчас свалится нам на головы!

Тиллингфорд окончательно утратил всякое соображение. Бесформенной грудой он стоял среди своих бойцов, монотонно повторяя:

— Бомбы и пули их не остановят... Бомбы и пули их не остановят...

Число его бойцов заметно поубавилось.

В неверном свете мерцающих углей, будто призраки, стали появляться силуэты повстанцев. Их крики «ура-а-а» достигли уровня почти истерического экстаза. Безумная лавина звуков опережала наступающих, летела впереди, прокладывая дорогу среди огня.

— Бежим! — крикнул Джек Марше. Схватив ее дрожащую руку, он яростно повлек жену прочь, подальше от спектакля абсурда. От балагана хаоса и смерти.

Джек по памяти пробирался вокруг разрушенного дома. По цементированной дорожке — и на задний двор. Часть забора уже сгорела. Теперь Джек брел мимо дымящихся руин. Еще совсем недавно здесь стояло его уютное пристанище, и вот... Вокруг только тьма и зловещая тишина каменных коробок.

Время от времени навстречу попадались бегущие мужчины — безликие статисты кровавой трагикомедии. Потом пропали и они. Звуки перестрелки стихли. Джек перевел дух. Кажется, им удалось миновать район безобразной бойни.

— Подождите!.. — послышался сзади чей-то крик.

Джек нервно оглянулся.

Их догоняли запыхавшиеся Лоуз и Макфиф.

— Тиллингфорд совсем взбесился, — выпалил Лоуз. — Боже, это настоящая мясорубка...

— До сих пор не верю... — Искаженное гримасой лицо Макфифа лоснилось от пота. — Они опустили на четвереньки. Облеплены кровью и грязью... Сцепились, как звери...

Впереди сверкнули огни.

— Что это? — подозрительно спросил Лоуз. — Нам лучше сойти с главной дороги.

Перед ними открылась деловая часть Белмонта. Но, честно говоря, в памяти она всегда представляла несколько другой...

— Ну что ж, — ядовито произнес Джек, — я предполагал нечто подобное.

Мертвенно-холодные, как мерцание гнилушек на болоте, огни обозначили во тьме простиравшиеся во все стороны трущобы. Ветхие магазинчики и лавки торчали над тротуарами, словно уродливые, ядовитые грибы. Кабаки, казино, бордели... А над всем этим — невыносимый металлический визг. Из громкоговорителей, укрепленных на столбах и примитивно сработанных арках, несся рев разухабистого джаза. Мигала неоновая реклама. Беспечно шлялись вооруженные солдаты, подбирая себе подруг подешевле.

В одной из витрин Джек увидел странное зрелище. Огромная выставка холодного и огнестрельного оружия в обитых плюшем ящиках.

— Почему бы и нет? — заметил Лоуз. — Представление коммунистов об Америке — страна бандитов, насилия и пороков.

— А в провинции, — добавила Марша, — бесконечные войны с индейцами, скальпы и суды Линча. Произвол и резня.

— Вы неплохо осведомлены, — буркнул Лоуз.

Марша с убитым видом присела на обочине.

— Я дальше не пойду.

Трое мужчин растерянно остановились.

— Пошли! — грубо приказал ей Джек. — Иначе замерзнешь.

Марша не ответила. Она сжалась в комок, опустив голову и обхватив колени, — маленькое, хрупкое, незащитное существо.

— Надо бы завести ее в тепло, — предложил Лоуз. — Может, в какой-нибудь ресторан...

— Не вижу смысла продолжать этот фарс... — сказала Марша мужу. — А ты?

— Наверное, тоже.

— И тебе все равно, вернемся ли мы...

— Да.

— Как же мне быть? Как объяснить тебе...

Джек широким жестом обвел убогую панораму вокруг:

— Все понятно и без слов.

— Мне очень жаль, — неуклюже промолвил Макфиф.

— Это не твоя вина, — ответил Гамильтон.

— На душе гнусно, будто я что-то такое натворил...

— Забудь.

Склонившись, Джек тронул дрожащие плечи жены:

— Пойдем, милая. Тебе нельзя здесь оставаться.

— Даже если больше некуда идти?

— Именно так. Даже если некуда... Даже если наступил конец света.

— Очень, кстати, похоже, — безжалостно процедил Лоуз.

У Гамильтона не нашлось ответа. Согнувшись, он поднял безвольно обмякшую Маршу на ноги.

— Кажется, прошла вечность, — задумчиво произнес Джек, не выпуская руку жены. — Помнишь, я встретил тебя в холле и сказал, что меня вызывает полковник Эдвардс.

Марша кивнула:

— В тот день мы пошли на экскурсию в «Мегатрон».

— Только представьте, — с гадким смешком встрял Макфиф, — если б не авария, вы бы так ничего и не поняли!..

По пути попадались всевозможные рестораны, но вид у них был чересчур шикарный, чтобы попробовать сунуться туда. Похожие на разноцветных крыс, меж роскошных столиков сновали официанты в ливреях. Четверо несчастных тоскливо брели вдоль всего этого вычурного великолепия. Улицы стали практически безлюдны. Время от времени проходил мимо какой-нибудь оборванец — скрюченная от холода фигура.

— Что это, яхта? — тускло спросил Лоуз.

— Что?..

— Да яхта же! — Лоуз указал на освещенную витрину длиной чуть ли не в квартал. — Много яхт. Купишь себе?

Рядом с вереницей сверкающих яхт громоздились груды мехов и драгоценностей. Дорогая парфюмерия, заморские деликатесы... и непременные рестораны, бьющие по глазам и нервам своей навязчивой роскошью, приторной суетой лакеев, слепым хрусталем полыхающих люстр. Случайные бродяги в лохмотьях глазели на это буйство, как голодные псы на вывеску колбасной лавки.

Один раз попала даже телега, запряженная лошастью. В повозке сидела семья. Люди с

потухшими взорами, судорожно растопырив пальцы, цеплялись за жалкие корзинки, тюки и узлы.

— Должно быть, беженцы, — предположил Лоуз. — Из Канзаса, пораженного засухой и голодом. Из района пыльных бурь — ты помнишь?

Впереди замаячил обширный квартал красных фонарей.

— Ну, — хмыкнул Джек, — что скажете?

— А что нам терять? — ухмыльнулся Лоуз. — Мы и так дошли уже до ручки.

— Отчего бы не поразвлечься? — проворчал Макфиф. — Пока еще есть возможность. Потом ведь это все рассыплется в прах...

Не говоря больше ни слова, четверка направилась к жгучим соблазнам сверкающего неона и веселой музыки. К старой доброй «Тихой гавани».

Усталая Марша благодарно уселась за столик в углу.

— Как хорошо здесь! Мило и тепло.

Джек вертел головой, озирая прокуренное гостеприимное пространство бара, слушая металлическое бряцание музыкального ящика. В «Тихой гавани» все было по-прежнему. У стойки сидела привычная группа рабочих. Унылые фигуры с бесцветными лицами и пустыми глазами согнулись над кружками. Паркет устлан ковром из окурков. Бармен, вяло возивший по прилавку грязной тряпкой, кивнул Макфифу, когда компания усаживалась.

— Эх, хорошо дать отдых ногам, — вздохнул Макфиф.

— Пиво все будут? — спросил Лоуз. Получив подтверждение, он отошел к бару.

— Далеко мы забрались, — грустно сказала Марша, высвобождаясь из рукавов пальто. — Я, кажется, здесь ни разу не была.

Вернулся Лоуз с четырьмя бутылками «Золотой пены» в руках.

— Угощайтесь!

— Ты ничего не замечаешь? — спросил Джек. — Взгляни-ка на детей!

В тускло освещенных нишах вдоль стен расположились подростки. Джек с удивлением увидел, как юная девчушка, явно не старше четырнадцати, прошла к стойке. Это что-то новенькое! Старый истинный мир показался Джеку некой давно забытой сказкой, смутным воспоминанием детства. Но и теперешняя дурная реальность расплывалась остатками сна. Она дрожала, как марево, как оптический обман. Бар, ряды бутылок и стаканов при рассеянном взгляде превращались в зыбкую тень. Все таяло, растворяясь в дыму и сумерках; Джек даже не мог разглядеть дальнюю стену кабака. Привычные неоновые значки туалетов и те стали неразличимы.

Прищурившись, Джек выглядывал из-под руки. Где-то далеко, за столами, за нечесаными головами пьяниц, светилась красная полоска...

— Что там написано? — показал он Лоузу.

Лоуз напрягся, зашевелил губами.

— Как будто «аварийный выход».

И подумав, добавил:

— Я видел это на стене «Мегатрона». По-моему, пожарный спуск.

— Да нет! — высказался Макфиф. — Обыкновенный сортир.

— Это у тебя ложная память, — бросил ему Гамильтон.

— А почему, кстати, дети пьют? — спросил Лоуз. — И сигареты курят...

— Издержки аморальной системы, — пояснил Джек. — Кока-кола, наркотики, алкоголь и секс. А вместо школы, наверно, они работают на урановых рудниках. — Он не сумел скрыть горечь в голосе: — Подростут — станут гангстерами.

— Чикагскими, заметь! — подлил масла в огонь Лоуз.

— Потом наденут военную форму и будут расстреливать фермеров и жечь их хижины. В такой уж стране мы живем. Заповедник убийц и эксплуататоров.

Повернувшись к жене, Джек спросил саркастически:

— Не так ли, дорогая? Дети курят наркотики, у буржуев руки по локоть в крови, а бездомные роются на помойках...

— Вон идет твоя подруга, — тихо прошипела Марша.

— Моя?.. — Гамильтон с удивлением обернулся.

Сквозь толчею торопливо пробиралась стройная, гибкая блондинка. Чувственный ротик полуоткрыт, буйная копна волос лихо спадает на плечи. Сначала Джек не узнал ее. Она была одета в блузку с низким вырезом. Лицо лоснилось от обильной косметики. Юбка в обтяжку соблазнительно подчеркивала округлые формы. Роскошный бюст вздрагивал при каждом шаге.

Джеку ударил в ноздри сложный букет запахов — аромат духов и разгоряченного женского тела. В голове сразу закружились столь же сложные воспоминания.

— Привет. — У Силки оказался низкий, хрипловатый голос.

Она склонилась и чуть ткнула губами Джека в висок.

— Я ждала тебя.

Гамильтон смущенно поднялся и предложил ей стул.

— Спасибо. — Усевшись рядом, Силки обвела взглядом присутствующих. — Привет всей честной компании!

— Могу я задать вам один вопрос? — холодно обратилась к ней Марша.

— Разумеется.

— Какого размера вы носите лифчик?

Не моргнув глазом, Силки спокойно задрала блузку так, что обнажились великолепные груди.

— Вас удовлетворяет мой ответ?..

Марша густо покраснела.

С беззастенчивым, мальчишеским восторгом Джек глазел на невероятных размеров женские груди.

— Полагаю, что лифчики — буржуйская выдумка для обмана простого народа.

— Кто бы говорил о народе! — слабо возразила Марша; только что увиденное зрелище явно лишило ее душевного равновесия. — Тебе, должно быть, нелегко поднимать вещи, когда ты их роняешь, — сказала она девице.

— В коммунистическом обществе, — объявил Лоуз, — пролетариату нечего ронять!

Силки рассеянно улыбалась, касаясь своих обнаженных грудей длинными тонкими пальчиками. Затем, пожав плечами, она опустила блузку, расправила рукава и положила руки на стол:

— Что новенького?

— Большая битва на дороге, — сообщил Гамильтон. — Кровожадный Уолл-стрит против героического, самозабвенно распевającego гимны рабочего класса.

Силки с сомнением посмотрела на Джека:

— И чья взяла?

— Честно говоря, почти вся фашистская шакалья стая погребена под горящими лозунгами.

— Смотри! — вдруг показал на что-то Лоуз. — Видишь, вон там?

В углу бара стоял автомат, продающий сигареты.

— Помнишь, а?

— Еще бы.

— И тот тоже на месте. — Лоуз ткнул пальцем в другой угол, на леденцовый автомат, едва различимый в табачном дыму. — Помнишь, что мы сотворили с ним?

— Конечно. Заставили агрегат выдавать французский коньяк высшего качества.

— ...И собирались изменить мир, — вдохновенно продолжил Лоуз. — Подумай только, Джек, что мы могли бы сотворить!

— Думаю, думаю...

— Производили бы любой продукт, все что душа пожелает! Да, вот это был способ производства!

— Принцип божественной отрыжки. Или принцип размножения посредством чуда, — кивнул Гамильтон. — В этой свихнувшейся реальности чудо здорово бы пригодилось.

— Мы бы переплюнули коммунистов, — поддержал его Лоуз. — Им приходится вкалывать до седьмого пота. А нам бы нужен был только этот бар.

— И немного трубок из-под неона, — напомнил Джек.

— Ты говоришь так печально, — забеспокоилась Силки. — Что-нибудь случилось?

— Ничего, — кратко ответил Гамильтон. — Ровным счетом ничего.

— Может, я могу помочь?

— Нет. — Он слегка улыбнулся. — Но все равно спасибо.

— Если хочешь, пойдем на второй этаж и ляжем в кровать. — Она с готовностью сдвинула юбку, обнажая пухлые ляжки. Джек похлопал ее по руке.

— Ты хорошая девчонка. Но это не поможет.

— Уверен? — Она призывно подалась вперед. Грудь ее в этот момент напоминали два тяжелых штурмовика, идущих на таран.

— Как-нибудь... в другой раз.

— Какая милая беседа! — Марша состроила презрительную гримасу.

— Мы просто дурачимся, — мягко сказал ей Джек. — Не обижайся, пожалуйста.

— Смерть мировому капиталу! — торжественно рыгнув, провозгласил Лоуз.

— Вся власть — рабочему классу! — тут же откликнулся Гамильтон;

— За народную демократию! — продолжил Лоуз.

— За Союз Советских Социалистических Штатов.

Оторвавшись от пивных кружек, рабочие за стойкой хмуро глянули в их сторону.

— Потихе, олухи! — просипел Макфиф.

— Слушайте, слушайте! — кричал Лоуз, стуча по столу перочинным ножом. Открыв лезвие, он угрожающе выставил его. — Я сдеру шкуры с хищников Уолл-стрит!

Джек с подозрением смерил его взглядом:

— Негры не носят ножей. Это клевета буржуазии.

— А я ношу.

— Тогда ты не негр. Ты — *бывший негр*, предавший свою религию.

— Свою религию? — непонимающе повторил Лоуз.

— Понятие расы — фашистская категория, — сообщил ему Гамильтон. — Негры — это религиозно-культурная группа, и ничего больше.

— Черт возьми! — Лоузу заявление Джека пришлось по душе. — Такие дела начинают мне нравиться!

— Может, потанцуем? — спросила Гамильтона Силки. Неожиданно в ее голосе появились властные нотки.

— Не хочу, — сухо ответил Джек.

— Что мы можем сделать для революции? — с энтузиазмом обратился к присутствующим Лоуз. — Кого надо убить?

— Не важно, — махнул рукой Гамильтон. — Первого встречного, кто умеет читать и писать.

Силки и кое-кто из рабочих обменялись настороженными взглядами.

— Джек, — заерзала на стуле подружка, — такими вещами не шутят!

— Ни в коем случае! — согласился Гамильтон. — Нас самих едва не линчевал этот бешеный пес Тиллингфорд.

— Ликвидируем Тиллингфорда! — закричал Лоуз.

— Я сделаю это, — брякнул Джек. — Растворю его в кислоте и спущу в унитаз.

Силки по-прежнему не сводила с Джека озадаченного взгляда.

— Прошу тебя, не говори так. Ты пугаешь меня.

— Пугаю? Почему же?

— Потому что... — Она сделала беспомощный жест. — Мне кажется, ты говоришь с сарказмом.

У Марши вырвался истеричный всхлип:

— О Боже... *она* еще и рассуждает!..

Пролетарии тем временем соскользнули с табуретов и, лавируя меж столиками, тихо приближались. Шум в баре стих. Смолк музыкальный автомат. Подростки в дальнем углу сорвались с мест и быстро выскочили на улицу.

— Джек, — испуганно шепнула Силки, — будь осторожен. Ради меня!

— Вообще-то я многое уже повидал! — усмехнулся Гамильтон. — Даже политически подкованную шлюху. Ай да ты!.. Честная девушка, говоришь? Развращена системой?

— Золотом толстосумов, — мрачно поправил Лоуз, переворачивая опорожненную бутылку. — Совращена пузатым банкиром. А может, священником! Он ее девственность прибил на стене библиотеки, над камином.

Марша тревожно оглядывалась вокруг:

— На самом деле это совсем не бар, так ведь? Только жалкое подобие...

— Бар, вид снаружи, — уточнил Гамильтон. — А тебе что нужно?

— Тогда внутри, — медленно продолжила Марша, — это... собрание партиячейки. А твоя подружка...

— Ты работаешь на Гая Тиллингфорда, верно? В тот день я тебя там посадила в машину?

— Да. Но Тиллингфорд меня уволил. Полковник Эдвардс выгнал, Тиллингфорд выгнал... и боюсь, что этим дело не закончится.

Гамильтона почему-то крайне развеселил тот факт, что пролетарии, окружавшие столик, оказались при оружии. Каждый в этом мире вооружен. И каждый — на той или на другой стороне. Даже юная потаскушка.

— Силки, — проговорил вслух Джек, — я тебя с кем-нибудь другим не перепутал?

Девушка на миг смутилась. Потом тряхнула головой, расплескав по плечам волны светлых волос.

— Правда... все кажется немножко странным... Ничего не понять.

— Да, каша заварилась густая...

— Я-то, дура, решила, — сокрушенно вздохнула Силки, — что мы на одной стороне баррикад. Что мы друзья...

— А мы и так друзья. По крайней мере — были. Где-то в другом месте... Далеко-далеко отсюда.

— Разве ты не собирался меня эксплуатировать?

— Дорогая моя... — заметил Джек с горечью. — Эксплуатировать тебя — мое самое заветное желание. В любом месте, в любом чокнутом мире. Ох, как хочется взять тебя покрепче и так от... отэксплуатировать, чтобы твои роскошные груди затряслись, как яблоки на ветру.

Она прильнула к Джеку, прижавшись щекой к его плечу. Он неуклюже поиграл белокурым локоном, упавшим девушке на глаза.

— Жаль, — монотонно произнесла она, — что так ничего и не получилось.
— Да, жаль... Но я буду заглядывать на огонек, опрокинуть с тобой по рюмочке...
— Подкрашенной воды! — напомнила Силки. — А бармен даст мне тонюсенький бутерброд...
В некоторой нерешительности окружившие их рабочие подняли винтовки.
— Сейчас? — спросил один из них.
Высвобождаясь, Силки поднялась на ноги.
— Пожалуй... — еле слышно пробормотала она. — Приступайте. И кончайте побыстрей.
— Смерть фашистским собакам, — замогильно пошутил Лоуз.
— Смерть мерзавцам! — добавил Гамильтон. — Мы можем встать?
— Конечно, — сказала Силки. — Как хотите. Мне очень жаль, Джек... Правда, правда! Но вы же не с нами, так?
— Боюсь, что не с вами, — почти добродушно согласился с ней Гамильтон.
— Ты против нас?
— Я должен быть против. Мне трудно быть кем-то другим.
— Мы что, так и позволим прикончить себя? — запротестовала Марша.
— Это наши друзья. — Голос Макфифа напоминал булькающую невнятицу паралитика. —
Сделай что-нибудь! Неужели ты не можешь поговорить с ними?
Джек развел руками:
— С ними бесполезно говорить.
Он бережно поставил Маршу на ноги.
— Закрой глаза, — шепнул он ей. — И расслабься. Это не очень больно.
— Что ты собираешься делать? — пролепетала Марша.
— Вызволить нас отсюда. Единственно возможным способом...
И когда уже лязгнули затворы и поднялось полукружие нацеленных стволов, Джек отвел назад кулак, тщательно примерился и ударил жену точно в подбородок.
Слабо вздрогнув, Марша повалилась как сноп на руки Билла Лоуза. Гамильтон подхватил ее легкое тело и остался стоять с самым идиотским видом... Идиотским — поскольку бесстрастные фигуры пролетариев были вполне осязаемы и реальны. И по-прежнему готовились пустить в ход оружие.
— Боже, — хрипло сказал Лоуз. — Они все еще здесь. А вокруг никакого «Мегатрона».
Не зная, куда деваться от смущения и отчаяния, негр кинулся к Джеку и помог тому подержать потерявшую сознание Маршу.
— Какие же мы болваны! Марша здесь абсолютно ни при чем!

Глава 15

— Полный маразм! — деревянным голосом проскрипел Джек. Он крепко обхватил неподвижное теплое тело жены. — Кто же тогда устроил эту бессмыслицу, а?
И вдруг боковым зрением он заметил...
С Чарли творилось что-то неладное. Казалось, Макфиф совершенно лишился рассудка и теперь действует не более осознанно, чем заводной болванчик. Странные метаморфозы вылезали из темных глубин его естества. Словно проклюнулся чудовищный, доселе дремавший внутри зародыш и сейчас прорывается наружу.
Макфиф рос прямо на глазах. Пока Джек и Билл таранились на компаньона, из приземистого, грубо сколоченного толстяка с носом картошкой он превратился в рослого, великолепного мужчину. Божественное благородство снизошло на него. Идеально сложенный, глаза горят

пламенем праведного гнева. Квадратные челюсти высокоморального Чарли стиснуты с выражением неумолимой строгости и справедливости.

Сходство с Тетраграмматонем просто поразительное! Макфифу явно не удалось расстаться со своими затаенными страхами.

— Что это? — потрясенно спросил Лоуз. — Во что это он превратился?

— Ой, что-то мне нехорошо... — неестественно громко и отчетливо произнес Макфиф. — Надо бы принять бром...

Нескладные фигуры рабочих опустили винтовки. Дрожа и благоговей, они смотрели на Макфифа, разинув рты.

— Товарищ комиссар, — пробормотал один из них. — Мы не узнали вас.

Болезненно поморщившись, Макфиф повернулся к Гамильтону.

— Дураки проклятые! — прогремел его зычный повелительный голос.

— О, что я вижу... — ухмыльнулся Джек. — Разрази меня гром, если это не Святой Отец собственной персоной?

Благородные уста Макфифа зашевелились, но звук почему-то отсутствовал.

— Теперь ясно, — скривился Гамильтон, — почему тогда, летя на зонте, Тетраграмматон тебя так разглядывал... Понятно, почему ты чуть не спятил! И нарывами ты покрылся не зря.

Макфиф ответил не сразу.

— Я растерялся. Знаешь, не очень-то верилось, что увижу Его там. Думал, все это шарлатанство и выдумки.

— Чарли! — Джек чуть не взвыл от восторга. — Ты же коммунист!

— Да, — тяжело выдохнул Макфиф. — Это так.

— И давно?

— Со времен Великой Депрессии.

— Какого черта? Младшего брата что ли застрелили агенты ФБР?

— Нет. Просто голод, безработица и отчаяние...

— Вообще-то ты парень неплохой, — примирительно заметил Джек. — Но душа у тебя вся изодрана. Ты безумец посильнее мисс Рейсс. Ты еще больший педант и зануда, чем миссис Притчет. В суевериях и предрассудках ты переплюнешь даже Сильвестра. В тебе дерьма гораздо больше, чем у всех предыдущих психов. А так — ты в полном порядке.

— Нет смысла выслушивать эту ахинею! — величественно объявило божество.

— И вдобавок ко всему ты порядочная мразь. Отвратительный, бессовестный лжец, властолюбивый мошенник... и редкостная сволочь. Как ты мог поступить так с Маршей? Как ты мог устроить такую подлость?

Помедлив, сияющая фигура ответила:

— Как говорится, цель оправдывает средства.

— Еще один дешевый лозунг...

— Люди вроде твоей жены опасны.

— Почему? — искренне удивился Джек.

— Они никому не отдают предпочтения. Они только заигрывают со всеми. Стоит лишь повернуться к ним спиной...

— И поэтому вы их уничтожаете! Отдаете на растерзание невменяемым фанатикам.

— Фанатики нам близки и понятны, — ответил Макфиф. — А вот твоя жена — нет. Она подписывает партийные воззвания и в то же время читает «Чикаго трибюн». Людям, подобным ей, чужда жесткая дисциплина и самоконтроль. Они больны индивидуализмом. Заражены слюнявой романтикой и примитивной этикой. Они не способны беспрекословно подчиняться авторитету. А это переворачивает все с ног на голову. На таком фундаменте ничего не

построишь.

— Макфиф, — сказал Джек, — прости меня.

— За что?

— За то, что я собираюсь сделать. Хотя это, конечно, безнадежно. Ну и пусть! Все равно я вышибу из тебя дух!

С этими словами он бросился на Макфифа. У монстра мгновенно напряглись мощные мускулы. Схватка вышла, увы, слишком неравной: Джек не смог даже как следует подобраться к великому вождю. Макфиф отступил назад, сгруппировался и контратаковал.

Зажмурив глаза, Джек изо всех сил обхватил Макфифа. Весь залитый кровью из рассеченного лба, потеряв большую часть зубов, он крепко вцепился в чудовище. Повис на нем, как истерзанная крыса, даже в предсмертной агонии не разжимающая челюстей. Им овладело почти религиозное неистовство: он впился в Макфифа в экстазе отвращения и ненависти. Он остервенело колотил божество головой о стену. Железные пальцы врага, казалось, вот-вот разорвут его на кусочки, словно старую газету, но Джек не отпуская гада.

Все закончилось так же быстро, как и началось. Приступ ярости иссяк, как пустой выхлоп, как холостой выстрел. Лоуз валялся на полу с проломленным черепом, неподалеку от смятой фигурки Марши. Сам Джек кое-как еще держался на ногах. Но вот поднялись винтовочные приклады... Значит, время пришло.

— Давай, смелее! — подбодрил он убийц. — Это ничего не меняет. Даже если порвете нас на клочки. Даже если построите из наших тел баррикады или сотрете в порошок! Марша ни в чем не виновата — и это главное...

Жестокий удар швырнул Джека на пол. От страшной боли тело скрючилось в уродливую загогулину. Один из пролетариев пнул Джека в пах; другой стал методично крушить ему ребра. В кровавом тумане массивное тело вождя исчезло. Из клубящейся темноты возникали и тут же пропадали фигуры вооруженных боевиков. Хрипя, харкая горячей, липкой слюной, Джек встал на четвереньки. Сквозь красную пелену ненависти, отчаяния и боли, сквозь жесткую корку запоздалого раскаяния пробивалась, как острие шпаги, только одна мысль — разыскать и придушить Макфифа.

Крики, команды, стоны... Удары прикладами в голову и в ребра. Он содрогался, слабо отбиваясь скользкими от крови ладонями... Заметив чье-то неподвижное тело, Джек пополз туда.

— Оставьте, пусть подышает... — прокаркал грубый голос. Джек уже не обращал внимания на побои, он на ощупь искал Макфифа. Но неподвижное тело оказалось не комиссаром, а всего лишь несчастной Джоан Рейсс.

После долгой отчаянной возни он все-таки наткнулся на Чарли. Пошарил в грудке мусора что-нибудь поувесистее. Вот! Осколок кирпича... и хлесткий удар ногой отшвырнул Джека далеко в сторону. Враг снова ускользнул, пропал в хаосе свалки и медленно оседающей завесы пепла.

Реальность опять сдвинулась. Вновь проступили искореженные внутренности «Мегатрона» и медленно ползущие силуэты спасателей.

Справа от Гамильтона неподвижно лежала его жена; одежда на ней обгорела. Одна рука неестественно вывернута за спину. Марша казалась беззащитным зверьком, брошенным безжалостной рукой на почерневший бетон. Чуть дальше распростерся Макфиф. Гамильтон, преодолевая боль, судорожно пополз к нему. На полпути его остановили спасатели и попытались уложить на носилки. Почти теряя сознание, не в силах вымолвить ни слова, но все еще движимый страстным порывом, Гамильтон оттолкнул спасателей и со стоном сел.

Беднягу Макфифа, в экстазе кровавого побоища, зацепили собственные бойцы. Его

физиономия до сих пор хранила гримасу крайнего негодования. Дыхание было неровным и хриплым. Что-то бормоча, Чарли дергался и вздрагивал, толстые пальцы хватали воздух, пытаясь то ли схватить кого-то, то ли нащупать опору.

Мисс Рейсс, наполовину засыпанная щебнем, тоже потихоньку шевелилась. С трудом поднявшись на колени, она попыталась вслепую разыскать свои очки.

— О! — простонала она, слепо моргая, испуганно роняя слезы. — Что же это...

Близоруко прищурившись, оглядела себя и трясущимися руками стала приспособливать обгоревшие лоскуты одежды, чтобы хоть как-нибудь прикрыть свои худосочные прелести.

В это время спасатели отыскивали миссис Притчет. Они быстро сгребли в сторону мусор, заваливший ее необъятные телеса. Джек ползком подобрался к жене и принялся сбивать пляшущие по ее платью язычки пламени. Марша задрожала.

— Не двигайся, — прохрипел Джек. — У тебя, может, что-нибудь сломано.

Она послушно застыла, не открывая глаз.

Откуда-то из-за едких клубов гари послышался испуганный плач Дэвида Притчета... Что ж, кажется, несчастные люди, угодившие в жернова безумия, возвращаются к жизни. Вот Билл Лоуз бессмысленно тарашит глаза на окруживших его санитаров... Вопли, крики, рев сирен...

Наконец-то! Неподдельные звуки настоящего мира. Дым пожарища, обгоревшие железо и камень. Нервная беготня медиков, спешащих оказать первую помощь.

— Мы вернулись! — крикнул Гамильтон жене. — Ты меня слышишь?

— Слышу, — откликнулась Марша.

— Ты рада?

— Да, — проговорила она еле слышно. — Не кричи, дорогой. Береги силы.

Полковник Эдвардс молча выслушал доклад Джека. После того как были изложены все основные пункты доклада, в конференц-зале воцарилась тишина. Чуткое ухо уловило бы только сухое потрескивание дымящихся сигар и скрип карандаша стенографистки.

— Вы обвиняете нашего офицера безопасности в принадлежности к коммунистической партии, — после долгой паузы хмуро проговорил Эдвардс. — Я вас верно понял?

— Не совсем...

Джек был еще немного слаб; всего неделя с небольшим минула со времени аварии.

— Я заявляю, что Макфиф — коммунист по убеждению. Он подчиняется партийной дисциплине и использует свое служебное положение для осуществления тайных целей.

Резко повернувшись к Макфифу, Эдвардс спросил:

— Что скажешь, Чарли?

Не поднимая взгляда, Макфиф ответил:

— Скажу, что это очевидная клевета.

— Значит, Гамильтон просто пытается поставить под сомнение ваши мотивы?

— Именно так, — монотонно бубнил Макфиф. — Вместо того чтобы защищать жену, он атакует меня.

Полковник снова повернулся к Джеку:

— Боюсь, с этим мне придется согласиться. Ведь речь идет о вашей жене, а не о Чарли Макфифе. Постарайтесь говорить по существу.

— Как вы понимаете, — взволнованно начал Джек, — я не могу прямо сейчас доказать, что Марша не коммунистка. Однако мне вполне ясно, почему Макфиф обвинил ее. Я могу открыть всю реальную подоплеку этого дела. Подумайте о положении, которое Чарли занимает. Кто ж его заподозрит? У него свободный доступ к секретным досье. Он может обвинять кого угодно по собственному выбору... Идеальное положение для диверсанта! Всех, кто мешает, можно

запросто устранить.

— Безосновательно, — отмахнулся Эдвардс. — Все логично, но где доказательства? Вы можете доказать, что Чарли — красный? Вы же сами сказали, что он не состоит в компартии.

— Я не детектив, — ответил Гамильтон. — У меня нет возможности собирать сведения. Полагаю, он постоянно контактирует с каким-нибудь связником... Откуда-то он должен получать приказы? Если парни из ФБР возьмут его в оборот и потолкуют вдумчиво...

— Значит, доказательств нет, — прервал его Эдвардс, пожевав сигару.

— Нет, — признал Гамильтон. — Трудно, знаете ли, залезть человеку в мозги. Тем более что-то оттуда вытащить. Это, кстати, относится и к моей жене. Откуда вам знать, что у нее творится в голове?

— У нас обширный компромат на нее. Всевозможные воззвания, подписи, походы на сомнительные собрания. А покажите мне хоть одну петицию, подписанную Чарли Макфифом. Назовите хоть один митинг, на котором он побывал!

— Ни один настоящий диверсант не раскроет себя, — проворчал Джек, сам прекрасно понимая, насколько нелепо это утверждение.

— Мы не можем на этих основаниях уволить Чарли. Слишком абсурдно тогда получится.

Губы полковника чуть дрогнули в некоем подобии улыбки.

— Сожалею, Джек. Ты ничего не доказал.

— Я знаю.

— Знаешь?.. — Эдвардс крайне удивился. — И сам признаешь это?

— Конечно, признаю. Я и не надеялся вас убедить. — Джек совершенно утратил первоначальное воодушевление и напор. Теперь голос его отдаленно напоминал гул погребального колокола. — Нет, не надеялся... Хотел только привлечь внимание. Может, для досье и сгодится.

Макфиф не проронил ни слова. Лишь еще больше надулся, глубоко погрузившись в кресло, как булыжник в тесто. На Джека он старался не глядеть.

— Я честно пытался тебе помочь... — с усилием проговорил Эдвардс. — Но, Джек, черт возьми... Следуя твоей логике, нам надо каждого считать фактором риска.

— Вы так и поступаете. Я всего лишь применил ваш метод на Макфифе. Жаль, что он вышел сухим из воды! Жалко и мерзко...

— Полагаю, — сухо произнес Эдвардс, — что высокая порядочность и патриотизм Чарли Макфифа выше упреков и подозрений. Вам прекрасно известно, что этот человек сражался на войне в ВВС армии США. Он ревностный католик. И состоит в организации «Ветераны экспедиционных войн».

— К тому же, наверное, еще и бойскаут! — усмехнулся Джек. — И каждый год наряжает рождественскую елку.

— Не хотите ли вы сказать, что католики и легионеры — предатели? — Полковник аж потемнел лицом, словно кактус, в который впрыснули шприцем чернила.

— Нет, не хочу. Я пытаюсь лишь объяснить, что человек может отвечать всем требуемым нормам официальной морали и тем не менее быть настоящим подонком. А несчастная женщина, по простоте душевной подписывающая всякие глупые бумажки, — любить даже придорожную грязь этой страны.

— Мы напрасно теряем время, — холодно резюмировал Эдвардс.

Джек поднялся, отодвигая стул.

— Спасибо, полковник, что выслушали меня.

— Не за что. — Откровенно испытывая неловкость, Эдвардс добавил: — Очень хотелось бы поработать вместе, парень. Но ты сам видишь...

— Не вините себя. — Джек сделал успокоительный жест. — По правде говоря, я даже рад, что вы не обратили внимания на мое заявление. Макфиф невиновен, пока не доказано обратное.

Собрание потихоньку расходилось. Руководители «Калифорния мэйнтэнанс» с радостью выбирались в коридор, чтобы вернуться к своим привычным делам. Аккуратная стенографистка собирала записи, сигареты в сумочку. Макфиф, исподтишка бросив на Гамильтона злорадный взгляд, прошмыгнул мимо и исчез.

В дверях Эдвардс задержал Джека.

— Что ты собираешься делать? — хмуро спросил полковник. — Думаешь найти фирму на полуострове? Например, Тиллингфорда... Знаешь, а он запросто возьмет тебя!.. Он ведь дружил с твоим отцом.

В реальном мире Гамильтон еще не побывал у Гая Тиллингфорда.

— Возьмет... — произнес он задумчиво. — Может, из-за отца... А может, потому, что в электронике я все-таки специалист высшего класса.

Эдвардс, как гимназистка, у которой неожиданно лопнула на трусах резинка, покрылся красными пятнами.

— Извини. Я имел в виду...

Джек передернул плечами, как если бы ему вдруг стало зябко. Тут же дала о себе знать боль в стянутом пластырем ребре. На десны давили вставные зубы, во рту ощущался какой-то гнусный привкус, словно глотнул из сточной канавы. И вообще Джека терзало странное чувство, будто он заглянул в зеркало и увидел там вместо своего собственного — чужое лицо. Джек отчетливо сознавал, что здорово постарел и вымотался за время беготни по шизоидным мирам.

— Я не пойду к Тиллингфорду, — вздохнул он. — Буду работать самостоятельно.

Потоптавшись на месте, Эдвардс спросил:

— И затаишь обиду на нас?

— Нет. Работу я, конечно, потерял, но теперь это не важно. Я чувствую себя как больной, только что вышедший из стен госпиталя. Я был в глубокой коме и вот очнулся. Я стянул с себя остатки дурного сна. К тому же меня наконец-то ткнули носом в собственное дерьмо. Поэтому действовать по-старому я уже не смогу. В голове, наверное, что-то щелкнуло. Вот так!

— Ну, Джек...

— Раньше мне все давалось слишком легко. У родителей было много денег. Отец — всемирно известный ученый. Люди моего положения редко сталкивались с уродцами типа Макфифа. Но времена меняются. Макфифы выползают из нор, чтобы охотиться на нас. Пришла пора и нам обратить на них внимание.

— Все это крайне трогательно. — Эдвардс поскреб подбородок, прикидывая следующую фразу. — Но тебе придется зарабатывать на жизнь, содержать семью. Без спецдопуска ты не сможешь проектировать ракеты ни здесь, ни в другом месте.

— Ну и что? Честно говоря, я устал делать бомбы.

— Однообразие надоело?

— Я бы назвал это пробуждающейся совестью. Произошло нечто, перечеркнувшее многие мои убеждения. Как говорится, выбило меня из накатанной колеи.

— Ах да! Несчастный случай...

— Я увидел множество таких вещей, о которых и не подозревал. Наверное, стоило пережить вереницу кошмаров, чтобы выбраться из ямы на свободу.

По коридору разнеслось знакомое стаккато каблучков. Марша, запыхавшаяся и румяная, подбежала и взяла Джека под руку.

— Мы готовы, — задорно сообщила она.

— И еще, — сказал Гамильтон полковнику. — Я узнал самое главное: Марша говорила правду.

Новую работу, в конце концов, найти можно, а вот с любимым человеком дело обстоит сложнее.

Джек повернулся и зашагал прочь, даже не прислушиваясь как полковник оправдывается ему вслед.

— Милый, — взволнованно сказала Марша, когда они спускались по ступенькам главного подъезда, — машины уже прибыли. Разгрузка идет полным ходом.

— Отлично! — обрадовался Джек. — Это хороший повод вечером, когда мы на родном диванчике слегка...

— Не говори так! — воскликнула Марша, сжимая его руку. — Мне стыдно за тебя.

Широко улыбаясь, Гамильтон помог жене сесть в машину.

— С этого момента я абсолютно честен со всеми. Жизнь чересчур коротка, чтобы ходить кругами.

Марша пожаловалась:

— Меня беспокоит ваша с Биллом затея...

— Мы разбогатеем! — весело крикнул Джек, выруливая на шоссе. — Запомни мои слова! Ты и Прыг-Балда будете питаться сливками до отвала и спать на шелковых подушках.

Через полчаса они стояли на пустыре, критически рассматривая небольшой ангар из гофрированного железа.

К ним навстречу, согнувшись против осеннего ветра, шагал Билл Лоуз. В зубах — потухшая сигарета, руки засунуты в карманы.

— Ну что, — криво усмехнулся он, — скоро будет очень весело. Мы, конечно, можем провалиться. Но зато провалимся с музыкой.

— А Джек сказал, что мы разбогатеем, — разочарованно проговорила Марша, надув губы в кокетливом недовольстве.

— Немного позднее, — пояснил Лоуз. — Когда из нас песок посыплется. И старым маразматикам станет ничего не нужно.

Вприпрыжку к ним подбежал мальчик, не старше одиннадцати лет.

— Вы что будете строить? — возбужденно спросил он. — Ракеты?

— Нет, — улыбнулся Джек. — Проигрыватели. Чтобы люди слушали музыку.

— Здорово! А я в прошлом году сделал приемник с наушниками, на батарейке...

— Хорошее начало! Может, еще и у нас поработаешь.

— А сейчас я собираю тюнер.

Осторожно ступая по развороченному пустырю, подошла Эдит Притчет. В тяжелой меховой шубе и вычурной шляпке, лежащей на крашенных хной локонах.

— Ладно, не докучай мистеру Лоузу и мистеру Гамильтону, — одернула она сына. — У них и так забот хватает.

Дэвид надулся.

— Мы говорили об электронике! — прежде чем удалиться, буркнул он.

— Очень много оборудования вы закупили! — настороженным тоном заметила миссис Притчет мужчинам. — Наверняка это стоило больших денег.

— Нам оно понадобится, — спокойно ответил Джек. — У Билла разработан новый проект. Это будет сенсацией на рынке звуковоспроизводящей аппаратуры!

— Вы, дегенераты! — шутливо крикнула Марша. — Обслуживаете капризы класса бездельников!

— Я считаю, — не моргнув глазом, продолжал Гамильтон, — что музыка всегда будет нужна. Вопрос в том, как и на чем ее слушать.

— Я вот как это представляю, — ухмыльнулся Лоуз. — Молодые ребята, сидя на полу где-нибудь в Норт-Бич, в экстазе крутят ручки настройки, в то время как из динамиков на них

обрушивается абсолютно чистый, полновесный рев паровоза, свист снежной пурги, грохот самосвала, сбрасывающего железный лом. И прочая экзотика. Живая!

— Я что-то не улавливаю... — разволновалась миссис Притчет. — Вы оба столь эксцентричны... А как же финансовый успех? Я не собираюсь инвестировать, пока не буду уверена в умеренной прибыли.

— Миссис Притчет, — сурово обратился к ней Джек, — помнится, кое-кто желал нести в массы высокое искусство?..

— О Боже! — Миссис Притчет картинно заломила руки. — Нет ничего более важного в жизни, чем наследие великих гениев прежних поколений...

— Значит, вы поступаете правильно! — заверил ее Гамильтон. — Ваш рэкет обнаружил верную цель.

— Мой...

— Ракеты, — уточнил Лоуз. — Джек сравнил ваши деньги с ракетами, поскольку они взлетят очень высоко! Вы же помните, он работал на ракетном заводе... Так. что простите его.

Джек крепко обнял жену:

— Как тебе нравятся перспективы, дорогая?

— Прекрасно! — Марша судорожно сглотнула. — Но ты поаккуратнее... Вспомни о моих ожогах!

Все еще с недоверчивой миной на лице Эдит Притчет рылась в своей объемистой сумке в поисках чековой книжки.

— Что ж, дело выглядит вполне пристойно.

— Конечно, — кивнул Гамильтон. — Поскольку без денег никакого дела быть не может.

Резким движением миссис Притчет защелкнула сумочку.

— Пожалуй, не стану я вмешиваться...

— Не обращайтесь на Джека внимания, — поспешила на выручку Марша. — Они оба несут полную околесицу.

— Ладно. — Миссис Притчет, наконец-то решившись, выпустила пары, словно паровоз после тяжелого подъема в горы. Она с крайней осмотрительностью достала чековую книжку и выписала чек на покрытие первоначальных расходов. — Я ожидаю, что получу все обратно! — строго заметила она, передавая чек Лоузу. — Согласно условиям нашего договора.

— Конечно, получите! — заверил ее Лоуз. И вдруг с воплем подскочил на месте. Схватившись за лодыжку, он нагнулся и, морщась, раздавил что-то пальцем.

— Что там? — нервно спросил Джек.

— Оса... Заползла под штанину и укусила, проклятое насекомое! — Лоуз криво улыбнулся и добавил: — Простое совпадение. Случается и не такое... Откуда она только взялась?

— Мы надеемся, что вы получите обратно ваши деньги, — торжественно обратился Джек к миссис Притчет. Голова его инстинктивно вжалась в плечи, как бы в предчувствии неожиданного удара. — Естественно, на все сто обещать не можем. Но мы постараемся.

Он выждал. Нет, по ноге никто не ползал и не кусал.

— Слава Богу, — вздохнула Марша. И украдкой глянула на чек. Размашисто зашагав в сторону ангара, Билл Лоуз прокричал:

— Эй, чего вы ждете? За работу!

Компьютерный набор — Сергей Петров

Дата последней редакции — 04.05.2000